

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Убийство церемониймейстера

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Annotation

В Петербурге убит церемониймейстер Двора Его Императорского Величества! Неутомимый сыщик Алексей Лыков принимается за расследование этого громкого дела. На первый взгляд все кажется простым и понятным – убийство совершено с целью ограбления. Подозрение сразу же падает на пропавшего лакея. Но Лыков не спешит соглашаться с этой версией – очевидность улик слишком подозрительна. Распутывая клубок придворных интриг, сыщик понимает, что ограбление было лишь прикрытием...

- [Николай Свечин](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

Николай Свечин

Убийство церемониймейстера

© Свечин Н., текст, 2014

© Асадчева Е., иллюстрации, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

От трех бывалых людей с ножами отбиться нельзя. От одного – трудно, но можно. Чтобы справиться с двумя, уже понадобится везение. А от троих помогут спастись лишь быстрые ноги. Вот Лыков и бежал. Он неся изо всех сил по Газовой, ругая себя мысленно разными неприличными словами. А за ним гнались три гайменника^[1] с финками и не собирались отставать.

Лыков летел к Геслеровскому переулку. Там на углу с Пудожской стоит городской, он-то и спасет незадачливого атлета. Больше всего Алексей злился на себя за шапку. Вчера няня Наташа рассказала ему о горчишниках^[2] на Газовой. Молодые наглые парни щипали женщин за задницу, а с мужчин срывали фуражки. Полиция боялась с ними связываться. Лыков решил проучить хулиганов и отправился туда сегодня в дорогой шляпе из стриженного бобра. Шляпа смотрелась странно в июньскую жару, зато была хорошей приманкой. Она-то и подвела надворного советника. Вместо хулиганов явились головорезы с Горячего поля. Привлеченные бобром, они теперь упрямо преследовали фраера^[3]. Был бы Лыков в обычной шапке, от него уже отстали бы. Но такой барский картуз! Вот дурак-то... Сыщик хотел бросить головной убор, но было жалко денег, отданных за него в Варшаве. И он удирал, хотя холодок страха начал подтачивать силы.

Лыков выскочил на Пудожскую и обомлел. Вдали, на перекрестке,

городового не наблюдалось! Ушел с поста? Запросто! Сыщику опять захотелось бросить шляпу, откупиться от преследователей. Но, как только он поглядел на них, припустил с новой силой. Ребята выглядели очень сердитыми: такие снимут бобра вместе с головой...

Тут сыщик наконец вспомнил про свисток. На ходу он вытащил его и дунул что было силы. Немедленно с Геслеровского донесся ответ. А через секунду из-за угла выскочили сразу двое дядек с шашками, и соотношение сил изменилось. Лыков развернулся к гайменникам. Те застыли как вкопанные в десяти саженьях от него. «А у долговязого одышка», – подумал Алексей. И с запозданием рассердился на себя. Он, георгиевский кавалер, словно заяц, драпал от этих харламов! А вот кто-то сейчас за это ответит! И Алексей ринулся в атаку.

Гайменники опешили от такой наглости и потеряли драгоценные две секунды. Пока они разворачивались, пока набирали ход, Лыков уже налетел на них. Одному отвесил пинка, а второму сзади крепко приложил по шее. Однако детина оказался не из слабаков. Сначала он клюнул вперед, будто отвечивал поклон. Но не упал, а изловчился и махнул не глядя финкой. Лезвие чиркнуло сыщика по рукаву сюртука. Поняв, что убежать ему не дадут, налетчик принял стойку и выставил нож. Противники застыли друг напротив друга. Сзади топали сапогами городовые, но не поспевали.

Гайменник посмотрел в глаза Лыкову и сказал, задыхаясь:

– Слышь, барин! Ты лучше меня отпусти... А то ведь я и осерчаю.

Но Алексей уже сам осерчал, и основательно. Будет знать, сволочь, как гонять камер-юнкера! Он решительно шагнул прямо на нож. Гайменник ударил без раздумий. Сыщик увернулся давно отработанным приемом, но руку ломать не стал – пожалел. Перехватил ее левой, а правую пустил снизу в челюсть. От души... Налетчик подлетел на пару вершков вверх и распластался на мостовой.

Тут подбежали наконец городовые и начали заламывать детине руки. Тот был без сознания и сопротивляться не пробовал. Алексей посмотрел на угол. Там стояли два других гайменника и наблюдали, как вяжут их

товарища. Сыщик показал им кулак и крикнул:

– Еще раз тут встречу – штифты^[4] на затылок передвину!

Ребят как ветром сдуло.

Полицейские подняли пленного, держа его за плечи.

– Положите пока, пусть очухается, – приказал Лыков. – Нож подобрали?

– Угу, – ответил старший, усач с гомбочками городского высшего оклада на плечевых шнурах. – А вы, господин, кто будете? Надо протокол составлять. – И добавил неодобрительно: – Что ж вы на Газовую, и в такой казистой шляпе? Думать надо!

– Пойдемте в участок. Оттуда я телефонирую Вошнину^[5]. Сыскные вашего арестанта заберут и проверят по картотеке. Вишь, не из тех, что наволочки с чердаков воруют...

– Позвольте...

– Я надворный советник Лыков из Департамента полиции.

Городовые встали во фронт. Младшего Алексей отослал за извозчиком, а старшему велел обыскать пленного. На бекеше у того оказался внутренний карман, а в нем – кистень, свинцовый шарик на ременной петле. В сапоге обнаружился еще один нож, а сзади за поясом – обшарпанный «смит-вессон» с полным барабаном.

– Однако... – задумчиво пробурчал усач. – Откуда такой взялся? Не было отродясь в моем околотке...

Он протянул начальству вид с печатями мещанской управы города Яранска на имя Ивана Лавочкина. Документ был настоящий.

Во втором участке Петербургской части арестованного даже не стали допрашивать. Помощник пристава, как только увидел его арсенал, сразу отослал злодея в сыскную. Лыкову можно было возвращаться домой – он свое дело сделал, дальше справятся без него. Опять же воскресенье... Но сыщику стало интересно, кого же он изловил. Пошел по рябчика, а налетел на волка. И он поехал с задержанным на Офицерскую, 28.

Даже в неприсутственный день в Казанской части было многолюдно. Алексей сдал налетчика в стол приводов и направился к Вошнину. Платон Сергеевич принял гостя настороженно. Они с Лыковым были знакомы много лет и недолюбливали друг друга. Формально не ссорились, но тень бывшего начальника отделения Виноградова стояла между ними. Вошнин был сослуживцем Ивана Александровича и выдвинулся под его началом. А Лыков, как ученик Благово, унаследовал от Павла Афанасьевича неприязнь к Виноградову за его нечистоплотность. Благово умер, Виноградов вышел в

отставку, и теперь лишь их ставленники поддерживали традицию антипатии. Впрочем, делу это не мешало.

Коллежский советник уже получил через телефон рапорт участкового пристава. Газовая улица – дальняя окраина, и до сих пор она славилась разве что хулиганами. А тут попытка вооруженного ограбления. Возраст задержанного указывал на его опытность, а отобранное оружие – на серьезность намерений. Потому Воцинин скороговоркой поблагодарил коллегу и сразу же поинтересовался: за каким чертом тот поперся на Газовую?

Лыков, немного смущаясь, рассказал о своем плане. Смущался он потому, что план отдавал мальчишеством. Чиновник седьмого класса в звании камер-юнкера, заведующий Особенной частью Департамента полиции, – и едет подраться с горчишниками... Воцинин слушал без ухмылки, а когда узнал про три ножа, заволновался. Дело выходило серьезней, чем казалось изначально.

– Как же вы отбились, Алексей Николаич? Да еще прихватили одного. Городовые, пристав сказывал, уже бесчувственного вязали. Три ножа!

– Городовые помогли самим фактом своего присутствия. Сцепился я только с одним, и уже на виду у своих. А сначала удирал.

Платон Сергеевич сразу закивал:

– И правильно сделали. Нечего в героев-то играть, там кота за хвост не тянут! Нож в опытных руках страшнее револьвера.

И потер правый бок. Алексей вспомнил, что тот у начальника сыскной полиции порезанный. Пробили лихие ребята еще в семидесятых, когда Лыков арифметику в гимназии учил.

Сыщики отправились в антропометрическое бюро. Там пытались установить личность «Ивана Лавочкина». Тот держался спокойно и даже шутил – сразу видать бывалого человека. Чиновник специальным циркулем мерял налетчику ухо. Вдруг Лыкову показалось, что в волосах фартового что-то мелькнуло. Он протянул руку, раздвинул пряди и увидел на темени странный шрам. Будто кто царапнул когтями по голове. Рана зажила, но волосы на этом месте не росли и образовалась фигурная проплешина в виде птичьего следа.

– Гусиная Лапа! – воскликнули разом и Алексей, и Платон Сергеевич.

– Ну, ваша взяла, – угрюмо пробурчал арестованный.

Это была большая удача. Оказалось, что Лыков захватил известного преступника Вафусия Студнева по кличке Гусиная Лапа. Отчаянный человек! Шесть лет квартировал на Горячем поле, попался, получил каторгу, сбежал с Сахалина и теперь находился в розыске. Петербургская

сыскная полиция подозревала его в трех ограблениях, одно из которых закончилось смертоубийством.

– Теперь будет чем ведомость завершить! – обрадовался Воцинин. – Вот спасибо, Алексей Николаевич, удружили! Помянем вас обязательно!

Коллежский советник имел в виду сводку важнейших происшествий в столице, которая подавалась государю по понедельникам. Теперь в ней напишут: 5 июня 1892 года чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков арестовал на Пудожской улице опасного преступника. При содействии общей полиции. А сыскная его мигом опознала. В общем, все – герои.

Студнев уже смирился. Опытные фартовики относятся к свободе философски. Когда-нибудь да попадешься, если взял себе такую жизнь... Сейчас его отправят на Шпалерную, в предварительную тюрьму, где человека ждут почет и уважение. Гусиная Лапа – личность известная. Налетчик даже воспрянул духом. Вон как начальство обрадовалось! Значит, и оно почитает Вафусия! И вдруг ни с того ни с сего арестованный заявил Лыкову:

– Ваше высокоблагородие, а хотите, я вам тайну скажу?

– Хочу! – тут же ответил Алексей. С ним уже случалось, что уголовные без видимых причин неожиданно делали важные признания. Иногда из мести, но чаще из амбиции: вот, мол, какая я фигура, чего знаю.

Гусиная Лапа сделал глубокомысленное лицо и осмотрелся. Все в комнате притихли и пялились на него, даже сам начальник сыскной полиции.

– Но тока вам, потому – из уважения. Вы ведь Лыков господин?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Товарищи про вашу силу да смелость говорили. На Сахалине, в Корсаковской тюрьме. Я туда прибыл, когда уж вы обратно уплыли, маненько не застал.

– Было дело, служил я в Корсаковске. Так что ты имеешь сказать?

– Товарищи говорили, ваше высокоблагородие, что вы человек справедливый. А правда, будто вы арестанта, что на вашу личность с ножом бросился, вместо чем повесить, велели только выпороть?

– Правда. Пустой был человек, это его «иваны» заставили. Пожалел дурака.

– И не плетью, а просто розгами?

– Да. Но ты тайну-то будешь сказывать? Или нету никакой тайны, а так, язык почесать ляпнул?

– Есть! Есть тайна. Тока вам, за вашу справедливость, скажу. Сегодня

ночью на костеобжигательном заводе будут мертвое тело жечь.

– Где именно? – выскочил вперед Вощинин. – Для чего?

Но Гусиная Лапа его игнорировал, пытливо глядя на Алексея.

– След замечают? – спросил тот.

– Надо полагать.

– На каком заводе? Их в городе четыре.

– Того не знаю. Но где-то на Гутуеве.

– Вот спасибо тебе, Вафусий Силыч! Буду думать, как тебе поблажку учинить.

– Вы мне уже учинили, ваше высокоблагородие, – серьезно ответил налетчик. – Тем, что руку не сломали или нутро не отбили, как Глазенапу^[6]. Ежли б я знал, что на Лыкова с ножом посягаю, сам бы бежал от вас быстрее пули.

Сыщики отошли в угол и стали там совещаться.

– На Гутуевском острове три завода, – стал загибать пальцы надворный советник. – Первый, самый маленький, – Грумбта. Это на Динабургской. Рядом с ним второй, Кобозева; он самый большой. А третий завод – Ильина. На котором из них?

– У Кобозева, – решительно заявил Вощинин. – Вот же темный человек! Давно мы вокруг ходим, а схватить не за что.

– Это тот, что Михаил Никитич? Почетный гражданин и благотворитель?

– Он, собачья суть! Главный в столице скупщик краденого. Владелец крупнейшей артели тряпичников. И костеобжигательный завод у него тоже самый-самый. На Динабургской, повозле завода, трактир и доходный дом. Ну, как дом? Так, казарма для рабочих... А сама ставка Мишкина находится на Лиговке. Там полноценный притон: торговые бани, второй трактир и балаганы для тряпья. Благотворитель, мать его ети!

У Платона Сергеевича даже задергалось веко. Видать, почетный гражданин Кобозев сильно ему досадовал...

– Трактир на Лиговке – «пчельник»?^[7] – уточнил Алексей.

– Только отчасти. Обыватели туда тоже ходят, не одни фартовые. Но тон задают «красные»^[8]. И с ними у Кобозева крепкая стачка.

– А в чем его главное дело? Бани?

– Ну, там, конечно, незаконная проституция, но обороты дает артель. В балаганах, что во дворе,купают и хранят краденое. Однако сделано так, будто сам Кобозев ни при чем, все отдано в аренду и скупку ведут приказчики. Ночью украли, под утро перешили и тут же выставили на

Толкучем. Хозяин свою вещь уже не опознает.

– Облавы делали?

– Последний раз еще при Иване Дмитриевиче^[9], десять лет назад. Как стал Кобозев большой благотворитель, ходить туда мы прекратили. Начальство не одобряло...

Лыков понял затруднение коллежского советника. Артели тряпичников тесно связаны с ворами и часто руководят ими. Тряпичники – и наводчики, и скупщики. Двадцать хозяев таких артелей держат весь воровской оборот столицы. У каждого свой «пчельник», свои шайки на прикорме, свои ночные портные и подпольные ломбарды. Высокий забор и злые собаки охраняют дом от непрошенных гостей. Разбогатец, хозяин артели ставит на довольствие участкового пристава и околоточного. Еще избирается в гласные думы, обзаводится посредниками и присяжными поверенными. И делается для полиции неуязвим.

– Платон Сергеевич, а может, это шанс? Найдем сегодня ночью на кобозевском заводе покойника – и прижмем стервеца?

Вощинин с сомнением покачал головой:

– Не сам же он будет его в печь совать? Но хоть кровь попортим аспиду. Так что новость все равно хорошая. Теперь главное не спугнуть!

Сыщики воротились к Гусиной Лапе. Тот сидел безучастный и скучал.

– Ваше высокоблагородие, на Шпалерной скоро ужин подадут! Я ж из-за своей доброты и голодным останусь! Это рази правильно?

– Последние два вопроса, Вафусий, и поедешь шамать, – успокоил фартового Лыков. – От кого ты узнал про покойника?

– В трактире подслушал, в «Любиме».

– «Любимов» в городе тоже не один. Это который на углу Виндавской и Динабургской?

– Точно.

– Кобозева заведение, – пояснил Вощинин. – Все сходится!

– А кто с кем разговаривал? – продолжил расспросы Алексей.

– Да два галмана, от сохи пришли водки попить. На вид – истопники. Черные все!

– Что именно они сказали?

– Всего и баяли, что ночью палить кого-то привезут. По петуху^[10] им обещано. Все, боле ничего не знаю, жрать хочу!

Налетчика увезли в домзак, но Вощинин велел поместить его в одиночку. Если облава даст результат, утром он понадобится для опознания. А сыщики начали подготовку к ночной вылазке.

Так Лыков, сам того не желая, оказался втянут в операцию чужого ведомства. Ему пришлось телефонировать Дурново, объяснять ситуацию и просить разрешения. Департамент полиции связан с градоначальством множеством общих дел; не редкостью были и совместные операции. Поэтому директор разрешение Алексею дал, но велел утром доложить, что из этого получилось.

Надворный советник поехал домой. Там он отобедал, оценил новый Варенькин наряд, покидал к потолку детей. Потом огорчил жену известием, что уходит на службу. Дурново вызвал через рассыльного, сказал: срочное дело. Раньше утра не обернется.

С тех пор как Лыков возглавил Особенную часть, Варенька стала меньше за него волноваться. Это тебе не Летучий отряд! Ее муж теперь не сидел в засадах, не лазил с облавами по притонам и не задерживал лихих людей. Бумажная рутина заменила живое опасное дело. Супругу это радовало, Алексей же огорчился. Вдруг он обнаружил, что у него стал расти живот. Возможно, поэтому сыщик и отправился в свою дурацкую прогулку на Петербургскую сторону. Побить пару хулиганов, растрясти жиры... И вот чем обернулось.

В пятом часу Лыков вышел из парадного, свернул за угол – там его уже было не видно из окна квартиры – и поймал извозчика. Он успел незаметно сунуть за спину «веблей», а в карман положил французский полицейский кастет, подарок Благово. Прибыв на Офицерскую, сыщик сразу поднялся в гримерное депо. Там толпились агенты, переодевались тряпичниками. Руководить операцией назначили коллежского асессора Шереметевского. Алексей дружил с этим ловким и смелым человеком. Любимец самого Путилина, Шереметевский состоял в сыскной полиции уже двадцать лет и достиг должности помощника начальника. Причем он не только номинально, но и на деле был правой рукой Воцинина. Преступники столицы боялись его как огня.

Приятель поздоровались, обменялись дежурными колкостями, и Алексей сел гримироваться. Ему выпала роль старшего артельщика, поэтому бороду решили не наклеивать. Лыковские партикулярные усы вполне шли образу. В депо подобрали сюртук, сапоги и картуз – ношенные, но с оттенком щегольства. Шереметевский изображал счетчика и с этой целью держал под мышкой амбарную книгу. Четверо агентов пачкались золой, чтобы походить на старьевщиков. Вскоре облава была готова.

Они подъехали к третьему участку Нарвской части за час до развода мостов. Взяли из дежурного наряда двух городских и отправились на Гутуевский остров. Было по-ночному тихо. Справа от стройки

Богоявленского храма виднелся на фоне неба силуэт огромной горы. Словно вулкан поднялся над островом! Гигантская куча костей возвышалась на пятнадцать сажень. Лыков был как-то раз на вершине и поразился открывавшемуся оттуда виду. Весь Петербург как на ладони, и Кронштадт, и форты... Теперь сыщику предстояло посетить завод в сумерках белой ночи.

О заведении Кобозева давно ходила недобрая молва. Вот на Резвом острове стоит такое же предприятие. Выстроено «Обществом костеобжигательных заводов и выделки из кости других продуктов» тридцать лет назад. Дымит исправно, и никаких там нет темных историй. А все потому, что хозяева – поляки и ведут дела чисто. Не то здешние тряпичники. Имея тесные связи с преступным миром, они иногда помогают скрыть самые страшные улики их деятельности – тела жертв. Костеобжигательный завод как будто создан специально для этого.

Со всей Европейской части империи, с Кавказа, Поволжья и Урала везут в Петербург кости животных. По Мариинской системе из Камы, Оки и Волги груз попадает в столицу. За год обрабатывают миллион пудов! На заводе кости сортируют. Длинные продают токарям на изготовление вещей: ручек для зонтиков, тростей, гребней, папиросников. Остальные помещают в рубильный барабан, где измельчают механическим способом. Затем дробленую кость варят в котлах, вытапливая из нее сало и клей. Жидкую клейкую массу еще отдельно вываривают, загущают и сушат, а собственно кости раскладывают на особых решетках. Под ними находится главное устройство завода – огромная печь. Она топится круглые сутки без выходных, подавая наверх невыносимый жар. Полуголые потные рабочие, все в копоти, бегают по решетам в брезентовых котах и железными прутьями ворошат кости... Рядом мельница, в которой обожженный полуфабрикат рушат в муку. Костяная пыль стоит столбом. Кругом пекло и невыносимый смрад, будто в преисподней. Если в это время внизу, где истопники, сунуть в жерло печи труп, никто и не заметит. И следов никаких не останется.

Городовых при экипажах оставили на берегу, укрыв за амбарами. Четверо «тряпичников» подкатили к заводу на телеге, а главный «артельщик» со «счетоводом» – на пыльной пролетке. Лыков с ухарским видом направился прямо в ворота. Сторож преградил ему путь:

– Куда прешь?

Сыщик помахал у него перед носом латунной бляхой с номером семь. Все тряпичные артели имели на заводе свои лабазы, куда свозили кости. Седьмой лабаз принадлежал купцу Ванюшину, крупнейшему поставщику в

Александровской части.

– Щас наши два воза подойдут, Сосфен Пантелеймоныч велел разгрузить.

– Какие воза? Мосты же разведут!

«Артельщик» с шиком вытащил серебряные часы, щелкнул крышкой и заявил авторитетно:

– Наши успеют.

Лыков хотел уже пройти мимо, но сторож дороги не дал. Выше сыщика на три вершка, широкоплечий и очень самоуверенный, он осмотрел ночных гостей и сказал:

– Я вас раньше здесь не видал. И в ночь на понедельник у нас никогда возы не принимают.

– И чё? – насмешливо поинтересовался Алексей.

– А то. Вот появятся телеги, тогда и вы пройдете. А пока тут стойте.

Лыков скривился, взял мужика за ремень, поднял и понес к сторожке. Зашвырнул внутрь и пригрозил:

– Еще раз такую глупость услышу – самого в муку изотру.

«Артельщики» пошли дальше. Караульщик смотрел им вслед из окна, но выйти на улицу не решался... Через минуту пять человек ворвались в кочегарку. Двое истопников, голые по пояс, толкали в печь огромную осиноую колоду. Увидев незваных гостей, они бросили ее на пол.

– Что же вы, звери, осиной топите? – ласково осведомился Шереметевский. – Самое ведь дурное дерево.

– А... эта...

Коллежский асессор огляделся по сторонам и буднично спросил:

– Жмурик где?

При этих словах один из кочегаров бросился к дверям, но ему подставили ногу, повалили и стали вязать.

– Да ты еще дурнее осины, – ухмыльнулся Шереметевский. – Повторяю вопрос: где покойник?

Ошарашенные мужики молчали.

– Дурни! – рявкнул на них Лыков. – Вы, что ли, убивали? Знаем, что не вы. А будете гайменников покрывать – себе навредите!

Тот, что пытался убежать, откашлялся и сказал:

– Так что, пока не привезли.

– Ага. Когда ждете?

– Эдак к полуночи.

– Кто должен привезти?

– От Снулого ребята.

– Кто такой Снулый?
– Не могу знать, ваше благородие!
– Солдат? – обрадовался Лыков.
– Так точно, пехотный запасной.
– Какого полка?
– Девяносто второго Печерского, ваше благородие!
– Развяжите его и дайте закурить, – распорядился надворный советник.

Когда истопник затянулся, обстановка в кочегарке как-то сразу разрядилась. Напарника тоже угостили папиросой. Мужики несколько успокоились, перестали дрожать, и Алексей продолжил расспросы:

– Ну, так кто такой этот Снулый?
– Мы, ваше благородие...
– Выше подыми! – поправили сыскные.
– Виноват, ваше высокоблагородие! Мы и сами не знаем. Какой-то атаман.

Лыков покосился на Шереметевского, но тот отрицательно покачал головой.

– Из новых, что ли? Не слыхать было до сих пор про такого атамана.
– Не могу знать! Обещали нам червонец на двоих. Что ж... деньги хорошие. А ему, покойнику то есть, уж все равно.
– В первый раз подрядились?
– Ага, – вступил в разговор второй истопник. – Мы с Федькой тут тока с Пасхи, при печах-то. Впервые, значит.
– А кто предложил? Кто деньги посулил?
– Васька Питенбрюх.
– Из Яковлевки? – оживился Шереметевский.
– Он самый.
– Ну, его мы быстро сыщем.

На этом разговор закончился. Кочегары принялись топить печь, а засада попряталась по углам. Прошло полчаса, никто не появлялся. Лыков стал советоваться с Шереметевским. Он считал, что нужно пойти проверить сторожа на воротах. Вдруг он предупредит гайменников? Зашли, мол, пятеро, кто такие – неизвестно... Помощник Воцинина не соглашался. До полуночи еще почти час. А если начать теперь шляться по двору, только спугнешь.

Вдруг дверь в кочегарку открылась, с улицы просунулась усатая голова, и раздался громкий шепот:

– Леонид Алексеевич!

Шереметевский вышел на свет.

– Здесь я. Что случилось, Барсуков?

Это был агент, оставленный при экипажах. Он зашел внутрь и доложил:

– Я телегу с пролеткой к городovým отогнал, за бани. Ниоткуда не видать.

– И что?

– А сам, значит, к вам пришел. Для подкрепления.

– Молодец. В заводе что?

– Народ работает. Все тихо.

Тут подошел Алексей.

– Барсуков, ты, когда шел, сторожа в воротах видел?

– Никак нет. И свет в будке загашен.

Лыков матюгнулся и выбежал на улицу. У ворот что-то происходило. Двое стояли и держали в руках длинный, прогибающийся в середине сверток. Увидев Лыкова, они уронили его на землю. Сыщик бросился на них, но услышал знакомый щелчок. Он резко присел. Грохнул выстрел, и в стену котельной за его спиной словно швырнули горсть железного гороха. Что-то больно ударило Алексея по голове и упало к ногам. Он схватил рукой – горячо!

Сзади агенты распахнули дверь и полезли было наружу. Лыков крикнул через плечо:

– Берегись!

Сыскные закрылись изнутри, и вовремя: жахнуло прямо в дверь. Стреляли крупной дробью и очень кучно.

Люди, стоявшие у ворот, бросились прочь. Лыков устремился за ними, но в спешке споткнулся о сверток и растянулся во весь рост. Вскочил, выбежал на набережную. Где они? Справа раздавались свистки городových, а слева – удаляющийся топот. Сыщик хотел поднажать, но в ногу словно вбили гвоздь... Вывих! Только этого не хватало. Он ковылял и слышал, что топот делается все тише. Вдруг он совсем прекратился, и раздался плеск весла. Садятся в лодку! Алексей вытянул руку с «веблеем». В сумерках едва угадывались две фигуры. Медлить нельзя! Сыщик разрядил весь барабан, стараясь брать прицел пониже. Человек охнул. Началась непонятная возня, потом басовитый голос пробормотал:

– Ты чё?

Через секунду кто-то всхлипнул, и снова плеснуло, будто мешок бросили в воду. Алексей захромал вперед. Он уже понял, что упустил противника.

Сыщику повезло: труп не успело отнести волной. Он зашел в Екатерингофку по пояс, разглядел тело, ухватил и вытащил на сушу. Тут подбежали агенты, посветили «летучей мышью». Дюжий парень в кожаной куртке. Готов... Одна дыра сзади в ляжке – лыковская пуля, а вторая от ножа – прямо в сердце. Быстро соображает господин Снулый! За секунду принял решение и обрубил все концы.

– Что там лежит в воротах? Покойник?

– Так точно, – доложил Барсуков. – В кошму замотали.

В ночи слышались энергичные шлепки по воде – лодка быстро уходила на Чекуши.

Когда Алексей вернулся на завод, там уже царила суматоха. Агенты ходили по двору с фонарями, рассаживали арестованных в пролетки, а на телегу грузили мертвые тела. Шереметевский велел добавить к истопникам сторожа. Было очевидно, что он предупредил убийц о засаде. Лыков развернул кошму и рассмотрел жертву, которую хотели кремировать.

Заурядное бритое лицо, возраст – около тридцати. Одет в дешевое исподнее, без верхнего платья. На правой руке обнаружилась особая примета – изуродованный ноготь большого пальца.

Алексей сказал Шереметевскому:

– Больно шустер этот новый атаман. Одну ниточку он оборвал, осталась еще одна. Поторопись-ка с поисками Питенбрюха. Лети в Яковлевку, тащи Ваську сразу на допрос. Я бы с тобой поехал, да нога не ходит, к доктору мне надо.

Подошел старший агент Сизов.

– Ваше высокоблагородие, я тут на земле собрал...

– Ну-ка? – порылся у него в горсти Лыков. – Картечь, и крупная. Ею в нас и стреляли. Хорошо, все целы!

Ближайшие несколько человек сняли фуражки и перекрестились.

– А это что?

Алексей взял у старшего агента короткую латунную трубку, пахнущую порохом. К одному ее концу шелковыми нитками была привязана какая-то тряпка.

– Ух ты! Это, Сизов, называется парашют. В трубку кладется картечь, а тряпка позади – обычный пыж.

– Про пыжи я слышал, ваше высокоблагородие, но зачем они его к трубке привязали?

– При выстреле трубка вылетает из ствола и падает в нескольких саженях впереди. Вот, значит, чем меня в голову стукнуло! Но продолжу. Пыж на нитках летит следом и поддерживает гильзу в устойчивом положении. Это существенно повышает кучность боя.

Сизов непонимающе хлопал глазами:

– И что?

– А то! Стрелок не просто хотел в нас с тобой попасть. Он хотел убить наповал. Я желаю познакомиться с этим дарованием!

Агенты вокруг переглянулись и быстро разошлись.

Поспать в эту ночь Лыкову так и не удалось. На Офицерскую они вернулись в половине третьего. Надворного советника сразу повели к частному врачу^[11], который наложил ему на лодыжку повязку. В сыскную полицию Алексей поднялся уже с палкой и до семи утра допрашивал арестованных. Незадачливых истопников быстро отправили в предварительную тюрьму. По Уложению им следовало наказание двумя степенями ниже, чем главному виновному. За умышленное убийство Снулому полагалось пятнадцать лет каторги. Значит, пехотный запасной и

его товарищ уплывут на Сахалин на восемь лет. За то, что хотели заработать десятку на двоих... Дураков было жалко. Лыков отвел пехотного запасного в сторону и сказал ему на ухо:

– На следствии откажитесь от своих слов. Мол, наболтали с перепугу, сами не помним чего...

– Это как? – не понял кочегар.

– А вот так! Вы же ничего преступного не сделали.

– Ну?

– С вашей стороны преступления не было, только намерение. Вот и откажитесь. Знать ничего не знаем, топили печку, а тут сыскные налетели и смутили нас.

– Но мы же в самом деле собирались!

– Ты что, в каторгу хочешь?

– Да ну! – опешил мужик. – Ваше высокоблагородие! Нешто вправду за такое каторгу дадут? Мы ведь тово... по пятерке на брата... И каторга?

– О чем я тебе, пентюху, и толкую! Откажитесь. Вам назначат адвоката, с ним еще посоветуйтесь. Понял теперь, олух царя небесного?

– Так точно! Спасибо, ваше высокоблагородие... Пойду, товарища научу.

Сторож оказался крепким орешком. Был под судом, но оставлен в подозрении; в молодости отсидел год в арестном доме за драку. Видимо, на заводе творилось немало темных дел, и на воротах у Кобозева стоял доверенный человек. От показаний сторож отказался наотрез, да еще грозил сыщикам судом. Принял-де их за фатовых, а те не представились и грубо с ним обошлись! Можно было не сомневаться, что хозяйские адвокаты парня быстро выручат.

В Яковлевке агенты никого не нашли. Огромный доходный дом с сотнями квартир выходил сразу на три улицы. Полуподвал населяла темная публика, тяготеющая к притонам Сенной площади. Ваську Питенбрюха в сыскной знали хорошо. Он был известный блатер-каин, но с поличным взять его не удавалось. Васька держал легальную кассу ссуд, а по закону ломбард нельзя привлечь за скупку краденого. Теперь ловкий барыга исчез и даже успел забрать из кассы все ценные заклады. Телефоном, что ли, они общаются со Снулым? Как он сумел так быстро узнать про опасность и сбежать?

Внизу, в морге Казанской части, лежали два трупа. Ни один из них не удалось идентифицировать с ходу. Жмуриков обмерили и теперь проверяли по картотеке антропометрического бюро. Бертильонаж – вещь трудоемкая; может быть, к вечеру что-то выяснят...

Вощинин поблагодарил Лыкова за помощь и даже проводил до приемной. Алексей заехал домой, успокоил жену и сменил брюки – те при падении порвались на самых неприличных местах. В восемь утра с тростью Благово он зашел в кабинет директора департамента.

– Что у вас с ногой? – сразу вскинулся Дурново.

– Споткнулся в темноте... об покойника. Вывих.

– Как все прошло? Судя по вашей ноге, не совсем безоблачно?

– Да. Нас обстреляли картечью. А когда я ранил одного в ногу, его тут же добились свои. И уплыли на лодке.

– Свои добились? – поразился Дурново. – Однако! Я такого не припомню!

– Я тоже, Петр Николаевич. Этот Снулый и думает быстро, и жалости не имеет.

– Одним словом, операцию вы с Шереметевским провалили, – сухо констатировал тайный советник.

– Провалили, – согласился Лыков. – Я предлагал привлечь речную полицию, но Вощинин отказал. У них с Власенко^[12] взаимная распря. Вот и упустили. А ребята там серьезные...

– Ну и черт с ними! В конце концов, до нас это не относится. Больше Вощинину по этому делу не помогайте.

– Слушаюсь.

– Через час сюда придут Плеве и Шебеко. Доложите о своем последнем открытии. Дальше тянуть нельзя, надо принимать решение.

Плеве, бывший директор департамента, теперь был товарищем министра внутренних дел. Вячеслав Константинович тащил весь воз текучки, оставив министру, «большому» Дурново^[13], лишь представительские вопросы. Иван Николаевич, человек добрый, но поверхностный, с удовольствием всю текучку и отдал. Николай Игнатьевич Шебеко, генерал-лейтенант и второй товарищ министра, командовал Отдельным корпусом жандармов и одновременно заведовал полицией. Таким образом, он был непосредственным начальником «маленького» Дурново и Лыкова.

Особенную часть, которой сейчас управлял Лыков, создали полгода назад на временных основаниях. Само ее наличие нигде не афишировалось. Назначением части было «расследование дел, имеющих повышенную общественную важность», как формулировал приказ по департаменту. Это тоже являлось маскировкой. На самом деле Особенная часть занималась уголовными преступлениями, в которых были замешаны крупные

сановники, придворные и люди из высшего света. В случаях со знатными особами огласка крайне нежелательна. Лыков по званию камер-юнкера и по знакомствам жены входил в круг избранных и потому оказался удобной кандидатурой. Чиновники Департамента полиции непосредственно уголовным сыском не занимались, навыков и опыта не имели. А сыскная полиция градоначальства, располагая кадрами, не допускалась к щепетильным делам – на самом верху ей не доверяли. Лыков, опытный сыщик и ученик самого Благово, подошел идеально. Свой человек и на Офицерской, и на Дворцовой площади, он одинаково беспрепятственно ходил и по Зимнему дворцу, и по «Вяземской лавре». Когда понадобилось согласовать назначение, Алексея вспомнил и утвердил лично государь.

Первым делом части стал поиск ордена Белого Орла. Дорогую вещь украли из номера генерал-лейтенанта князя Шаховского-Глебова-Стрешнева. Старый саврас приехал из Москвы и остановился в гостинице «Караванная». И в первый же день привел к себе с улицы, как он сказал, гадалку. А когда та ушла, обнаружилась пропажа. «Гадалке» едва стукнуло четырнадцать лет, и она оказалась проституткой из печально знаменитого дома Дероберти. Лыков за сорок восемь часов отыскал орден у евреев-ростовщиков на Александровском рынке. В департаменте трехфамильному князю вернули цацку и передали наказ министра: возвращаться в Москву и сидеть там тихо. А то есть статья за совращение несовершеннолетних...

Потом были дела покрупнее. В мошенничестве с нефтеносными участками в Баку оказался замешан товарищ министра государственных имуществ. На закупках для армейских нужд сукна наживался член Совета военного министерства. А в Управлении Собственными Его Императорского Величества библиотеками и арсеналами завелись книжные воры.

Лыков унаследовал так называемую папку Благово. Павел Афанасьевич создал в Петербурге личную агентуру, которую незадолго до смерти передал Алексею. В ней было всего одиннадцать человек, все из придворной среды или высшей бюрократии. Эти люди не получали вознаграждения за свои услуги и не значились ни в одном деле. Треть добровольных агентов составляли дамы. Уже будучи больным, вице-директор познакомил своего ученика с осведомителями. Двое, кстати, отказались общаться и вышли из списка... Встречи были обставлены весьма конспиративно. Сенатор, жена министра, хозяйка великосветского салона, управляющий двором одного из великих князей, вдова генерал-адъютанта, член Госсовета, почетный опекун, дочь камергера, штабс-капитан из технической службы Зимнего дворца, директор банка и

прокурор... Для них огласка сотрудничества с Департаментом полиции означала бы крах репутации. Но сотрудничество было своеобразным. Слухи и великосветские сплетни давали такие сведения, каких ниоткуда более не получить. А рекомендация позволяла войти туда, куда с полицейским билетом вход заказан. Дела Особенной части были столь законспирированы, что она не значилась ни в одном адрес-календаре. И большинство сановников не подозревали о ее существовании. Штат состоял всего из трех человек: собственно Лыкова, его помощника губернского секретаря Велевачева и чиновника для письма коллежского регистратора Шустова.

Несколько агентов с тех пор Алексей завел дополнительно, уже сам. Одного в сыскной полиции, другого в канцелярии Государственного совета и еще сестру генерала из Военного министерства. Теперь он узнавал многие новости раньше других. Фамилии осведомителей Дурново у Алексея не спрашивал, но требовал держать его в курсе важных происшествий.

Последним, самым неприятным разоблачением Особенной части стала афера Абазы.

Александр Аггеевич Абаза сделал карьеру благодаря протекции великой княгини Елены Павловны. Юная вюртембергская принцесса была выдана замуж за солдафона Михаила Павловича, брата Николая Первого, и стала украшением императорской семьи. Женщина выдающегося ума, друг и покровитель писателей и художников, она являлась одним из главных движителей Великих реформ. Абаза, скромный отставной майор с Владимирским крестом за Кавказ, был назначен «состоять» при ее высочестве. И так ловко использовал открывшиеся ему возможности, что добрался до поста министра финансов! Большой либерал, после смерти Александра Второго и воцарения его сына Абаза подал в отставку. Причем демонстративно, вместе с Лорис-Меликовым и Милютиным. Александр Третий очень не любил подобных жестов. Однако деловые качества бывшего министра были таковы, что через три года его попросили обратно во власть. Абаза был назначен председателем Департамента государственной экономии Госсовета и членом Комитета министров. На этой должности он фактически утверждал бюджет Российской империи. Умнейший человек, опытнейший финансист, крупный государственный деятель был пойман Лыковым на... незаконной биржевой игре.

Абаза был крупным помещиком Юго-Западного края и вел свои дела через одесского банкира Рафаловича. Вдруг тот получил приказ вложить все свободные средства клиента в скупку золота. Абаза велел играть на

понижение курса рубля. Помимо золота, банкир должен был покупать марки, франки и фунты стерлингов. В самой биржевой игре ничего незаконного не было. Преступление состояло в том, что Абаза играл наверняка! По своему служебному положению он имел секретные сведения о планах правительства. Более того, Александр Аггеевич сам эти планы одной рукой и сочинял. А второй – зарабатывал на беспроигрышной спекуляции. Причем несколько месяцев сряду рубль рос и укреплялся благодаря хорошему урожаю зерна предыдущего года. Абаза нес потери, но продолжал избавляться от рублей. Поскольку лучше других знал, что министерство финансов по его же рекомендации станет понижать курс. К началу лета так и вышло: усилиями властей рубль упал, и Абаза оказался в крупном выигрыше. Осведомитель Лыкова в канцелярии Государственного совета оценивал его прибыль в миллион! Именно этот человек по поручению Абазы вел зашифрованную телеграфную переписку с Рафаловичем. Марка именовалась в ней ячменем, фунты – пшеницей, а франки – овсом...

Алексей сначала не поверил, что сановник такого ранга зарабатывает на своей служебной осведомленности. И ведет себя как мутный биржевой гешефтер. Тогда агент принес на конспиративную квартиру совершенно секретный всеподданнейший доклад министра финансов Вышнеградского. В нем тот просил государя одобрить план действий правительства по снижению курса рубля. На докладе стояла приписка самого Абазы: «С планом ознакомлен и полностью его одобряю». Авторитет Александра Аггеевича был настолько велик, что именно эта его приписка и склонила государя к утверждению плана. С того дня Абаза знал, что непременно окажется в выигрыше: все ресурсы империи будут играть в его пользу...

Открытие Лыкова было из числа неприятных. Что с ним делать? «Маленький» Дурново не хотел идти к «большому». Тот хоть и занимал пост министра, но груз этот был ему не по силам. А точнее, не по характеру. Добродушный и приветливый человек, к которому все относились только хорошо, – и при этом поверхностный, негосударственного ума. Иван Николаевич Дурново старался со всеми ладить, и это блестяще ему удавалось. Менее всего министр любил огорчать государя плохими новостями. Ясно было, что известие о проделке Абазы он положит под сукно, и сановный мошенник останется без наказания. Для поиска выхода из положения и созвали сегодняшнее заседание. Два товарища министра и директор Департамента полиции должны решить, что делать с открытием Лыкова. Ввиду этого покойник с костеобжигательного завода был никому не интересен.

Начальство съехалось к десяти. Алексей давно не общался с Плеве. С тех пор как он впервые увидел его в этом кабинете, прошло уже одиннадцать лет. Вячеслав Константинович потяжелел, усы поседели, взгляд стал безразлично-сановным. Сенатор, тайный советник, ордена вешать некуда – и застрял в товарищах министра. Умный трудолюбивый немец, сын учителя истории в уездном училище, Плеве всего в жизни добился сам. Голова у него вполне министерская, но государь этого почему-то не замечает...

Генерал-лейтенант Шебеко был из другой породы. Ловкий малый за десять лет из корнетов дослужился до полковника. Вовремя сменив кавалергардский мундир на жандармский... Карьере Николая Игнатьевича очень помогла его сестра Варвара. Подруга и главный финансист княжны Долгорукой, прожженная и ловкая баба здорово нашумела в Петербурге. Любовница покойного государя устраивала свои мошеннические дела через товарку. В спальне она решала вопросы железнодорожных концессий или поставок для армии, а Варвара принимала потом за это деньги от заинтересованной стороны. Синдикат наворовал миллионы. Брат махерши стал генерал-майором свиты, получил Владимира второй степени и едва не вышел в сановники. Но не успел. Случилось 1 марта 1881 года. О моложавом генерале надолго забыли. Он боролся с саранчой и просиживал штаны с лампасами в Совете министерства внутренних дел. О жандарме вспомнили вновь после «Второго первого марта». Тогда в 1887 году состоялась попытка покушения на государя. Командир ОКЖ^[14] и заведующий полицией Оржевский был удален, и его место занял Шебеко. Острослова заменили на интригана. Петр Николаевич Дурново тихо бранился себе под нос. Непосредственный шеф – порядочная скотина, министр – пустозвон; крутись как хочешь... Все решения он вынужден был принимать сам, не надеясь на поддержку сверху. Но случай с Абазой выходил за рамки рядового дела. Пришлось позвать обоих начальников разделить ответственность. И как всегда, лучшее решение нашел многоумный Плеве.

Сначала Лыков сделал доклад о своем дознании. Тут случился неприятный момент: Шебеко потребовал назвать ему фамилию осведомителя. Алексей отказался, генерал настаивал. Но Плеве и Дурново заступились за надворного советника. Они объяснили борцу с саранчой, что так можно вообще без агентуры остаться. А знать содержание папки Благово ему и по чину не положено...

Тогда Шебеко предложил ознакомить с дознанием Вышнеградского и переложить ответственность на него. Министерство финансов больше

других замазано в афере, пусть и отдувается. Лыков опять возразил. Вышнеградский тяжело болен, сказал он. Еще весной на заседании Государственного совета с ним случился удар. Как министру, ему негласно ищут замену. Обнародование проделки Абазы добьет Ивана Алексеевича.

– Да и хрен с ним! – заявил командир корпуса жандармов. – Поповское отродье^[15] жалеть! Надо бы выяснить, а не промышлял ли сам министр на бирже вместе с Абазой. Где он сейчас, кстати?

– Абаза? – уточнил Лыков. – В Монте-Карло.

– Миллион проигрывает? – желчно усмехнулся Шебеко. – Экая скотина. Наворовал мошну – и в казино. Чтоб я так жил...

По тону генерала чувствовалось, что он действительно хотел бы для себя подобной жизни.

Когда совещание зашло в тупик, Плеве и предложил выход. Он вспомнил, что через два месяца министр убывает в отпуск. Вячеслав Константинович останется за него. На очередном высочайшем докладе Плеве доложит государю всю историю. И пусть тогда Его Величество явит свою августейшую волю.

Это предложение, разумеется, всех устроило. Лыкову велели два месяца помалкивать, а пока передать Плеве все материалы. Сыщик вручил папку и был отпущен из кабинета.

Настроение у Алексея было паршивое. Словно дерьма наелся. Его так и подмывало сообщить генералу, что его сестра тоже находится в поле зрения Особенной части. Девушке Шебеко стукнуло уже пятьдесят два года. Она тяжело переживала утрату своего звездного положения, хотя украденные при прежнем государе миллионы позволяли ей жить безбедно. Прожженная баба держала при себе неприятельных отставных поручиков, потихоньку отдавала деньги в рост и ежедневно переписывалась со своей подружкой. Светлейшая княгиня Юрьевская жила в Ницце на положении обиженной вдовы. Два года назад ее сын Георгий поступил на военную службу. Юрьевской пришлось удалить из дома компрометировавшего ее красавца доктора, скрашивавшего скуку вдовства. Перлюстрация показывала, что княгиня готовит новый наскок на императора. Обвенчавшись с Александром Вторым, она получила от него не только три миллиона рублей, но еще и право проживать в Зимнем дворце. Новый государь никак не мог с этим согласиться... Сам он жил преимущественно в Гатчине и Петергофе, а по приезде в столицу останавливался у себя в Аничковом дворце. Но в Зимнем проводились высочайшие выходы, и там же поселилась эта дура! Светлейшей княгине подарили дом на Гагаринской набережной и добавили сто тысяч ежегодно

на содержание себя и еще столько же – на детей. Лишь бы выехала с Дворцовой площади. Нормальному человеку этого хватило бы по гроб жизни. Но безутешная вдова с куриными мозгами полезла в биржевые аферы – и потеряла почти весь капитал. Теперь она собиралась клянчить у царствующего пасынка пару миллионов на бедность и в письмах к девице Шебеко оттачивала формулировки.

Конечно, сердить злопамятного генерала было неразумно, и Лыков удалился молча. Он пошел к себе. Особенная часть вся помещалась в одном кабинете. При появлении начальника Велевачев с Шустовым быстро встали.

– Доброе утро, Алексей Николаевич!

– Доброе, хотя бывали и повеселее, – ответил Алексей.

Чиновник для письма, сорокалетний, серьезный, продолжил сочинять какую-то бумагу. Помощник Лыкова остался стоять. Высокий, с аристократическим выразительным лицом, Велевачев был бы красавец, если бы не усы. Они у губернского секретаря практически не росли. Так, юношеский пушок... Этот пушок придавал чиновнику вид несерьезный, почти комический. Юрий Ильич это знал, втирал в кожу какие-то патентованные бальзамы для роста волос, но ничего не помогало. Лыков успокаивал: надо потерпеть пару лет, все наладится само собой. Велевачев соглашался – и покупал новый бальзам.

Кабинет Особенной части располагался в одном из внутренних корпусов Департамента полиции. Это только считается, что адрес один: Фонтанка, 16. На самом деле полицейское ведомство занимало весь угол с Пантелеймоновской улицей – пять домов и три флигеля. Все они были соединены между собой внутренними дворами и коридорами. Лыков сидел как раз во флигеле, рядом с секретной тюрьмой. Единственное окно выходило на двор, где росло одинокое чахлое дерево. Зрелище было скучное, и надворный советник старался туда не смотреть. То ли дело раньше, в кабинете Благово! Там окна выходили на Фонтанку и Михайловский замок, и Лыков мог долго сидеть на подоконнике. Давно это было...

Надворный советник рассказал помощнику о совещании и велел подготовить для Плеве всеподданнейший доклад. Велевачев впервые писал бумагу такому адресату. Он разволновался и стал требовать подсказок и образцов. Но шеф ответил коротко: вы напишите, а я посмотрю. И уехал на Гутуевский остров.

Хоть Дурново и запретил сыщику заниматься делом костеобжигательного завода, тот решил проверить одну свою догадку.

Приехав на место, он сразу прошел к котельной. На воротах был новый сторож, не обративший на чисто одетого господина никакого внимания. Став напротив двери, Алексей начал подсчитывать в ней свежие отверстия от вчерашних картечин. Потом вынул нож и выковырял одну. А когда разглядел ее пристально, то присвистнул. Тут дверь распахнулась, и наружу вышел Шереметевский.

– Леш, ты чего? Хозяйские убытки меряешь?

– Эх, Леня, а еще опытный человек! Вот, хочу тебе версию подбросить.

– Дурново поручил тебе это дело? – сразу посерьезнел коллежский ассессор.

– Наоборот, запретил соваться.

– Уф. Чего ж тогда ты здесь? Начальство надо слушаться!

– Сейчас открою тебе глаза, мальчонка, да и пойду своей дорогой. Ты знаешь, что такое согласованная картечь?

– Нет. Я не охотник, мне некогда.

– А зацепка нужна?

– Нужна, еще как. Честно ежели, не знаю, с чего начать. У мертвых не спросишь, а живые убежали.

– Тогда смотри сюда. Сколько дыр в полотне двери?

Шереметевский начал считать вслух:

– Три... пять... семь... четырнадцать... двадцать восемь! Ловко я вчера успел от них закрыться! Но что следует из того, что дыр именно двадцать восемь?

– Вот, – Лыков протянул товарищу свинцовую горошину. – Такими в нас стреляли. Сизов их вчера подобрал и вручил мне целую горсть. Но те были деформированные, а эту я выковырял из двери. Калибр две с половиной линии ^[16] – это так называемая волчья картечь.

– Большая... – пробормотал Шереметевский, перекатывая шарик на ладони, и поежился.

– Есть и крупнее, но и этой мало не покажется. Так вот. Стреляли с пятнадцати сажень, от ворот. А в полотно двери заряд лег очень кучно. Обрати внимание. Попади он тебе или мне в грудь – конец сразу.

Действительно, дыры в двери образовывали круг размером с тарелку.

– Понимаешь, отчего такая плотность?

– Ты давеча сказал что-то, да я не разобрал.

– Стрелок использовал концентратор.

– Леш, скажи по-русски! – взмолился коллежский ассессор.

– Концентратор – это такая гильза в гильзе. Картечь набивается в нее, а

сзади приделывается парашют – пыж на нитках. При обычном выстреле картечь сразу по вылете из ствола начинает разлетаться конусом. Радиус поражения больше, но, так сказать, густота поражения ниже. А при таком концентраторе дробь начинает разлетаться лишь на полпути к цели. И попадает в нее плотно, всем зарядом.

– Ага, мне повезло, это я понял. Но про двадцать восемь...

– Про двадцать восемь. Волчья картечь – крупная, сам видишь. И в гильзу обычного патрона ее убирается россыпью не более двух десятков. А тут в трубку меньшей длины запихали двадцать восемь штук! Это и есть согласованная картечь. Дробь уложена рядами, крест-накрест, с учетом радиуса закругления концентратора. Такое мог сделать лишь опытный охотник или оружейник.

– Теперь понял. Значит, мы должны искать охотника?

– Да. Какая-никакая, а зацепка. Помнишь, во что был одет убитый? Кожаные куртки часто носят охотники.

– Правда твоя, Алексей Николаич, спасибо за подсказку.

Лыков давно уже заметил, что неподалеку мнется с ноги на ногу бородач с неприятным тяжелым взглядом. Он был одет в дорогую тройку, в галстук сверкал крупный солитер. Увидев, что обнаружен, бородач подошел к сыщикам и желчно осведомился:

– Этта кто тут шляется по моему заводу?!

– Ба! – недобро скривился Шереметевский. – Никак господин Кобозев собственной персоной. Тот, у которого печки покойниками топят. И уж не в первый раз. У вас тут крематорий, оказывается, а промыслового свидетельства нет. Не пора ли получить?

Тряпичник на глазах стал покрываться красными пятнами. Он хотел осадить сысканого чиновника, но Лыков его опередил:

– Понадобисься – позовем. А теперь пошел вон!

Кобозев совсем смешался, не нашелся что ответить и быстро скрылся в заводском корпусе. Оттуда сразу же послышался его злобный рык: хозяин отводил душу на рабочих.

Прятели посмеялись, и Алексей уехал обратно в департамент. Как выяснилось, там его уже разыскивали. Надворный советник опять явился к Дурново. Тот раздраженно спросил:

– Зачем вы снова были на Гутуеве? Я же сказал: больше этим делом не заниматься!

– Виноват, хотел проверить одну идею.

– Проверили?

– Да. В нас вчера стрелял охотник. Заряд был начинен согласованной

картечью. Какая-никакая, а зацепка Воцнинину.

Дурново с запозданием вспомнил, что его подчиненный ночью выдержал заряд дробы, и немного смягчил тон.

– Ладно. Мне телефонировал градоначальник и просил выразить вам свою благодарность. И за костеобжигательный завод, и за Гусиную Лапу. Но я искал вас не для этого. Езжайте на Кабинетскую. Там злодеяние, и на этот раз по вашей епархии. На квартире обнаружен убитым некто Дашевский. Он служит по учреждениям императрицы Марии, сошка невеликая, но состоит в звании церемониймейстера! Пристав сообщил Воцнинину, а тот, как и полагается, мне. Так что вас там ждут. Вечером ко мне с докладом.

Надворный советник взял у секретаря точный адрес, прихватил обоих подчиненных и отправился на место преступления. Особенная часть никогда еще не выдвигалась так, в полном составе. Пока ехали, Лыков разъяснил ситуацию. Впервые они расследуют убийство. А это именно оно, без сомнений: согласно рапорту, в спине у покойного торчит нож. Сыскные, выяснив придворный статус жертвы, тут же удалились. Не без удовольствия перепоручив дознание Департаменту полиции... Следователя даже не вызывали. Сейчас в квартире находятся помощник пристава и полицейский врач Московской части. Они передадут место происшествия и уйдут. Дальше сами.

– Сергей Фирсович, вы когда-нибудь раньше участвовали в дознании по убийству? – спросил Лыков чиновника для письма.

– Никак нет, – испуганно покаялся Шустов. – Я вообще их боюсь. Покойников, в смысле. Еду, а сам думаю: как бы мне бумагу спотворить и при этом, уж простите, не облежаться...

– Да я вам помогу! – неестественно весело воскликнул Велевачев. – Чай, спотворим как-нибудь!

– Как-нибудь не надо, Юрий Ильич, – одернул помощника Лыков. – Иначе суд может наши доказательства не принять.

– Вроде бы дела Особенной части до суда не доходят... – осторожно возразил Велевачев.

– Никогда не знаешь, кто будет читать твои протоколы, – вздохнул надворный советник. – Как говорится, делай хорошо, а плохо будет. Это я к тому, что на кровавое дело оба вы едете впервые. Так и быть, я помогу Сергею Фирсовичу составить бумагу. Вспомню молодость, когда по крышам с револьвером бегал. А вы, Юрий Ильич, смотрите и слушайте. Учитесь. Если хотите быть сыщиком – пригодится.

Выдав такую назидательную тираду, Алексей почувствовал себя

старым самодовольным брюзгой, но переделывать не стал. Подчиненные ехали молча, слегка понурые. Да. Вот тебе и Особенная часть! Случилось обычное убийство, а протокол правильно написать, кроме Лыкова, некому.

Пролетка подъехала на угол Кабинетской и Ивановской. У подъезда заурядного доходного дома стояли городской и несколько обывателей. «Что-то непрестижно для состоящего в должности церемониймейстера», – подумал сыщик, поднимаясь на третий этаж. Из дверей высывались мятые физиономии, и пахло жареным луком. Лиговка с Ямской слободой, опять же, совсем рядом. Как тебя угораздило, милок, здесь поселиться?

Унылая квартира из четырех комнат выглядела неопрятной. Помощник пристава второго участка Московской части был Лыкову знаком, доктор тоже. Они обрадовались вошедшим – заждались, а своих дел полно. В квартире присутствовали также понятия: домовладелец и дворник. Алексей сразу же опустился на колени перед трупом. Доктор встал рядом, готовый дать пояснения.

Лежащий человек кажется выше, чем он есть на самом деле. Но жилец этой квартиры действительно был высок. Он распластался вдоль дивана лицом вниз. Из спины торчал нож – разбойничий, финский. Небольшая струйка крови протянулась по бархату домашней куртки и застыла, не дойдя до края.

– Хороший удар, – вполголоса сказал сыщик. – Даже пола не запачкал. Криков, видимо, не было?

– Какие уж тут крики, – вздохнул эскулап.

Осмотрев убитого со спины, Лыков осторожно перевернул его. Открылось лицо, не искаженное гримасой боли. Удивление и какая-то наивная обескураженность... На вид Дашевскому было тридцать три – тридцать пять лет. Правильные черты портил низкий лоб. Густой чуб, очевидно, должен был скрывать этот недостаток. Общее впечатление: человек как человек. Молодой, при должности – жить бы да жить. А вон как вышло.

– Холостяк? – спросил Алексей у помощника пристава, окинув опытным взглядом обстановку.

– Бобыль, – блеснул тот простонародным словцом. – Про родню ничего не знаю, не выясняли. А вот знакомые к нему ходили, коридорный сказывал. Он тут. Позвать?

– Позже. А прислуга у покойного была?

– Имелся лакей с незамысловатой фамилией Петров. Но он до сих пор не отыскан.

– Вот как? – вскинулся Лыков. – Хозяина зарезали, замки целы, а лакей не отыскан?

– Именно. Приняты меры к розыску, но пока безуспешно.

Сыщик снова повернулся к доктору:

– Убийство совершено ночью?

– Судя по трупному окоченению, вечером. Между восемь и двенадцатью часами.

– А кто нашел тело и вызвал полицию?

– Коридорный Дериглазов, – ответил помощник пристава. – Может, все-таки позвать его?

– Я сам. У вас и так день насмарку.

– Да уж... – пробурчал штабс-капитан. – Мы, конечно, Департаменту полиции всегда поможем. Тем более слышали, как вы вчера на Гутуевском вместе с сыскными картечь отражали... Но хочется уже откланяться.

Надворный советник не стал томить коллег. Он разрешил увезти труп и отпустил городскую полицию, включая городского у подъезда. Попросил только доктора сообразоваться прислать ему на Фонтанку протокол вскрытия. Вскоре департаментские остались в квартире одни, если не считать понятых. Алексей послал Валевачева собрать показания соседей, а сам начал осмотр места происшествия.

Первое, что привлекло его внимание, – это портрет августейшей четы на стене в гостиной. Аляповатый холст, сделанный по лекалам Апраксина рынка, не был рассчитан на хороший вкус. Не олеография, как в дворницкой, но порядочная ляпня. Таких дурных портретов в частных квартирах Лыков еще не встречал. Странно...

Под холстом на бюро стояла фотография какого-то важного господина в галунном мундире с дарственной надписью. Вглядевшись, сыщик узнал обер-церемониймейстера Двора князя Долгорукого-второго. Надпись гласила: «Устину Алексеевичу Дашевскому на память».

Алексей продолжал осмотр. Он не нашел в квартире никаких ценных вещей и ни копейки денег. Один ящик бюро был выломан кочергой и

валялся на полу, остальные похитители не тронули. Видимо, знали, где искать... Отсутствие лакея сделалось еще подозрительнее. Надворный советник отправился в его комнату и обыскал ее особенно тщательно. Под кроватью он обнаружил скомканный клочок бумаги. Это оказался билет государственного займа восемьдесят шестого года с одним неотрезанным купоном. Лакей разбрасывался доходными бумагами? Или подбросили нарочно, чтобы подумали на него?

В целом обстановка в квартире Дашевского давала пищу для ума. Очевидно, небогат. Любит придворные побрякушки. Убийство, скорее всего, совершено с целью ограбления. Хоть брать у покойного особенно и нечего, в Петербурге сплошь и рядом резали и за меньшие суммы. А ударил ножом кто-то свой. От кого Дашевский не ждал и спокойно подставил спину.

В завершение обыска Лыков собрал бумаги убитого в заранее приготовленный портфель. Потом продиктовал сидевшему без дела Шустову протокол осмотра места происшествия. Подписал его и обратился к домовладельцу:

– Простите, что держу вас так долго, но ничего не поделаешь, процедура... Как вас по имени-отчеству?

Высокий рыхлый детина представился действительным студентом Степаном Степановичем Осиным-Бруно. Сорок лет человеку, а он студент... Видать, курс лекций прослушал, но экзамен сдать не смог. А потом подвернулось наследство, и теперь он до смерти будет представляться таким несерьезным званием. Осин-Бруно сразу заговорил о том, что волновало его больше всего: когда можно будет опять сдать квартиру внаем? Надворный советник вошел в его положение. Зачем вредить человеку? И разрешил студенту вывесить билет через три дня. Пусть выдержит небольшую паузу на всякий случай да и пускает новых жильцов. Если же придет на имя покойного какая корреспонденция, сыщик велел переслать ее в департамент. Домовладелец повеселел – три дня не срок – и охотно дал убитому характеристику. Выражений при этом он не выбирал.

По его словам, Дашевский был личностью малосимпатичной. Заносчивый, высокомерный – и при этом нечистоплотный в денежных расчетах. Устин Алексеевич очень гордился, что состоит в должности церемониймейстера. Мог часами говорить о том, как протекает придворная жизнь, хвастал знакомствами, сыпал громкими именами. Недавно заявил, что определенно переходит в действительные церемониймейстеры, вопрос уже решен и нужно лишь дождаться Рождества. А сам всегда задерживал

плату за квартиру, дрова, свечи, даже за самовар коридорному. Причитающиеся деньги отдавал очень неохотно, с такой гримасой, будто одолжение делал...

– Почему не отказали эдакому фрукту? – спросил Лыков.

Действительный студент пожал плечами.

– Многие из жильцов тянут с оплатой. Если всех выгонять, останешься без дохода. А тут придворный человек! Лестно было иметь такого в доме – производило впечатление на соседей. Вот и терпел.

– В суд не подавали?

– Нет, только стращал, когда Устин Алексеевич совсем уж совесть терял. Да у него и без меня скандалов хватало. Он же с собственным лакеем судился!

– С Петровым?

– Точно так. К мировому ходили спор разбирать.

– А что за спор?

– Я толком не помню. Это вам надо у коридорного спросить, он с тем Петровым вроде как приятельствовал.

– Спрошу. Но вы сами какого мнения о Петрове?

– Фу! Ленив и неаккуратен. Деревенщина с фасонами! Но они с хозяином удивительно подходили друг другу. Каков поп, такова ему и свечка...

– Ясно. Еще вот о чем спрошу: хозяин мертв, двери не взломаны, а лакея нет. Согласитесь, наводит на мысли.

Осин-Бруно взмахнул руками:

– Ну что вы! Чужая душа, конечно, потемки... всякое бывает... Но Петров! Для такого дела характер нужен. Впрочем, лучше вам спросить Дериглазова. Я от прислуги далеко отстою, могу и ошибиться.

– Еще вопрос. В последнее время не замечали ли вы в поведении вашего жильца чего-то странного? Или нового? Сделался вдруг нервен или щедр... Завел даму и собрался жениться... Поссорился с кем-то... Гости новые завелись, каких раньше не было...

– Да, кое-что приходит на ум. И все по вашему списку предположений!

– Вот как?

– Будто нарочно. Во-первых, у Дашевского откуда-то вдруг взялись деньги. Неделью назад он погасил все долги и даже заплатил за квартиру до первого сентября. Чего прежде никогда не случалось!

– Ага. Неожиданно разбогател. Далее!

– Во-вторых, появилась дама! Это чуть раньше. Примерно с начала мая. Лет тридцати, может, немного старше. Кто их поймет? Так намажутся,

что с толку συμβоют.

– Именно дама, а не?..

– Самая настоящая. Тех-то мы знаем, тоже приезжали. И хоть на вид фу-ты ну-ты, а все равно видать! Эта не из таких. Порядочная. Богато одета, со вкусом и наряды часто меняет. Три или четыре раза Устин Алексеевич привозил ее к себе на извозчике. Когда встретился мне на лестнице, самодовольно так пояснил, что богатая вдова и без ума от него...

– А фамилии не называл? Или хоть имени. Любопытно было бы найти эту вдову.

– Нет, не говорил. Вот. А в субботу снова попался и сказал, что хочет жениться. Я спросил когда. У меня на втором этаже хорошая квартира пустует, интересно было бы им сдать. Дашевский ответил, что как только перейдет на службу в Экспедицию церемониальных дел, так тут же и венчание. А уже спускаясь по лестнице, обернулся и добавил с обычным своим хвастовством: «За ней двадцать тысяч годового дохода и собственный дом! Так что ваша квартира нам не интересна».

– Спасибо за рассказ, господин Осин-Бруно. Пришлите мне сюда сначала Дериглазова, а потом дворника, и не смею более вас задерживать.

Вместе с коридорным появился и Валевачев. Он уже обошел соседей и теперь сел по правую руку от начальника – учиться вести допросы.

Коридорный, лохматый шустрый парень в засаленной жилетке, тут же заявил:

– Вообще-то, я про Петрова ничего не знаю...

– Погоди, – остановил его Лыков. – Пиво вместе пили?

– Единый тока раз.

– А что так мало?

– А он жадный, Петров-те. Надо бы поровну платить, а он сказал – денег нету. В другой-де раз. Я трижды напоминал, а он одно: нету да нету. Вот-де у барина пятерку отсужу, тогда и угощу.

– А что за пятерка?

– Барин на его жалованье вычет наложил. За разбитую, значит, посуду. Петька сперва смирился. А потом кто-то его научил к мировому пойти, он и обратился.

– И что, отсудил?

– Отсудил, как есть! – радостно воскликнул коридорный.

– А пиво поставил?

– Не поставил, овечья душа...

– Вот стервец. А вы с ним не земляки?

– Каки земляки?! Я казанский, а он псковской. Здесь познакомились...

– Что о нем можешь сообщить? Баба у него есть? Или родня в городе? В гости он ходил? И вообще, куда твой Петька подевался? Понедельник, а его нет. Часто он раньше загуливал?

Дериглазов наморщил лоб.

– Нет, он не гуляка. Скорее домосед. Танцульки не жалуется, а в трактир ходит тока за чужой счет. Скучный человек! А про фурсетку его али родных сказать ничего не имею. Неприятный он, Петька, нелепый. С таким и водиться-те противно.

– А как Петров со своим барином уживался?

– Плохо. Жалованье ему господин Дашевский всегда задерживал. Вот, пять рублей хотел отвинтить, за будто бы чайную пару, что Петька уронил. А тот возьми да и скажи: не ронял я! Свидетелей тому нет. И мировой его сторону и взял. А сначала Петька соглашался, что виноватый.

– А кто на самом деле те чайники разбил?

– Думаю, он и разбил. А на суде его надоумил какой-то хитрый человек. И Петька сказал: не я.

– А кто же?

– Он сказал: шел под окнами ломовой обоз, случилось сотрясение земли, чайнике-те и низверглись.

– И судья присудил вычет отменить? Ловко!

– Еще бы неловко! Я и говорю – хитрый человек надоумил. Сам Петька дыролобый, в жизни бы не догадался.

– Не пойму, почему барин такого неряшливого слугу не рассчитал? Ленивый, посуду бьет, судится. Взял бы давно другого, а этого бы выгнал.

– Привык, может, – недоуменно пожал плечами коридорный. – Он сам, господин Дашевский, был с придурью. И вот поди ж ты – кому-то помешал. Ваше высокоблагородие! – воскликнул вдруг Дериглазов. – Неужто это Петька барина зарезал?

– Ты мне сам скажи, он или не он. Я-то Петьку не знал, а ты с ним пиво пил.

– Да единый тока раз! – чуть не взвыл от досады парень. – Кабы я знал! А с другой стороны... какой из него убивец? Дурак дураком, и зла в нем нету...

– Что Петров за человек? Вот ты говоришь: скучный, ленивый, противно с ним водиться. Но кровь лить – это не чайники бить. Способен он на это или нет?

– Он такой: ни то ни се. Никчемный. А убить – тут характер подавай! Характера-те у него и в недодаче.

Лыков перевел разговор на посетителей Дашевского и узнал некоторые

важные подробности. Ходила барыня, добрая и веселая. Одна. Сначала-то с неизвестным господином приехала, а потом стала уж без него. Господа бывали, но не так чтоб часто. Раз случился в квартире у них скандал, на Пасху. Петька сказывал: его барину другой барин кулаком в рожу заехал. Но кто и за что, он, Дериглазов, не знает.

Наконец Лыков отпустил коридорного. Валевачев тут же фыркнул:

– Тоже психолог выискался! Характеру нету, чтобы убить! Будто у всех убийц обязательно есть характер.

Губернский секретарь, человек еще молодой и неопытный, имел по всякому вопросу собственное мнение. Лыков это поощрял, как в свое время Благово поощрял в нем самом самостоятельность суждений. Но теперь он возразил:

– Вы правы в отношении большей части душегубов. Чтобы убить по пьяному делу, ни характер, ни фантазия не нужны. Но я знавал и крепких, незаурядных злодеев. У нас же здесь, напомню, умышленное убийство. И пока никаких улик.

Опрос дворника не добавил ничего важного. Впрочем, как и соседей, которых обошел лыковский помощник. Знакомая картина! Так всегда бывает, когда расследуется преступление. Никто ничего не видел и не знает. Избегают на Руси полицию. Потом ведь по судам затаскают... Да и соваться в чужие дела нет резона.

Оставаться на Кабинетской было больше незачем, и Особенная часть возвратилась в департамент. Там каждый занялся своим делом. Шустов под диктовку надворного советника стал писать рапорт Дурново. Валевачев же отправился к начальству убитого – навести справки.

В шесть вечера Лыков вернулся с доклада и отпустил Шустова домой. Валевачев сидел за своим столом, собранный и серьезный, – ждал разговора. Нравится ему по молодости, что убийством занимается! Не заела пока рутина.

– Ну, Юра, давай подведем итоги, – начал сыщик, и его помощник сразу взялся за блокнот.

Лыков обращался к помощнику на «ты», лишь когда они оставались вдвоем. А так щадил самолюбие. Даже Шустов не знал этого. Чиновник для письма был необходим в силу специфики дел Особенной части. Ее доклады читали не только оба Дурново – иногда они доходили и до государя. Сергей Фирсович был одним из немногих в департаменте машинистов. Он быстро и без ошибок набирал на пишущей машине и за это особо ценился начальством. Даже прибавку к жалованию получал за свое умение. Аккуратный и ответственный, он был надежен как скала.

Случалась необходимость всю ночь работать для августейшего доклада – и Шустов без ропота колотил по клавишам. А утром как ни в чем не бывало сидел в кабинете, украдкой подремывая и не просясь домой. Это честное труженичество нравилось Лыкову. Есть такие работники, что всем рассказывают про свою большую занятость. Шустов тащил воз скромно и молчаливо. Да, он был зауряден, к тому же обременен заботами о двух сестрах – старых девах. Без брата те не могли себе и чаю в лавке купить... Но Алексею с коллежским регистратором детей не крестить. Никакой близости между ними, разумеется, не возникало, и сыщика это вполне устраивало.

Не то Валевачев. Образованный, несмотря на молодость, он любил книги и читал без перерыва. Причем не абы что, а серьезную литературу. Еще Юрий любил и понимал музыку, чему его шеф прямо завидовал. Самому Лыкову кто-то большой наступил на ухо, и в опере он скучал. Надворному советнику нравился его помощник, но по-отечески: нет-нет да приходилось его воспитывать. В Алексее сидела глубинная потребность иметь вблизи себя человека, которому можно доверять. Иметь на службе – друзья и семья не в счет. Валевачев для этого годился, но требовал работы. Лыков был и не прочь учить, натаскивать, растить. В свое время в него много вложили, и теперь он хотел отдавать. Лучше всего было учить в совместных передрыгах. Но тихая нынешняя деятельность таких испытаний не предоставляла. Может быть, новое дело вывернет опасным боком?

– Ну, какая у тебя версия? – серьезно спросил Лыков.

– Та же, что и у вас!

– То есть убил все же лакей?

– Слишком многое на это указывает, – уверенно сказал Валевачев. – И сама его пропажа – ясно, что испугался и сбежал! И целые дверные запоры. Отсутствие следов борьбы. Ящик бюро. Ссора с хозяином. Что-то забыл?

– Купон под кроватью.

– Да! Купон валялся не где-нибудь, а именно под постелью лакея. Все сходится. Люди, что навещали Дашевского, все были из общества. Темных знакомств убитый, судя по всему, не имел. И вообще был человек... придворный. Вы с чем-то не согласны?

– Правильнее сказать, кое-что меня в твоей версии смущает.

Юрий даже привстал:

– Что?

– Удар ножом. Так не бьют лакеи.

– То есть? Поясните!

– Убить взрослого здорового человека непросто. Ты об этом не знаешь, слава богу, так что поверь мне на слово. А тут с одного замаха точно под лопаточную кость. Если бы ты так захотел – ни за что не получилось бы.

– А у вас бы вышло?

Лыков погрузился:

– Чем старше делаюсь, тем больше жалею тех турецких аскеров... Одиннадцать человек живыми привел, а скольких положил... Это пока молодой, никого не бережешь, ни себя, ни других. Так вот. Бил не лакей. Может быть, он подводчик. Наверняка сообщник! Впустил в дом, отвлек внимание... Но сам не убивал.

Губернский секретарь помолчал, обдумывая услышанное, потом потрянул упрямо головой:

– Не согласен. У кого угодно может случайно выйти такой удар.

– Думаешь так – твое право. Тебе и поручим тогда поиск Петрова. Ты был в участке?

– Да. Петр Орестов Петров, – Юрий заглянул в блокнот, – происходит из крестьян Михайловской волости Порховского уезда Псковской губернии. Вид недавно продлен, подати уплачены. Никаких порочащих его сведений у полиции нет.

– Родня в столице?

– В участке об этом тоже неизвестно. Искать через адресный стол считаю бессмысленным – сколько в Петербурге окажется Петровых?

– Из Порховского уезда – немного.

– Хм... Вы полагаете, надо попробовать?

– Нет, отыскание родни мы поручим сыскной полиции. А ты бери ноги в руки и езжай в Михайловскую волость. Найди его родителей. Успеешь на ночной поезд.

– Вы допускаете, что Петров укрылся у себя в деревне? Но это же глупо! Там его в первую очередь будут искать!

– А твой подозреваемый не из умников. Если он зарезал Дашевского, то начинай поиск сразу с волостных кабаков. Запросто может сидеть там и пропивать добычу!

– Понял! – вскочил Велевачев. – Уже лечу. А вы чем займетесь?

– Буду разбирать бумаги покойного. Ты был у него на службе?

– Да. Сообщил о несчастье помощнику главноуправляющего Раевскому. Как мне показалось, тот не сильно расстроился...

– Завтра схожу туда, поговорю с сослуживцами.

– А стоит ли тратить время, Алексей Николаевич? – ухмыльнулся помощник. – Если я вам через два дня убийцу привезу?

– Ты, Юра, езжай. Если доставишь убийцу, я тебе пряников куплю. Но сам пока стану прорабатывать другие версии.

Губернский секретарь, бодро топая длинными ногами, убежал собираться в дорогу. А Лыков разложил бумаги и углубился в их изучение.

Он нашел эту записку через два часа, когда уже хотел идти домой. Черновик письма на имя главного управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии графа Протасова-Бахметева лежал вместе со счетами от шляпника. Почерком убитого там было написано следующее:

«Ваше сиятельство граф Николай Александрович!

Считаю своим долгом, служебным и нравственным, доложить о творящихся беззакониях. Начальник управления по продаже игральных карт коллежский советник Труфанов обогащается мошенничеством. А именно продает владельцам клубов и иных заведений с допущенными карточными играми акцизные бандероли. Те оклеивают указанными бандеролями незаконно произведенные карточные колоды и продают игрокам. Сами колоды фабрикуются в Польше. Незаконный доход Труфанова простирается до 15 000 рублей! Если Ваше сиятельство соизволит выслушать меня, я предоставлю все доказательства. Остаюсь Вашего сиятельства преданный слуга коллежский асессор, состоящий в должности церемониймейстера Устин Дашевский».

Черновик носил следы чьей-то правки. Тонким пером, черными чернилами было зачеркнуто в начале письма «граф Николай Александрович» и оставлено только «Ваше сиятельство». А сумма в пятнадцать тысяч рублей оказалась исправлена на пять тысяч.

У Лыкова от возбуждения даже зачесалось ухо. Вот находка! Донос вышестоящему начальству на начальство непосредственное. Причем смахивает на инсинуацию: якобы мошеннический доход росчерком пера уменьшен втрое. Кто же тот корректор, который подправлял текст? И чем такой донос не повод для преступления?

Алексей прикинул, сколько же бандеролей должен продать Труфанов, чтобы заработать пятнадцать тысяч. Сама марка стоит тридцать копеек за дюжину колод. Значит, начальник управления запустил в незаконный оборот в столице сто тысяч дюжин! Фантастическая цифра, явно взятая с потолка. Даже уменьшенная втрое, она кажется нереальной. А как украсть такую прорву бандеролей? Они делаются в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг, и, конечно, там налажен их учет. А вступить в стачку с картежными атаманами? Вовлечь в мошенническую схему десятки людей! Кто-нибудь да проболтается. Неправдоподобное до глупости

обвинение. Состоящий в должности явно оболгал своего начальника. И ему в этом подсобляли.

Оставшиеся неразобранными бумаги Алексей отложил до завтра. Девятый час, пора и честь знать. Варенька с детьми скоро уедут в Варнавин на все лето. Как только там спадают комары... Сейчас Лыкову следовало забрать с Моховой всю шайку и отвести на прогулку в Летний сад.

Шайка собралась быстро. Николка по прозвищу Чунеев и Павлука по прозвищу Брюшкин вышли в щегольских матросках. У них был период увлечения пиратами, поэтому в поход взяли деревянные сабли. Абордажным бойцам в сентябре стукнет по семь годов! О-го-го! Дочке Сашеньке нет еще и двух, и прозвищ у нее, у любимой, много: Перышко, Принцесса Шурочка, Нюнька... Малышку в плетеной коляске везла няня Наташа. Варвара Александровна шла налегке. Во-первых, так и полагается гранд-даме, а во-вторых, она снова в положении, на шестом месяце. Тяжелого таскать нельзя. Алексей нес корзину с бутербродами и, для себя, бутылку пива. Компания весело ворвалась в сад и застряла там на час. Петербуржцы уже начали разъезжаться по дачам, публики стало заметно меньше. Летние ночи, которые так любил Лыков, заставили его забыть о делах. Только когда дети начали шумно зевать, семейство вернулось домой.

Утром Лыков заглянул в департамент, убедился, что никому из начальства не нужен, и отправился на Казанскую, 7. Здесь в унылом трехэтажном здании помещалась Канцелярия по учреждениям императрицы Марии. Сыщик решил сначала поговорить с помощником главноуправляющего Раевским. И только потом, если беседа не задастся, встретиться с Протасовым-Бахметевым. Почтенный граф, знаменитый своей казацкой челкой, был известен также и своей простотой. Той самой, что хуже воровства... Честный и порядочный человек, но – туповат. Никаким делом самостоятельно руководить он не мог, значит, оно находится в руках у помощника. И начать лучше с него.

Статский советник принял сыщика сразу. Умный, немного желчный, он оказался именно тем человеком, который требовался Лыкову. После нескольких дежурных фраз Алексей заговорил о деле. Он протянул собеседнику черновик письма Дашевского и сказал:

– Вот, было в бумагах. Явно ложный донос. Не подскажите, покойный действительно вручил его графу?

Статский советник бросил взгляд на бумагу и скривился.

– Да. В апреле. Дашевский сильно скандализировал и едва не добился своего. Граф не любит историй, и ему проще в таких случаях уступить. Но я... мы сумели убедить его сиятельство, что тут навет.

– И бумага осталась без последствий?

– Именно. Труфанов легко оправдался, ложь оказалась слишком примитивной. Если даже полиция это заметила...

В голосе Раевского скользнули язвительные нотки.

– И коллежский асессор после такого продолжил службу?

– Как ни в чем не бывало! Конечно, отношения оказались безнадежно испорченными. Но Дашевского это не смущает! Не смущало... Вот ведь бессовестный человек!

Помощник главноуправляющего тихонько, изящно стукнул кулаком по столешнице, после чего продолжил:

– Мы в канцелярии не хотели больше знаться с этим... Устином Алексеевичем. К счастью для него, а пожалуй, и для нас, он в Рождество должен был перейти на службу в другое ведомство.

– В Экспедицию церемониальных дел?

Статский советник с интересом поглядел на сыщика.

– Что, уже догадались?

– На черновике есть правки. Это ведь редакция Долгорукова?

– Не так глупа наша полиция, как о ней говорят, – словно под нос себе констатировал Раевский. – Простите, вырвалось. Да, вы правы: это его чернила. Обер-церемониймейстера, тайного советника князя Долгорукова-второго. Первым считается его старший брат, бывший посланник в Персии. Но Александр Сергеевич на самом деле первый. Это главный в Петербурге интриган! Много более бессовестный, чем его протеже Дашевский.

– Князю понадобилось место Труфанова, и он решил руками его подчиненного это место очистить?

– Алексей Николаевич, я очень рад, что это дело попало именно к вам. Прошу извинить меня за предыдущие... намеки.

– Значит, я прав в своей догадке?

– Истинно так. Князь Долгоруков решил пристроить в наше ведомство своего родственника, молодого графа Апраксина. Тому пришлось уйти из Конногвардейского полка по беспокойному характеру. Куда ж такого, как не к нам! И сразу в начальники управления по продаже игральные карт. Видимо, из тех соображений, что граф понтирует смолodu. Значит, справится с должностью!

– Но наскок отбили, – завершил мысль Лыков. – И глупый бессовестный Дашевский остался не у дел. Долгоруков посулил ему за помощь в интриге перевод в церемониймейстеры... Как, по-вашему, князь собирался выполнить свое обещание?

– Насколько я знаю, да. В середине мая наш главноуправляющий

получил запрос от Воронцова-Дашкова^[17], нет ли препятствий к переводу Дашевского в Экспедицию церемониальных дел. Конечно, препятствий не оказалось. И мы решили, что избавились от этого господина без принципов. И вот! Хорони его теперь...

Лыков поблагодарил за беседу и откланялся. Версия с причастностью письма к убийству не подтвердилась. Оставался лакей. Неужели завтра Валевачев действительно привезет его и дело можно будет отдавать следователю? Ох, не верится...

Остаток дня надворный советник просматривал бумаги погибшего. Он отложил в сторону два письма, начертанные женской рукой. Вместо подписи стояли буквы «МГ». Кто она? Раевский на вопрос, есть ли у Дашевского приятели, ответил: навряд ли! Жил человек, делал карьеру, собирался жениться. А помер – и спросить о нем некого... Вот случись беда с Лыковым (не дай бог, конечно!), кто может о нем рассказать? В первую очередь, разумеется, жена. Потом барон Витька, лучший друг. Сослуживцы по департаменту что-то дополнят. Леня Шереметевский из сыскной. Пристав Закс-Гладнев. Городовой первого разряда Кундрюцков. Варнавинский житель Титус, москвич Горсткин и нижегородец Форосков. Хорошая компания получается! Каждый что-то знает об Алексее, а вместе они знают о нем все. А тут? Пришибли человека, и осталось от него три бумажки.

На этой невеселой ноте сыщик отложил дознание и отправился в Военное министерство. Старший делопроизводитель Военно-ученого комитета флигель-адъютант полковник барон Таубе (ишь сколько титулов накопил, шильник!) оказался на месте. Алексей заявил ему, что у него по службе перекур, выпал свободный вечер и хорошо бы им посидеть часика два в «Лейнере». Виктор идею одобрил, но сказал, что сегодня его тянет лаптем щи похлебать... И предложил посетить заведение «В.И. Черепенников с сыновьями» на Литейном. Ребята из штаба гвардии там были и хвалили селянку.приятели условились сойтись в ресторане к семи часам, и надворный советник вернулся в департамент.

Он решил не перебивать аппетит и дома не обедать. Эх, прошла молодость! В свое время, будучи нищим титулярным советником, Лыков в складчину с тремя товарищами кормился у одной вдовы на Спасской. За тридцать пять рублей в месяц аккуратная женщина предоставляла ежедневный обед, и ни разу он его не пропустил... А теперь вон брюхо растет.

В четыре часа в комнате Особенной части пили чай. Организовал традицию Лыков. Он же, как человек обеспеченный, закуpal все

необходимые принадлежности, кроме сахара. На сахар сбрасывались участники клуба, которых набиралось около десятка. Поскольку чай у Алексея всегда был высшего сорта, на него приходили даже два статских советника. Дежурный служитель вносил самовар, Шустов раскладывал пастилу с баранками, полицейские чиновники блаженствовали. Но сегодня по случаю лета явились лишь два приятеля Алексея из Третьего (Секретного) делопроизводства. Да и те быстро убежали на совещание. Лыков с Сергеем Фирсовичем остались вдвоем. Сыщик спросил о новостях, но таковых не оказалось. Телеграммы от Валевачева не было; видимо, хвалиться ему нечем. Михайловская волость находится неподалеку от станции Дно Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги – добираться из Петербурга удобно. Но все равно за один день можно не обернуться. Если завтра-послезавтра Юрий вернется с пустыми руками, придется бросить на поиски лакея все силы градоначальства. Есть некоторая вероятность, что губернский секретарь взял Петрова с личным, с карманами, полными украденных денег. А молчит, чтобы утром сделать сюрприз. Но это завтра и узнаем...

Шустов стал спрашивать о ходе дознания, и разговор сам собой перешел на убийства. Чиновник для письма служил в Департаменте полиции уже семнадцать лет, но впервые увидел труп только вчера. Нож в спине произвел на него сильное впечатление. Сергей Фирсович, жмурясь от ужаса, рассказал, что ночью ему привиделся покойник. Он требовал найти убийцу и сообщил, что того зовут Родион! Лыков обещал разобраться с этим Родионом и посоветовал на ночь пустыряника.

Так они почаяевничали. Лыков унаследовал от Павла Афанасьевича шитый бисером подстаканник и пил только из него. Подстаканник был подарком одной хорошей женщины, на которой Благово едва не женился. Когда учитель умер, Лыков послал короткое письмо в Нижний Новгород – адрес он знал. С тех пор изредка на могиле ему попадались свежие цветы. Раз в год, не чаще. Алексею хотелось думать, что это от нее.

В шесть часов надворному советнику пришлось все же идти к директору. Петр Николаевич задал несколько коротких точных вопросов, понял, что дознание как следует еще и не началось, и отпустил Алексея. Тот в свою очередь отпустил Шустова и пешком отправился в ресторан.

Более всего сыщик любил Петербург в мае и октябре. Начало июня тоже годилось. Летний вечер тянется, тянется и никак не перейдет в ночь... Раз – и уже утро! Лыков по Пантелеймоновской вышел на Литейный. Напротив блеснули купола Преображенского всей гвардии собора. Он любил этот храм – здесь крестили всех его детей. Народу на проспекте

было мало, и неуловимо витал дух легкой праздности. Почти как в Варшаве! Хорошо...

Стройную фигуру барона сыщик разглядел издали. Вот ведь везунчик. Все встречные дамы незаметно оборачивались на высокого красавца с выразительным умным лицом и георгиевским темляком на сабле. И так будет до самой старости. А он, Лыков, замухрышка... Как только Лидия Павловна за мужа не боится?

Приятеля действительно хорошо отужинали. Настроение стало настолько благостным, что Алексей даже решился спросить полковника о Буффаленке^[18]. Тот ответил одной фразой: все в порядке, вживается. Дальнейшее любопытство было неуместным, и сыщик перевел разговор на жен. Собственно, для этого он и пригласил приятеля. Варенька в положении, а ей скоро ехать в Варнавин. Там, конечно, есть доктора, целых два. Но мало ли что? А Лидия Павловна – дипломированный врач, много родов приняла. Заглянула бы она на Моховую, посмотрела, не опасно ли Варваре уезжать из столицы.

В словах Лыкова был и другой, скрытый смысл. Разумеется, в Петербурге можно найти акушерку и поопытнее баронессы Таубе! Но их жены, в отличие от мужей, до сих пор как следует не подружились. Разный жизненный опыт, разные характеры. И Алексей решил: надо чаще звать Лиду к себе под любым предлогом. Глядишь – и сблизятся женушки...

Еще он пригласил баронессу Таубе с дочерью погостить в Нефедьевке. Дачный вопрос был для полковника болезненным. Со своим скромным окладом он мог снять разве что полумызок на берегу Финского залива, без удобств и далеко от железной дороги. А дочка росла слабенькая, у нее развивалась эмфизема легких. Таежные леса, ягоды, купание в Ветлуге очень быгодились девочке, и Виктор с благодарностью приглашение принял.

В итоге надворный советник явился домой под мухой и получил от Варвары Александровны выговор. Без занесения в формуляр... Оправдываться не стал, вытребовал чаю и засел в кабинете со сборником рассказов модного литератора Чехова. Сборник назывался «В сумерках». Чехов интересовал сыщика тем, что побывал на Сахалине на следующий год после него. И, по слухам, готовил книгу о Мертвом острове. Вот что Алексей желал бы прочитать! Описаны ли там Кононович, Железный Нос Шелькинг, жуткие каторжные нравы? Но книги пока не было, а рассказы у хмельного книгочея не пошли, и он улегся спать.

Весь следующий день Лыков потихоньку нервничал. Телеграммы опять не случилось. Вот балбес его помощник! Надо сделать ему

замечание: есть ли новости, нет ли – обязан доложить. Из-за этого ожидания дознание у Лыкова шло вяло. Что тут дознавать? Ложись спать, а проснешься – все узнаешь... Сыщик превозмог раздражение и отрядил Шустова в адресный стол. Велел переписать всех Петровых, что родом из Порховского уезда, а также всех Дашевских. Сам он зашел к Шереметевскому и попросил справку о порховских Петровых из картотеки сыскной полиции. И наконец вызвал на явочную квартиру своего осведомителя штабс-капитана Афанасьева.

Этот офицер занимал скромную должность в Санкт-Петербургском дворцовом управлении. Называлась она заковыристо: смотритель за наружной чистотой и металлическими сооружениями по Зимнему дворцу и Эрмитажу. Служба заурядная – инспектировать трубы да чугунные лестницы, но главное – штабс-капитан был свой человек в дворцовой прислуге. От него не прятали тайн.

Надворный советник поставил осведомителю задачу. Убит состоящий в должности церемониймейстера некто Дашевский. Что говорят об этом событии? И что вообще творится в Экспедиции церемониальных дел? Штабс-капитан, не задавая лишних вопросов, откозырял и ушел.

На Рождество Афанасьев неожиданно обратился к Лыкову с личной просьбой. Его младший брат, поручик Московского полка, спьяну ударил студента. Студент оказался не из простых. Его папаша сумел доставить протокол о происшествии великому князю Владимиру Александровичу с комментариями. Несдержанного поручика должны были перевести в армейский полк, за Урал. Штабс-капитан очень просил как-нибудь спасти брата. Лыков думал недолго. Беспокоить Дурново ему не хотелось. И сыщик пошел к тогда еще живому градоначальнику Грессеру. Он заявил Петру Аполлоновичу, что в интересах безопасности в столице один протокол хорошо бы похерить. Грессер сморщился и несколько минут думал, какая связь между пьяным поручиком и безопасностью в столице. Однако Лыков настаивал, а репутация его в градоначальстве была высокой. И генерал мудро рассудил не ссориться с Департаментом полиции. Мало ли что там за дела? Кроме того, и на это Алексей тоже рассчитывал, Грессер терпеть не мог командующего гвардией и охотно подсунул свинью великому князю. Когда Алексей вручил злосчастную бумажку Афанасьеву-старшему, тот готов был руки ему целовать. Поэтому сейчас, сыщик знал, его задание будет выполнено с душой.

Вчера в Канцелярии по учреждениям императрицы Марии Лыкову сделали копию с формуляра Дашевского. Изучение документа не дало никаких полезных зацепок. Тридцать четыре года, из потомственных

дворян. Отец – коллежский советник, мать – урожденная Ададунова; оба уже умерли. Братьев и сестер нет, к суду не привлекался, в браке не состоял. Поступил в Училище правоведения, но вскоре оттуда ушел. Неизвестно чем занимался год, потом поступил на юридический факультет Петербургского университета. Выпущен губернским секретарем в МИД, помощником юрисконсульта. Через два года перевелся на службу в Министерство народного образования, в канцелярию по делам греко-униатского исповедания. Еще через три оказался уже в Департаменте общих дел Министерства государственных имуществ, откуда и перешел на последнее место службы. Похоже, нигде не приживался. Как такой человек смог получить придворное звание? Ответ Лыков нашел в формуляре. Главноуправляющим СЕИВ^[19] Канцелярией до Протасова-Бахметева был Иван Николаевич Дурново. Отсюда он и взлетел в министры. Добрый человек всегда за кого-то хлопотал. И любил баловать подчиненных в малых чинах. Видимо, Дашевский смог втереться к «большому» Дурново в доверие.

Лыков отложил формуляр и стал дожидаться Шустова. Тот вернулся с небогатым уловом. В Петербурге проживало четверо Петровых, приписанных к Порховскому уезду: купец и три крестьянина. Отчества Орестович никто из них не имел. Купца Лыков сразу отвел. Большой человек! Член котировочного комитета яичной, масляной и курятно-дичной биржи... Алексей заарендовал извозчика и поехал по адресам крестьян. Начались его мытарства. Никого из разыскиваемых дома не оказалось, пришлось обращаться к ним на службу. Ивана Петрова, приказчика табачного магазина с Рождественской, и Федула Петрова, десятника с Калашниковской набережной, удалось застать. Оба они про однофамильца ничего не знали и всячески от него открестились. Третий Петров, Силантий, обнаружился только к вечеру. Подрядчик крупной малярной артели, он весь день мотался по делам. Лыков прождал его два часа, пока маляры охрили стены Александровской городской барачной больницы на Военном поле. Подрядчик появился в девятом часу, пыльный и усталый. Артель уже пошабашила и собиралась в чайную. Узнав, что его давно дожидается неизвестный господин, Петров подошел с извинениями. Сыщик отвел его в сторону и показал свой билет. Подрядчик сразу напрягся.

– Скажите, Петр Орестович Петров, лакей с Кабинетской улицы, вам не родня?

– Петька-то? Двоюродный племянник, – ответил Силантий. – Мы из одной деревни, из Каменки. Что он натворил?

– Пропал от барина с его вещами.
– Вот тетерья голова! – артельщик с досады хлопнул себя картузом по ноге. – Вот крысеныш! Весь в тятку своего!
– Вы когда его видели в последний раз?
– На Пасху приходил.
– Где нам искать его, не знаете?
– В Каменку мог убежать, дурень!
– Туда уже послано. Но если Петька в городе, где он еще может быть? Фурсетка у него есть?

– На фурсетку деньги нужны, а Петька жадный. По гулящим, знаю, ходил. По дешевым. А чтобы к одной...

– Товарищи?

– Если и есть, то мне неведомо.

Подрядчик отвечал на вопросы, а сам хмурился все больше. Потом спросил:

– Ваше высокоблагородие, ведь что-то здесь не так! Если Петька украл, то пришли бы сыскные. А тут из самого Департамента полиции!

– Его барина мертвым нашли, – понизив голос, пояснил Алексей. – С ножом в спине.

Силантий отшатнулся:

– Это не он! Петька не мог!

– Что, и ручательство даете?

Артельщик молча, с ужасом смотрел на Лыкова. Тот вынул свою визитную карту и протянул Петрову.

– Если вдруг он к вам явится или вы что о нем узнаете – немедленно сообщите!

С Александровского плаца надворный советник вернулся на Офицерскую. Шереметевского на месте не было, но он оставил для приятеля выписки. Порховской Петров числился в картотеке сыскной полиции лишь один, и это был Силантий! Три года назад он пытался дать взятку смотрителю здания Николаевской инженерной академии, чтобы получить подряд. Офицер денег не принял, да еще и заявление накатал. Ну, невелик грех... Дашевские в картотеке отсутствовали.

День завершился безынтересно.

Утром 9 июня губернский секретарь Валевачев приехал в департамент прямо с вокзала. Лыков дожидался его с нетерпением. Как только Юрий вошел, стало ясно, что он вернулся с пустыми руками.

– Ну, купил свиста?

– Точно так, Алексей Николаевич. Дома у него был, родителей

повидал. Все кабаки обошел. Нет его там...

– И давно не появлялся?

– С Масленицы. Приезжал вид продлевать. С тех пор и не встречали Резаного Пальца.

– Какого такого пальца? – не понял Лыков.

– А у них там полдеревни Петровых, потому в ходу клички, – объяснил Юрий. – У Петьки прозвище – Резаный Палец. Ноготь он себе в детстве изувечил скобелем.

Алексей вскочил.

– Вот этот, на большом пальце правой руки?

– Да... А вы откуда знаете?

– Бегом за мной!

Лыков ворвался в морг Казанской части; его помощник семенил следом. Полицейский доктор Крашенинников снимал кожаный фартук, весь забрызганный кровью. Увидев сыщика, доктор ухмыльнулся:

– А! Поставщик покойников! Еще кого привезли?

– Нет, ваше эскулапство, старых навещаю. Где тут жмурики с костеобжигательного завода? Их так и не опознали?

– Вроде нет. Они в леднике до особого по ним распоряжения.

– Отведите!

Втроем они прошли в ледник. Крашенинников светил фонарем.

– Вот.

Лыков взял у доктора светильник и поднес к руке лакея.

– Видишь?

Валевачев вполголоса ахнул:

– Резаный Палец! Петр Орестов Петров!

– Кажется, мы одного опознали, – сообщил Алексей патологоанатому. – Надо убедиться.

Они вышли из ледника, доктор тщательно закрыл дверь. Могильный холод... Сыщик поежился, поблагодарил Крашенинникова и поспешил наверх. Сосредоточенный помощник шел следом.

Выйдя из морга, они остановились в задумчивости, потом Лыков сказал:

– Не зря ты, Юра, съездил в Каменку.

– Да...

– Лакей, оказывается, не убийца, а жертва. А настоящий душегуб подготовил нам его для ложного следа. И ведь чуть не съели!

Валевачев молча кивнул; слова застревали у него в глотке.

– Проведем опознание. Езжай к его дядьке Силантию и... Впрочем,

нет. Ты проищешь его до вечера, как я вчера. Бери коридорного Дериглазова и вези его сюда. Надо все по новой начинать...

Следующий час Лыков просидел, как на иголках. Он был убежден в том, что убитый – Петров, но следовало убедиться в этом наверняка. Наконец явился губернский секретарь, положил на стол протокол и сказал:

– Он.

Алексей взял бумагу и пошел к Дурново. Тот принял его не сразу и в раздраженном настроении. Выслушав рапорт, Петр Николаевич еще больше нахмурился. Поводил туда-сюда своими моряцкими усами, пробежал глазами бумагу, подумал, глядя в окно. Потом объявил:

– Вам помогла случайность.

– Да, – охотно согласился Алексей.

– Значит, если бы Лыкову в воскресенье не захотелось подраться, мы искали бы Петрова как главного подозреваемого?

– Видимо, так.

– А через год прекратили бы дело за его нерозыском.

Надворный советник благоразумно промолчал.

– Славный, однако, фортель! Хочу познакомиться с этим хитрецом.

– Я тоже, Петр Николаевич.

– Ну, раз вы все это затеяли, вам и расхлебывать. Забирайте дело о покойниках с костеобжигательного завода у Вощинина. Объединяйте с дознанием убийства Дашевского, и – полный ход!

– Уберем все рифы, – пообещал Алексей, вспомнив лексикон Павла Афанасьевича, и откланялся. Уже выходя, он услышал, как Дурново сказал в телефон:

– Соедините меня с Вощининым!

Лыков совещался со своим помощником. Предстояло определить направление поиска. Первой было велено высказаться молодежи.

– Значит, так, – глубокомысленно начал Велевачев. – Мы имеем дело с умышленным убийством. Для запутывания розыска злодей пошел еще на одно убийство. Состряпал нам главного подозреваемого, а тело чуть не сжег в печке. Вывод: противник хитрый и безжалостный. Избавляясь от раненого сообщника, он хладнокровно его зарезал. И теперь на нем уже три смерти.

– Может, и четыре, – вставил Лыков. – Исчез барыга, через которого Снулый нанимал кочегаров.

– Но тела мы не нашли, – возразил помощник.

– Мало ли их пропадает бесследно? – парировал начальник.

– Хорошо, допускаю четыре убийства. Но три последних вытекают из первого. Его и надо дознавать. Мы не сможем этого сделать, пока не поймем мотив.

– Правильно. Какой мотив предполагаешь ты?

– Убийство с целью ограбления, – сразу же заявил Валевачев. – Несчастный лакей – подводчик, он и дверь открыл. Избавиться от него, видимо, решили с самого начала. И чтобы не делиться, и чтобы нас со следа сбить.

– А тебе не показалось, что на Кабинетской нечего было грабить? Небогато жил коллежский ассессор...

– Сами же говорили, что в Петербурге резали и за меньшее!

– Ну, я имел в виду другие случаи. Убили мужика, у которого, по слухам, водились деньжата. Помнишь? На Песках. Или стукнули гирей по голове богатую вдову, как о прошлом годе. Просто и без затей. А тут целая операция. Подговорили лакея, бесшумно проникли в дом, сложили барина, слугу каким-то образом выманили наружу, кончили в другом месте и чуть не спалили. Нет, видна рука серьезного человека! А такой из-за пятиста рублей и со стула не встанет. Дашевский не подходит на роль богатой добычи.

Валевачев поморщился и спросил:

– А у вас какая версия?

– Или женщина, или служба.

– Хм. Женщина – понятно. Та загадочная дама, что приезжала на Кабинетскую. А служба? Там какой мотив? Карточные колоды не поделили?

– А ты хоть представляешь, чем состоящий в должности отличается от полновесного церемониймейстера?

– Ну...

– И чем вообще они занимаются?

– Это вы у нас камер-юнкер, на балы ходите, – хмыкнул помощник. – А нам, черной кости, не положено.

– Тогда слушай. Состоящий в должности – это кандидат на штатное место в составе придворных чинов. Но кандидаты бывают разные. Большинство так и состоят до самой отставки, не помышляя о переходе в штат. Звание свое они получили в виде поощрения. Оно дает право присутствовать на всех торжествах, связанных с императорской фамилией. И обычным карьерным чиновникам этого вполне достаточно. Они продолжают служить по своему ведомству, а когда их женам хочется пофорсить на балах, то мужья свое право реализуют. Совсем другое –

штатные церемониймейстеры. Вся их служба, вся карьера проходят во дворце. Там, возле трона, в толпе других придворных – особая камерная жизнь. И кому-то не терпится туда попасть. Когда образуется вакансия, среди состоящих начинают выбирать такого. Большинству менять жизнь не хочется, но несколько оголтелых принимаются драться за место. Судя по словам Раевского, наш покойник этот конкурс выиграл. И вот мое предположение: а не перешел ли он при этом дорогу другим состоящим? Из числа оголтелых.

– Убийство на заказ? – восторгнулся Велевачев. – Когда мы изучали право, нам говорили, что это чуждый России вид преступления. В Италии их много, во Франции случаются. А в наших палестинах никогда!

– Много знают твои профессора! – фыркнул Лыков. – Был в Петербурге Сашка Офицер, и он любил выполнять подобные заказы. Но его в восемьдесят девятом зарезали, и с тех пор это баловство вроде как прекратилось. Вдруг Снулый решил его возродить? В сыскной такая кличка неизвестна. Видимо, новый человек, раньше его не было.

Губернский секретарь задумался.

– Честно говоря, не убедили вы меня, Алексей Николаевич. Но если правы... тогда надо заходить с двух сторон.

– Верно. Ищем и Снулого, и его заказчика.

– Заказчик – кто-то из состоящих в должности?

– По моей версии – да.

– Так их не очень и много! – повеселел Юрий.

Лыков развернул адрес-календарь за прошлый год.

– Сейчас сочтем. Церемониймейстеров было восемь, из них барон Будберг по весне умер. И освободил таким образом место.

– А сколько состоящих в должности?

– Таких чуть больше. Они же хлеба не просят! К Экспедиции церемониальных дел приписано состоящих двенадцать человек. Из них мы исключаем пятерых.

– Это почему же? – набычился Велевачев.

– Думаешь, чем больше – тем лучше? Эх, молодежь-холостежь... В тех шестерых, кто остался, десять раз заблудишься!

– Но почему пятерых сразу убрали? Объясните по-человечески.

– Потому что они живут и служат в провинции. А придворное звание получили в награду и навряд ли рвутся в штат. Вот, погляди. Князь Щербатов – подольский уездный предводитель дворянства, граф Гендриков – волочанский, а надворный советник Дурасов – пронский. Есть еще князь Васильчиков, тот вообще губернский предводитель в Новгороде. И

последний – Леонтьев, вице-губернатор Уральской области. Зачем им убивать нашего парня?

– Пусть так, – согласился Валевачев. – Трудно представить, что граф Гендриков приехал из Волочанска, разыскал Снулого, дал ему денег за устранение Дашевского и вернулся домой... Но петербургские состоящие тогда все под подозрением! Их, вы сказали, семеро?

– Было семеро, теперь шестеро. Бери карандаш и записывай.

Юрий послушно взял лист бумаги.

– Итак, – объявил Лыков, – наш главный подозреваемый где-то здесь. Диктую, как записано в адрес-календаре. Первый – титулярный советник граф Татищев, чиновник гофмаршальской части министерства Двора. Второй – коллежский ассессор князь Мещерский, служащий Департамента уделов того же министерства. Третий – коллежский секретарь Бутенев из канцелярии Морского министерства. Четвертый – коллежский ассессор Арабаджев из Департамента общих дел нашего МВД. Пятый – надворный советник Лерхе, секретарь канцелярии МИДа. И наконец, шестой – титулярный советник Дуткин из Департамента торговли и мануфактур министерства финансов.

– Я немного знаю графа Татищева, – сообщил Юрий. – Он шел двумя годами старше меня в университете.

– И что, способен его сиятельство заказать убийство человека?

Валевачев изменился в лице.

– Мы были не в тех отношениях!

– Тогда твое знание ничего не стоит. Поручу графа своему агенту.

– А мне кем заняться?

– Увы, пока никем. Материя больно тонкая. Мы подозреваем шестерых на основе только наших умозаключений. Ищи кому выгодно... А бросать тень на людей, которые занимают неплохие должности... И пятеро из них честно служат. Нет у нас такого права.

– Что же, будем сидеть сложа руки? – нахмурился Валевачев.

– Сейчас мы можем вести лишь негласное дознание. Через агентуру и, пожалуй, через Дворцовую полицию. А сделать это могу один я: тебя к полковнику Ширинкину даже не впустят.

– Ширинкин? Что-то знакомое...

– Это начальник Дворцовой полиции, одной из самых секретных служб империи.

– И он захочет помогать? Ой ли?

– Если я приду с улицы, может и не захотеть, – терпеливо пояснил Алексей. – Но Павел Афанасьевич Благово в свое время познакомил меня с

генерал-адъютантом Черевиным, начальником личной охраны государя. Полковник подчиняется именно ему. Черевин, возможно, самый влиятельный человек в России. На том основании, что каждый день видит Его Величество – много чаще любого из министров. Еще он умен и независим. Надеюсь, Петр Александрович не откажет в помощи. Ни ему, ни Ширинкину ведь не нужно, чтобы среди вхожих во дворец числился преступник.

– Благово умер три года назад, – осторожно заметил Валевачев. – Генерал-адъютант может и не вспомнить вас. Или не захотеть вспомнить.

– Тогда придется просить начальство. А оно, Юра, не любит, когда к нему обращаются за помощью. Меня для того и назначили заведовать Особенной частью, чтобы начальство пореже беспокоили.

На этом совещание закончилось. Алексей взял все придворные нити на себя, а Валевачеву поручил поиск Снулого. Делать это можно было, лишь взаимодействуя с сыскной полицией, и он повез своего помощника на Офицерскую.

Вощинин, увидев Лыкова, довольно осклабился:

– Приехали забирать дело о гутуевских трупах? Обеими руками отдам! Может, еще чего возьмете? Вон, вчера на Колтовских, в банях купца Власова, человека зарезали...

Надворный советник шутливой тона не поддержал и предложил позвать Шереметевского. Когда тот явился, он представил своего помощника и попросил помочь ему. Надо ориентировать осведомителей и агентов на поиск любых сведений о человеке по кличке Снулый.

Леонид сразу же огорчил Лыкова:

– Я с понедельника уже всех зарядил. Никто о таком не слышал.

– Видимо, он не из фартовых, – предположил Вощинин. – Или приезжий. Полагаю, ваш Снулый – мелкая сошка. Был бы крупный, мы бы его знали.

– Мелкий негодяй разве может убить троих? – парировал Алексей. – Нет. Номер с лакеем обличает серьезного человека.

– Серьезный должен ходить по малинам, тереться с тряпичниками, – возразил Платон Сергеевич. – Серьезный хоть раз, да отсидел. И значит, есть в нашей картотеке.

– Ваську Питенбрюха так и не сыскали? – обратился Лыков к Шереметевскому.

– Как в воду канул.

– Может, туда и канул. Тогда у нас уже четыре убийства, а не три.

Столичные сыщики промолчали. Мысль, что не им ловить такого

упыря, очевидно, их радовала. Условились, что поиски Снулого будут продолжены и новости сообщат Валеваичеву. Алексей вернулся в департамент. Там он надиктовал Сергею Фирсовичу очередной рапорт Дурново. Изложил две версии убийства: «женскую» и «карьерную» – и особо остановился на последней. Лыков перечислил фамилии всех состоящих в должности, исключил из списка провинциалов, а остальных послал в агентурную разработку.

Подписав бумагу, Алексей велел Шустову отнести ее в приемную, сам же отправился в Дом предварительного заключения. Арестанты как раз ужинали. По всему четвертому «уголовному» этажу расползлись кухонные ароматы. Каша со сметкой, определил надворный советник. Много лет назад он провел в тюрьме на Шпалерной несколько недель^[20] и хорошо помнил здешние порядки. Посудачив со смотрителем полковником Ерофеевым о рыбалке, Алексей дал Гусиной Лапе спокойно поесть. И лишь потом вызвал его в камеру следователя.

Гайменник вошел уверенной походкой бывалого арестанта. Увидев Лыкова, снял бескозырку.

– Здравствуйте, ваше высокоблагородие!

– Здорово, Вафусий Силыч. Садись.

Студнев посмотрел на сыщика с подозрением:

– Ох, неспроста по имени-отчеству зовете... Никак просьба у вас имеется?

– Ты прав. Хочу тебя насчет Снулого расспросить. Который покойников сжигает, помнишь?

Гусиная Лапа скривился:

– Я уж говорил, что ничего о таком не слыхал!

– Помню. Но ты ведь можешь поспрашивать на этаже. Вдруг кто вспомнит? Тебе скажут.

Студнев расправил плечи и заявил с вызовом:

– Я честный гайменник. Плесом бить^[21] не обучен. А вы, значитца, желаете из меня капорника сделать?

– Фартовый не должен выдавать фартового. Но тут другой оборот. Снулый – посторонний вам человек, не из деловых. Откуда взялся – никто не знает.

– А вы будто всех фартовых знаете! – съязвил Гусиная Лапа.

– Значительных – всех. Тебя вон мигом определил!

– А если он из новых? Нет, не по нутру мне. Отказываюсь!

Лыков взял стул и подсел поближе к налетчику. Оглянулся на дверь и

сказал доверительным тоном:

– Что, даже не хочешь узнать, что взамен? А вот это зря.

Студнев тоже посмотрел на дверь и шепотом спросил:

– А что?

– Вафусий Силыч, ты же умный человек. Маз^[22], и когда-нибудь станешь «иваном». Рассуди здраво. Вот будет суд, и тебя вернут на Сахалин. На тебе четыре грабежа с убийством да побег. И куда тебя определят?

Налетчик молчал, настороженно слушал. Было видно, что Сахалин пугает бывалого человека.

– Ну? Я тебе отвечу. Определят тебя в Воеводскую тюрьму. Ты там не был, а я заглядывал... Страшное место. Рецидивиста, пожалуй что, и к тачке могут приковать. И будешь ты по нужде ходить с тачкой. Охота тебе это?

– Ну... а куда ж деваться?

– Я скажу куда. Помоги мне поймать этого Снулого, а я тебе облегчение сделаю. Большое облегчение! Черкну письмо начальнику острова, чтобы тебя распределили не в Воеводскую тюрьму, а обратно в Корсаковскую. Там и режим помягче, и зима не такая холодная. Сбежать, между нами говоря, намного проще.

Гусиная Лапа задумался. Лыков торопливо добавил:

– И никто не узнает!

– А сахалинское начальство? – вскинулся налетчик. – Неужто им не интересно будет, за что мне такая честь? Вот я и пропал! Заставят доносить, а заупрямлюсь – выдадут каторге. На этого, мол, из Питера особое распоряжение пришло!

– Эх, Вафусий, – усмехнулся сыщик. – Нашел кому сказки рассказывать – Лыкову! Ведь я ж там был! Пароход с каторжными встает в Александровском посту, и всех подряд метут в карантинные бараки. На две-три недели. А потом уже делят кого куда. Одних в Рыковское, других оставляют в Александровске, а третьих пошлют в Корсаковск. Тут-то генерал и сунет тебя в нужную партию. Единый черт знает, чем руководствуется администрация при дележке.

– Ну?

– Не нукай, не запряг! После карантина в Корсаковск пришлют сразу человек двести. Ты думаешь, смотритель станет разбирать, почему среди них оказался беглый Студнев? Много о себе мнишь. Делать ему больше нечего... Разложат тебя на кобыле, отсыпят сорок плетей и сунут в кандальную. И весь разговор.

Гайменник молчал, никак не мог решиться. Лыков подождал с полминуты и поднялся. Голос его стал жестким, властным.

– Ляд с тобой, с дураком! Поймаю Снулого и без тебя. А ты подыхай в Воеводской пади!

Гусиная Лапа вскочил как на пружине:

– Ваше высокоблагородие, я согласный!!!

Сыщик стоял молча, словно раздумывая, сжалиться или уйти. Потом сказал сквозь зубы:

– Смотри... Сроку даю три дня. И учти: такое облегчение раз в жизни предлагают!

На другой день Лыков наметил встречу с князем Долгоруковым. Ему важно было знать, как принималось решение по замещению должности церемониймейстера. И самое главное, кто из отвергнутых более других претендовал на место.

Для встречи с сановником Алексей надел все награды и облачился в придворный мундир. Экспедиция церемониальных дел помещалась в боковом подъезде Эрмитажного театра. В десять утра надворный советник появился там и велел доложить о себе.

Долгоруков, пятидесятилетний мужчина неказистого вида, славился при дворе своими огромными подусниками, переходящими в бакенбарды. Это была мода прежнего царствования, которой и сейчас придерживались многие. Князь вышел к Лыкову в мундирном сюртуке. Увидев, что посетитель при параде, он снисходительно взмахнул руками:

– Полноте! Можно было и по-простому!

Они уселись за стол посреди кабинета. Долгоруков сразу спросил:

– Господин камер-юнкер, вы случайно не из рода Лыковых-Оболенских?

В голосе князя Алексею почудилась издевка. Он спокойно ответил:

– Нет, я из других.

Обер-церемониймейстер пересчитал ордена на груди у сыщика и одобрительно констатировал:

– Впервые вижу такое у чиновника седьмого класса. Как вам удалось получить шейного Владимира?

– Именным указом Его Величества.

– Хм. Но Анна с мечами? Вы же не военный!

– Тоже по личному распоряжению Его Величества.

– Однако!

– Пришлось много воевать, – пояснил сыщик. – Но позвольте перейти к делу. Мне поручено дознание по убийству Дашевского...

– Какая потеря! – перебил его Долгоруков. Видимо, он полагал, что должен больше говорить, а другие – больше слушать. – Этот молодой человек ожидал на Рождество производства в церемониймейстеры. Очень умный и порядочный, и вот...

– Об этом я и хотел спросить ваше сиятельство. На месте службы

Дашевского мне сказали, что есть письмо от министра Двора. Значит, решение, что именно он заменит умершего барона Будберга, уже было принято?

– Да. Он лучший из кандидатов. Ну, был им...

– И сейчас вам придется определяться заново?

– Увы... – князь вздохнул так, словно ему предстояло пахать землю.

– А из прочих состоящих в должности церемониймейстера – их осталось, за вычетом провинциалов, шестеро – кто был Дашевскому главным соперником?

У Долгорукова задергалась щека, большая залысина стремительно побагровела. Он вскочил в бешенстве.

– Так вот зачем ваш приход! А я голову ломаю. Перед вами, милатадарь, князь, тайный советник и Его Императорского Величества обер-церемониймейстер! А тут... какая-то полицейская ищейка...

Лыков не поверил своим ушам. С такой грубостью за время полицейской службы он встречался впервые.

– Князь, я ведь не в бирюльки пришел играть. А убийцу ищу! – стараясь сдержать себя, ответил он. – В ваших же интересах, чтобы тот был скорее схвачен и наказан.

– Меня это не касается! – отрезал Долгоруков. – Вам поручено – вот и ищите! А сюда ходить не смейте! Я запрещаю!

– Вы не в том звании находитесь, чтобы запрещать дознание по тяжкому преступлению, – попробовал урезонить зарвавшегося сановника Алексей. Однако тот уже шел к двери. На пороге Долгоруков обернулся и бросил через плечо:

– И во всей экспедиции никто не скажет вам ни слова, учтите! Ишь чего! Эта гадкая полиция уже и в дела Двора Его Величества нос сует!

Распахнул дверь и крикнул в приемную:

– Курьер! Проводить этого!

Лыков, подавляя злость, молча прошел мимо князя. Тот сказал ему в спину:

– А еще камер-юнкер!

В раздраженном состоянии надворный советник вышел на Зимнюю канавку. Злился он и на самого себя – за галунный мундир с орденами. Мундир этот – сыщик знал – ему не шел. Как фазан в перьях! Теперь надо было ехать домой переодеваться, а извозчиков вокруг не наблюдалось. Лыков плюнул на амбицию и пошел пешком – через Мошков переулок на набережную Мойки. Ему казалось, что прохожие скалятся ему вслед. Зато

городовые тянулись как перед генералом! Вдруг возле Второго Садового моста чей-то очень знакомый голос воскликнул:

– Алеша!

Сыщик повернулся. У перил стояла молодая женщина в приличном платье, в модной шляпке. И смотрела на него во все глаза.

– Анюта! Боже мой!

Это была белошвейка с Итальянской улицы, подружка Лыкова в его холостяцкую пору. Осенью восемьдесят третьего, посватавшись к Вареньке Нефедьевой и получив согласие, Алексей простился с ней. Веселая и непритязательная девушка не обиделась – она знала, что это неизбежно. Деньги у Лыкова тогда были: он получил сто тысяч за возврат в казну ворованного кабинетского золота. И молодой богач расстался красиво. Он подарил Анюте тысячу рублей «на обзаведение» и кольцо с настоящим бриллиантом. Любовники простились навсегда. Белошвейка обязалась век помнить милого дружка... И вот спустя восемь лет они встретились на краю Марсова поля!

Анюта разглядывала костюм Лыкова, словно тот был турецким султаном.

– Ты... вы...

– Какое еще «вы», Анютка! – Лыков схватил женщину за талию, поднял, поцеловал в губы и вернул на землю. – Это же я, Алексей! Здравствуй! Так рад тебя видеть!

– Я тоже, – покраснев то ли от поцелуя, то ли от неожиданности, ответила белошвейка. – Какой ты, однако, стал! Мундир с галунами... Ты случаем не в превосходительства вышел?

– Нет, что ты. Я всего-навсего надворный, а мундир камер-юнкера. Ходил тут... к одному индюку. А что ты? Замужем? Есть детки?

– Да, я теперь госпожа Букина. Сыну Васеньке пять годков, дочке Оленьке полтора.

– И кто сей счастливец?

– У Игнатия Селиверстовича мастерская.

– Торговый человек? Чем занимается?

– Сейчас скажу, – рассмеялась Анюта. – Я чуть не год учила. Длинное-предлинное название. Сейчас... Мастерская по производству гильзо-мундштучных и табачно-набивочных машин, вот!

– Серьезное дело, – одобрил Алексей. – Ты что, обаяла старика своим веселым нравом? Раз он взял тебя, бесприданницу, в жены.

Женщина повертела у него перед носом рукой со знакомым перстнем.

– Помнишь? Твой подарок. Он помог, да еще твоя же тысяча. Я ведь ее

берегла. Игнаша мой вовсе не старик, и мастерскую мы в складчину затеяли. Перстень целый год в закладе лежал. И выкупили мы его назад! Так что спасибо, Алешенька, за твои презенты, они нам помогли на ноги встать. Дело тихонько, но идет; кормит наше семейство, и слава богу! А ты как? Тоже детки имеются?

– Трое! Два близнеца-сорванца и дочка-принцесса! Жена попалась богатая, можно было бы и не служить, да только я без службы не умею.

– Все ловишь страшных людей? Ох, Лешенька... Как же супруга твоя не боится? Я бы не смогла. Поперек порога легла бы, а упростила тебя поменять.

– И она боится, – просто ответил Лыков. – Ну да Бог милостив. Я теперь все больше бумажками занимаюсь, уж забыл, когда револьвер в карман совал.

Анюта хихикнула:

– Помню я твой... револьвер. Зашел бы в гости, а? По старой памяти. Игнаша в Германию уехал, патентованный станок покупать. Я детишек к соседке сплавлю. Чай столько лет не видались, есть что перебрать.

Лыков будто заново посмотрел на нее. Молодая, не утратившая девичьей стати и сделавшаяся даже женственной... Анюта стояла такая знакомая, такая своя-родная, и так хотелось ее обнять... И он не выдержал.

– Говори адрес.

– Архиерейская улица, пятый дом, по первой лестнице четвертая квартира. Когда тебя ждать?

– Завтра к семи.

Лыков на глазах у всех бесстыдно поцеловал Анюту, сел на извозчика и уехал. Едва успел до Моховой успокоиться и потушить блеск в глазах...

Дома ему снова пришлось думать над своим костюмом. После неудачи с Долгоруковым помочь сыщику мог только Черевин. Алексей знал, что государь в городе, в Аничковом дворце. Значит, там же и начальник его охраны. Но как явиться к одному из самых влиятельных людей в государстве? Сменить придворный мундир на парадный? И париться в нем, звеня медалями? А шпагой отгонять мух... Еще свербела неприятная мысль: а примет ли его генерал-адъютант? Вспомнит ли тот разговор четырехлетней давности, когда Благово привел к нему знакомиться своего ученика? Черевин умен, значит, примет. Зачем ему потатчик убийц при Дворе?

Вскоре надворный советник подходил к Фонтанке. Рослая фигура городского Кундрюцкова была видна издалека. Федор стоял на своем посту напротив Аничкова дворца, осанистый и важный. Заметив Лыкова, он

улыбнулся и лихо отковырял.

– Здорово, детинушка!

– Здравия желаю, Алексей Николаич! Когда в гости зайдете?

– В конце июня, когда спроважу своих в Варнавин. Скажи, как мне лучше попасть к начальнику государственной охраны Черевину? Знаешь такого?

– Сей момент!

Кундрюцков свистнул и поманил кого-то пальцем. Из ворот дворца выбежал подчасок и стал во фрунт.

– Это господин Лыков, – строго сказал ему Федор. – Проводи его к Петру Алексеевичу.

Так неожиданно просто Лыков решил первую задачку – попал на прием. Осталось надеяться, что генерал вспомнит полицейского чиновника. Черевина связывала с Благово какая-то общая тайна, Павел Афанасьевич не говорил какая. Вдруг человек встал сегодня не с той ноги?

Но все получилось как нельзя лучше. Начальник охраны сразу вспомнил Алексея и был приветлив. Сыщик рассказал ему о дознании и о том, как прошла встреча с князем Долгоруковым. Тут он попал в точку. Черевин славился не только острым умом, но и независимостью, он никогда никому не угождал. И князь Долгоруков, богатейший землевладелец и близкий государю человек, был для него просто Сашкой. Петр Алексеевич мгновенно понял положение Лыкова и сказал:

– Вот идиот! Ну он у меня попляшет! Через полчаса я встречаюсь с Его Величеством и сообщу ему вашу историю. Князек получит фитиль... в одно место. И враз отучится хамить полиции. А вам будет предоставлена вся помощь, какая потребуется. Мне совсем не нужны темные личности с придворными званиями, вы правы. Полковник Ширинкин явится после обеда, я скажу ему, чтобы он с вами встретился и оказал содействие.

– Благодарю, ваше превосходительство.

Черевин отмахнулся:

– Для вас Петр Алексеевич! Вы ученик самого Благово. Это меня полностью обязывает. Павел Афанасьевич ведь мне жизнь спас! Он не рассказывал?

– Нет, он всегда уклонялся, когда я спрашивал.

– О, это было за год до турецкой войны. Я...

Тут открылась дверь, и снаружи просунулся какой-то служитель в ливрее.

– Ваше превосходительство, зовут!

Черевин оборвал разговор на полуслове и пошел к государю. Лыков

остался его ждать. В тот раз Благово привозил ученика в Гатчину. Там начальник охраны занимал большую квартиру из четырех комнат. С утра до вечера в ней толкались министры, придворные, генералы. У Черевина проворачивались многие щекотливые дела, в том числе и весьма интимного свойства. Поговаривали, например, что именно начальник охраны подсунул цесаревичу балерину Лабунскую. Юная красавица получала за свои услуги восемнадцать тысяч рублей в год! И приезжала по вызову. А в свободное время за ней приглядывали, чтобы не путалась с кем попало... Теперь Лабунскую сменила какая-то Кшесинская-вторая. Вторая после Лабунской, что ли? Черевин договорился с великим князем Алексеем Александровичем, и новой пассии сняли квартиру возле его дворца. Отец-император полагал, что сын едет в гости к дяде, а тот на самом деле посещал любовницу. Петр Алексеевич был человек ловкий, умевший решать дела. И не только чужие. Алексей знал, что в его родном департаменте на Черевина было совершено покушение. Это было в ноябре 1881 года, когда генерал занимал должность товарища министра внутренних дел. Незнакомый пришел на Фонтанку, 16, с письмом и потребовал, чтобы его оставили наедине с Черевинным. Его и оставили... Он успел выстрелить в сановника лишь один раз. Пуля пробила жилет возле сердца, чиркнула по боку и ушла в стену. Смелый генерал обезоружил покушавшегося. Государь, очень довольный своим любимцем, пообещал его наградить за храбрость. И Петр Алексеевич попросил о том, чего давно желал: узаконить своего внебрачного сына. Пойманный на слове царь вынужден был согласиться...

В маленьком Аничковом дворце генерал ютился в кабинетике на втором этаже, окнами в сад. Алексей сел на подоконник и стал продумывать дальнейшие ходы. Долгоруков, надо полагать, получит оплеуху. И будет вынужден ответить на его вопросы. Но насколько правдиво? А ведь главное знает только князь. Как выбирался новый церемониймейстер? Кто был основным соперником Дашевского? Не случилось ли там торга? Насколько сильно были задеты отвергнутые кандидаты? Оскорбленный выговором, Долгоруков может ничего этого не сообщить. Да так, что и не придерешься. Скажет: не знаю! Или сошлется на формальную причину, утаив все важные детали. И уйдешь ни с чем... Тут помощь от Ширинкина окажется весьма кстати.

Генерал вернулся через четверть часа. Сбросил алую черкеску с «георгием», кряхтя, нагнулся под стол и вытащил оттуда бутылку коньяка. Следом появились две серебряные стопки.

– Ну, с Его Величеством поздоровался, теперь можно и...

Лыков молча разлил коньяк. Собеседники выпили, и Черевин сообщил:

– Сашка вас ждет. Езжайте прямо к нему.

– А... что я могу передать князю?

– Уже передали. Надворный советник Лыков сообщит ему августейшее неудовольствие. И приказ государя ответить на все ваши вопросы.

– Ух ты! Благодарю, ва... Петр Алексеевич. Только я опасаясь, что этот индюк утаит с обиды самое важное. Вы давеча говорили о содействии Ширинкина. Как я могу его получить?

– Приходите сюда нынче же, к восьми часам пополудни. Евгений Никифорович вернется из Гатчины. Это человек на своем месте. Я ему скажу – он все сделает.

– Весьма признателен!

На правах царского гонца Алексей получил карету с двуглавым орлом. Так он еще не ездил! Красота: все уступают дорогу... Через двадцать минут сыщик снова входил в Эрмитажный театр.

Долгоруков удивил его. Не моргнув глазом, князь выслушал августейший выговор – и отказался отвечать на вопросы! Выспренным тенорком он заявил:

– Ни я, ни мои подчиненные не позволим полицейским ищейкам вынюхивать и высматривать в священном месте – при Дворе российского императора! Наш государь по своей неизбывной доброте уступил навету. И наказует меня, своего верного слугу. Я вынесу это как награду, поскольку перед Его Величеством я чист! А вы... вы можете жаловаться на меня снова.

Лыков был обескуражен. Второй раз он теряет время с этим идиотом! Отчаянное упрямство сановника даже вызывало уважение. И не боится человек царского гнева... Принципы, хоть и дурацкие, были для него важнее служебных рисков! Впрочем, видать, риски не так страшны: князь понимает меру дозволенного. В любом случае помощи в экспедиции ему не окажут.

Между тем Долгоруков не унимался. Он с укоризной стал поучать сыщика:

– Как вы могли?! Как вы могли с этой мирской грязью явиться сюда? Ведь Двор – это как храм! Здесь и люди, и обычаи – все проникнуто монаршим присутствием. Выше которого только Божественное... Какое еще дознание может быть в этом особом мире? Кого вы осмеливаетесь подозревать? Придворных? Да это же лучшие из людей России!

На этом месте Лыков не сдержался и ответил разошедшемуся

царедворцу:

– Лучшие из людей? Здесь? Полноте. Вы случайно не Мартынова имеете в виду?

Князь осекся как от пощечины, помолчал и в бешенстве выбежал вон из собственного кабинета.

Бывший шталмейстер Мартынов начинал свою службу в казаках. Он вступил в связь с женой начальника, донского атамана генерала Черткова. Всесильный тогда Петр Шувалов («Петр Четвертый»), женатый на сестре атамана, решил удалить неразборчивого в средствах карьериста. По его просьбе как знак милости войску государь назначил Мартынова адъютантом самого цесаревича. Вопреки желанию последнего. И казак пошел в гору. Когда наследник стал государем, Мартынов сделался сначала флигель-адъютантом, потом генералом и шталмейстером Двора. Хам и казнокрад, человек на редкость нечистоплотный, всеми презираемый, он, несмотря на это, поднимался все выше. Перейдя в статскую службу в чине тайного советника, бывший казак возглавил придворно-конюшенную часть. И продолжил обирать казну. Якобы крутой на расправу император не решился выгнать Мартынова. И чтобы избавиться от него, перевел вора... в Сенат. Сенаторы были возмущены и поговаривали о Калигуле и его коне – а Мартынов смеялся.

Лыков вышел на улицу раздосадованный. Чертова Особенная часть! Чертовы великосветские дела! Насколько проще ловить старых добрых налетчиков вроде Гусиной Лапы. Придворная каста не пускает его, Лыкова, внутрь. И не пустит никогда. Нужна голубая кровь, а еще гуттаперчевая спина. Тьфу!

Оставалась надежда на собственную секретную агентуру да на содействие Дворцовой полиции. Против состоящих в должности пока нет ничего, кроме неясных подозрений Лыкова. Но если они не подтвердятся? К Черевину с Ширинкиным тогда на козе не подъедешь. А их помощь может еще не раз понадобиться. Но мотивы у Лыкова честные, стыдиться их нечего, а ошибаются все. Пусть судят – за сыщиком останется его правота.

Вечером Алексей узнал, что государь уезжает в Петергоф. Царская семья обыкновенно перебиралась туда в конце мая и жила до августа, до отбытия в Ливадию. Его Величество закончил свои дела в столице и возвращался к семейству. Значит, следом за ним укатит и его охрана! Так оно и вышло. Полковник Ширинкин стоял на дворе и нервно постукивал себя саблей по голенищу. Увидев сыщика, он козырнул:

– Рад встрече, Алексей Николаевич! Но у вас только пять минут...

Алексей познакомился с полковником в декабре восемьдесят девятого года. Это был тяжелый для него месяц. Сыщик вернулся с Сахалина и временно находился не у дел. Кабинетные крысы из МИДа подали государю истеричный рапорт. В нем говорилось, что надворный советник Лыков перебил мирных японских рыбаков, чем поставил русско-японские отношения на грань разрыва. Министр внутренних дел оправдывал действия своего подчиненного, но как-то вполсилы. Рыбаки-де укрывали беглых каторжников, вот и вышло недоразумение... А так Лыков до сих пор ни в чем предосудительном не замечен. Пусть государь сам решит, казнить его или миловать.

Алексей, задетый таким поведением начальства, молча ждал. Он приходил утром на службу, сидел в кабинете до обеда и возвращался домой. Никаких дел ему не поручали. «Маленький» Дурново ободрял сыщика, ходил на прием к «большому», но министр проявлял нерешительность. Самое удивительное, что японцы, понимая свою вину, помалкивали. Дипломаты просто раздували из мухи слона, напоминая государю о собственной незаменимости. Наконец вмешался военный министр Ванновский. Он получил запоздавшим пароходом подробный рапорт от Таубе. Весь сахалинский инцидент был описан там в деталях. И отмечена выдающаяся роль в нем надворного советника Лыкова. Ванновский показал рапорт Его Величеству, тот вызвал Дурново-министра и велел срочно подать представление Лыкова к награде. Сыщика вписали между строк в Рождественский список. Подали на скромную Анну третьей степени, притом что у Лыкова уже была вторая. А вышел Владимир!

Иван Николаевич Дурново, вернувшись от государя, вызвал к себе Петра Николаевича и Алексея. И рассказал им в лицах, как все прошло. Он подал список, Его Величество взял карандаш и стал его просматривать. Дойдя до фамилии «Лыков», он спросил:

– А не он ли тогда в Варшаве раскрыл целый заговор? В восемьдесят седьмом году.

– Не могу знать, – ответил министр. – Я в то время служил по ведомству императрицы Марии.

Государь прервал доклад, долго рылся в столе и вытащил старый рапорт Варшавского генерал-губернатора Гурко.

– Вот! Иосиф Владимирович ходатайствует о награждении коллежского асессора Лыкова за отличную распорядительность и бесстрашие. Я говорил тогда Толстому^[23], чтобы внес. Но он уже сильно болел и многие дела забывал. Так и протянули.

На этих словах государь встал и начал ходить по комнате. Потом

повернулся к ничего не понимающему Дурново и сказал взволнованно:

– А ведь я и сам должник Лыкова! Тому уж много лет. В феврале восемьдесят первого в Нижнем Новгороде он спас моего августейшего родителя от покушения террористов. Кажется, был при этом ранен... Да, точно, был ранен, и барон Таубе тоже! Так вот. Барону дали ренту и деньги на лечение, а Лыков не получил ничего. Отца ведь убили через две недели. И стало не до Лыкова. Будто и подвига никакого с его стороны не было. Но подвиг-то был!

Дурново с готовностью предложил государю:

– Не поздно и сейчас отметить!

Тот взял карандаш, молча зачеркнул напротив фамилии Алексея прежнее представление и написал сверху: «Владимира третьей степени по совокупности заслуг».

Министр опешил. Сам он получил эту высокую награду, лишь отслужив четыре года в чине действительного статского советника. А тут надворный! Такого же никогда прежде не было! Император заметил это и приписал сбоку: «Оформить именным указом срок 24 часа». И Дурново не посмел спорить...

Когда в Петербурге узнали об этом необычном случае, произошел фурор. Дипломаты сразу заткнулись. Гирс^[24] долго лебезил перед Иваном Николаевичем и пригласил чету Лыковых к себе на новогодний бал. А Петр Николаевич Дурново дал сыщику в поощрение отпуск «для поправления здоровья». Алексей съездил в Нижний, навестил матушку с сестрой и племянницами. Оставшиеся дни сочинял дома проект реорганизации сыскной полиции, развивая в нем мысли Благово. Еще он пошел в Лавру и принес цветы на могилу Павла Афанасьевича. Тот ведь тоже пролил кровь за государя! Но так и не объяснил ученику, кто приложил ему тогда по голове... Лыков посидел у могилы, рассказал учителю новости. Он всегда так делал с тех пор, как осиротел. А потом жизнь продолжилась.

Но это было уже в Крещение. А перед Рождеством карьера Алексея висела на волоске. Он маялся от безделья и старался не падать духом. Ну, выгонят... Поедет в Варнавин мешать Титусу работать. С голоду не помрут... Вдруг однажды его вызвали к директору. Дурново представил сыщика молодому высокому полковнику с интеллигентной бородкой и умными проницательными глазами. Это оказался начальник Дворцовой полиции Ширинкин. Он был несколько смущен возложенным на него поручением и просил о помощи.

Население Петербурга всегда имело склонность к глупому мистицизму. Причем не только обыватели, но и истеричные недоумки из

высшего света верили во всякую чушь. Любая мелочь волновала нестойкие умы. То вдруг сами собой звонили колокола соборов – значит, грядет несчастье. То в небе видели странный красный луч. Теперь столицу захватила новая дурацкая идея. Якобы по вечерам на Александровской колонне появляется загадочная буква N. И это непременно означает, что в будущем году нынешний государь умрет и начнется царствование его сына Николая! Видимо, сановные идиоты надоели Черевину, и он послал Ширинкина разобраться с буквой. Причем для солидности вместе с представителем от Департамента полиции. Дурново, разумеется, не стал отказывать всесильному начальнику царской охраны. И выделил для «обследования» Лыкова – все равно тот сейчас ничем не занят.

Так Алексей угодил в эту нелепую историю. Два умных человека поехали на Дворцовую площадь и исходили ее вдоль и поперек. Было холодно, и мешало ощущение, что они занимаются дурью. Действительно, при известной игре воображения на граните колонны можно было увидеть странный блик. А если еще много выпить, то этот блик начинал напоминать латинскую букву «N». Мнения участников обследования разделились. Ширинкин считал, что закорючку образует отсвет фонаря возле арки Главного штаба. На стекле фонаря имеется царапина, она-то и дает такой эффект. Лыков объяснил все дефектом полировки гранита в указанном месте. В любом случае, овчинка не стоила выделки. Полковник и надворный советник замерзли и зашли погреться в «Доминик». Они просидели там долго. Начальник Дворцовой полиции откуда-то знал, что Лыков богат. Сказал, что и сам весьма небеден, и даже не знает размер своего жалованья. Служит не за деньги, состояние позволяет... Ширинкин оказался человеком независимым, резким в суждениях, но умным и корректным. Расстались они тогда по-приятельски.

И вот спустя два с половиной года служба опять свела их вместе.

– Евгений Никифорович, – начал Алексей. – Я дознаю убийство некоего Дашевского, коллежского асессора, состоящего в звании церемониймейстера. Одна из версий – соперничество между состоящими за освободившееся место в штате князя Долгорукова. Мне нужно проверить имеющих это звание.

Ширинкин слушал, не перебивая.

– Я вычел, – продолжил Лыков – тех из них, кто служит в провинции. Навряд ли они рвутся в штат с должности вице-губернатора или предводителя дворянства. Остается шесть человек, чьи интересы сосредоточены в столице. Если моя догадка верна, кто-то из них и нанял убийцу. С целью занять место. Значит, это оголтелый. Знаете, есть такие...

- Понимаю, – коротко кивнул полковник.
- Мне нужно знать, кто из шестерых более других стремился в штат. Из кого выбирал князь. Скорее всего, их двое-трое, а остальные довольствуются нынешним званием.
- А что Долгоруков?
- Отказался отвечать на мои вопросы. Даже после августейшего выговора!
- Вот как? – удивился Ширинкин. – Наш князь прямо бунтовщик! А еще называет себя монархистом.
- Евгений Никифорович, вы же торопитесь. Вот список всех шестерых состоящих. Прошу, если возможно, дать о них справки.
- Будет сделано то, что в наших силах, – ответил начальник Дворцовой полиции и внимательно просмотрел бумагу. – Хм! Мы можем собрать сведения только о двух. Тех, кто служит по министерству Двора: князе Мещерском и графе Татищеве. Прочие отстоят далеко.
- Уже большая помощь! Четверых легче шерстить, чем шестерых.
- Тогда приезжайте ко мне в Петергоф послезавтра к вечеру. Я уже смогу вам что-то сказать.
- Спасибо!
- И еще совет, Алексей Николаевич. Поговорите со вторым обер-церемониймейстером светлейшим князем Салтыковым. Он в контрах с Долгоруковым. Может в пику что-то и рассказать.
- Благодарю за идею, Евгений Никифорович. До послезавтра!
- Честь имею!
- Полковник сел в давно поджидавший его экипаж и уехал. А Лыков задумался. Идти в третий раз за день в Экспедицию церемониальных дел ему не хотелось. Как же тогда побеседовать с Салтыковым? Лучше бы встретиться с ним не на службе – иначе доброжелатели тут же донесут Долгорукову. И сыщик снова поехал домой.
- Ты насовсем? – обрадовалась Варвара Александровна.
- Нет. У меня есть к тебе поручение.
- Ух ты! Я буду сыщица?
- Почти. Скажи, ты знаешь князя Николая Ивановича Салтыкова?
- Это бывший Гдовский предводитель дворянства?
- Понятия не имею.
- Ну, он еще женат на Анне Сергеевне, урожденной княжне Долгоруковой...
- Лыков рассердился.
- Черт его знает, на ком он там женат! Сейчас этот хлюст исполняет

обязанности второго обер-церемониймейстера Высочайшего Двора.

– Он и есть! И не сердись, пожалуйста, а четче задавай вопрос. Что тебе нужно от князя?

– Мне требуется с ним повидаться, но не на службе, а в другом месте.

– Нет ничего проще, – рассмеялась Варенька. – Тут и сыщицей быть не надо. Я напишу Анне Сергеевне записку. Ты же ее видел! Помнишь, на Фоминой неделе у Апраксиных? Очень приятная дама. А ты дополнишь мои каракули. Вечером курьер принесет от Николая Ивановича ответ.

Алексей подивился: как все просто бывает иногда в высшем свете! Княгиню Салтыкову он совершенно не помнил, хотя имел феноменальную память. Варенька пояснила, что они вместе с ней входят в дамский попечительский комитет. Комитет ведает помощью заболевшим на службе нижним чинам гвардии и войск Петербургского военного округа. Поэтому Анна Сергеевна откликнется на просьбу Лыковых немедленно.

Так и поступили. Варвара Александровна написала княгине, что ее муж просит о приватной встрече с Николаем Ивановичем. Алексей добавил внизу: «Приватность необходима, чтобы не узнал Долгоруков-второй». Это подействовало должным образом. Уже через два часа пришел ответ: князь Салтыков ожидает сыщика в отдельном кабинете ресторана «Мальта». Лыков поспешил на Гороховую. В общей зале его встретил метрдотель с таинственным лицом. Он сказал шепотом: «Я все понимаю», многозначительно закатил глаза, потом воровато осмотрелся по сторонам и добавил еле слышно: «Следуйте за мной». Надворного советника повели в какой-то дальний закуток. Там за столом с чайной парой дожидался Салтыков.

– Благодарю, ваша светлость, что так быстро откликнулись на мою просьбу.

Светлейший князь оказался красивым мужчиной лет пятидесяти, холеным, с белой девичьей кожей и при золотом пенсне. Он протянул сыщику тонкую женственную руку.

– Рад познакомиться, Алексей Николаевич! Что у вас за секретный разговор? Люблю, знаете ли, тайны!

– Тут, собственно, тайна лишь от вашего коллеги князя Долгорукова.

На лице собеседника мелькнула гримаса и сразу же пропала.

– А...

– Я сейчас все расскажу. В воскресенье найден убитым в своей квартире некто Дашевский. Он состоял в звании церемониймейстера. Помните такого?

– Из канцелярии по учреждениям императрицы Марии? Видел раз или

два. Любимец Долгорукова и, кажется, мошенник, как все его любимцы. Говорят, что его зарезали. Ограбление?

– Возможно. Мы ведем дознание. Я встречался с Долгоруковым, и тот отказал в содействии. Наотрез.

– Это на него похоже, – поддакнул Салтыков.

– Мне пришлось обратиться к Черевину, тот пересказал эту историю государю, и Его Величество повелел князю немедленно ответить на все мои вопросы.

– Так-так-так! И?

– И обер-церемониймейстер, несмотря на августейший приказ, снова не захотел говорить.

– Вот даже как! – светлейший вскочил и стал потирать руки. – Очень интересно! Очень-очень! Благодарю, Алексей Николаевич! Я подумаю, как дать этому ход. Отказать, несмотря на повеление государя... Ну каналья! Ну он у меня попляшет!

– Николай Иванович, – Лыков с трудом усадил собеседника в кресло. – Мне в этих интригах разбираться некогда, надо убийцу ловить. Теперь лишь вы можете мне помочь.

– Охотно, но чем?

– Вы ведь тоже обер-церемониймейстер.

– Увы и ах! Я лишь и. о. Это, знаете ли, совсем другой коленкор. Князь не подпускает меня к важным вопросам. Все решает единолично, и в результате происходят те безобразия, которые так вредят экспедиции.

– Какие безобразия? – заинтересовался Лыков.

– Ну как же! Вы камер-юнкер, бываете на балах и больших выходах. И сами все видите.

– Что именно?

– То, что творят там церемониймейстеры, что же еще? Они стучат жезлами не в унисон. А надо в унисон!

На щеках князя показались некрасивые красные пятна, а на кончике носа повисла капля пота.

– Но в чем разница? – спросил Алексей после короткой паузы.

Салтыков схватился за голову и чуть не застонал.

– Это не-пра-виль-но! Люди не слышат разнородного стука, и от этого случаются недоразумения. Если бы церемониймейстеры стучали жезлами по паркету одновременно, выходило бы и строго, и звучно. Все бы слышали и вовремя расступались. Разве какой упрямец. А так? Я неоднократно указывал Долгорукову, но он тупица и не может понять простых вещей.

Тут Лыков осознал, что ничего полезного от собеседника не услышит. Он пытался расспросить о том, как происходило соискание освободившейся должности. Но Салтыков в этом не участвовал и ничем не помог сыщику. Зато он сорок минут рассказывал о высокомерии и упрямстве Долгорукова. А в конце вдруг заявил, что понимает его: полиции в дела Двора соваться нечего!

День завершился очередным поражением. Лыков уже понял, во что он вляпался. Даже государь оказался бессилен! Это звучало дико и неправдоподобно, но факт есть факт. Как искать убийцу, когда все посылают тебя в дальний край? Сыщик злился. Однако его служба никогда не была легкой. И он намеревался довести дело до конца.

Дворцовый мир состоит из нескольких, можно сказать, отрядов. Самый влиятельный – это придворные. Его составляют те, кто служит по министерству Двора и уделов. Среди них главную роль играют так называемые первые и вторые чины Двора. Первые приравнены ко второму классу Табели о рангах (действительные тайные советники). Это обер-гофмаршал, обер-гофмейстеры (их обычно несколько), обер-егермейстеры (бывает до полудюжины), обер-шенк и обер-шталмейстер. Вторые чины приравнены к третьему классу (тайный советник) и включают одного-двух обер-церемониймейстеров, гофмаршала, а также шталмейстеров и егермейстеров (счет в обоих званиях идет на десятки). В самом низу стоят рядовые церемониймейстеры. Эти вообще в пятом классе (статские советники), и их тоже многовато. Тем не менее должность у них завидная. Лыков, выслужив он первый генеральский чин, автоматически лишится камер-юнкерского звания. И его придворная карьера на этом закончится, если не дадут камергера. А покойный Дашевский, стань он церемониймейстером, продолжил бы свой служебный рост. И даже сделавшись действительным статским советником, сохранил бы придворное звание. Более того, через десять лет (а за отличие даже через семь) был бы произведен в тайные советники и смог бы претендовать на должность второго чина Двора. У рядовых же генералов срока выслуги в следующий чин не существует, все решает государь. Поэтому состоящие в должности так цепляются за эту лычку, ведь при удаче она может вывести на самый верх.

Министерство Двора и уделов – штаб придворного мира. Неслучайно Воронцов-Дашков на «ты» с государем. Правда, министр давно охладил к службе (а начинал, как водится, с реформ!) и шесть месяцев в году живет в своем тамбовском имении Новотомниково. Там отличный конезавод,

который и занимает все время графа. В его отсутствие министерством руководят в полном согласии два человека. Главный – Николай Степанович Петров, заведующий Кабинетом Его Величества. Сибиряк, самоучка и великий труженик. Ему помогает правитель канцелярии Кривенко, кавказец, выслужившийся из простых офицеров. Хозяйство у них большое и хлопотное.

Департаментом уделов (его вот-вот переименуют в Главное управление) командует князь Вяземский. Красивый, богатый, остроумный, но очень заносчивый человек. Хорошо, что у него есть помощник, генерал Гудима-Левкович, который и решает вопросы. А вопросов хватает. Департамент управляет собственностью правящей фамилии. Государевы владения в Московской и Владимирской губерниях плюс Мургабское в Закаспийской области; государевы вотчины Царскосельская и Петергофская; имения Дагомыс, Таицкое, Гатчинское, Ливадия, Ропшинское, Гдовское, Дудергофское. Еще дворцы: Красносельский, Царскославянский, Екатеринтальский (в Ревеле), Тверской, Ропшинский, Киевский, Ливадийский. Плюс Петергофская гранильная фабрика.

Департамент активно занимается скупкой земель с целью «округлить» границы царских вотчин. Говорят, при этом есть и злоупотребления...

Следующая важная часть министерства – Кабинет Его Величества. Там тоже имеют дело с землей, но больше – с ее недрами. Алтайский округ себя не окупает. В нем постоянно экспериментируют со способами добычи серебра, и всякий раз неудачно. Большие залежи каменного угля и вовсе не используют. Зато Нерчинский исправно добывает золото, свинец и платину – за счет каторжного труда. Еще кабинету поднадзорны Фарфоровый и Стекольный императорские заводы, Екатеринбургская гранильная и Колыванская шлифовальная фабрики. Также кабинет оберегает коронные драгоценности. А это вещи гигантской стоимости! Здесь же содержится родословная книга императорского дома и хранятся завещания членов фамилии. Наконец, кабинет ведет учет наградных подарков императора – перстней, портсигаров и прочего.

Далее идет Главное Дворцовое управление. Раньше оно было самым влиятельным в министерстве, но сейчас свелось лишь к руководству гофмаршальской частью. Сюда входят довольствие Двора, ведение дворцового хозяйства, содержание обеденных столов. Последние делятся на три класса: от собственно императорского до «общей столовой». Когда обязанности гофмаршала исполнял Оболенский-Нелединский-Мелецкий, часть была в фаворе. Князь состоял при Александре Александровиче личным адъютантом неотлучно четверть века. Государь его очень любил и

баловал. Полгода назад Оболенский вдруг скоропостижно скончался на сорок пятом году жизни, в зените карьеры. С тех пор в гофмаршальской части нет хозяина и, по слухам, расцвело открытое воровство.

Еще в ГДУ отвечают за содержание некоторых дворцов и зданий. Аничков дворец, как личная собственность государя, содержится отдельно. Придворная капелла и императорские театры тоже не подотчетны управлению. Зато оно командует пригородными управлениями (Царскосельским, Петергофским и Гатчинским), а также Московским и Варшавским. Недавно к ним добавилось княжество Ловичское, в котором живут последние оставшиеся в Европе восемьсот зубров. Кого звать туда на истинно царскую охоту, решает лично государь.

Следующей по значимости надо назвать Экспедицию церемониальных дел. У нее всего три задачи: сношение с дипломатическим корпусом, составление церемониалов для празднеств и торжеств и выполнение этих церемониалов. Зато люди из экспедиции всегда на виду, всегда возле царя. Их немного, в отличие от тех же шталмейстеров, и они быстро делают придворную карьеру. В пару к князю Долгорукову имеется еще светлейший князь Салтыков, но он лишь исполняет обязанности второго обер-церемониймейстера. Это ставит его светлость в подчиненное положение к его сиятельству, что очень Салтыкова унижает.

Придворно-конюшенная часть — одна из самых многочисленных. Управляет ею барон Фредерикс, человек на подъеме и с большими перспективами. Часть занимается своим хлопотным делом. Тут ремонт, выездка и содержание верховых и упряжных лошадей, заведывание конюшнями, заготовка конского снаряжения и содержание экипажей. Два предыдущих управляющих проворовались, но Фредерикс — человек богатый и, кажется, наводит в ведомстве порядок.

Императорская охота тоже весьма многочисленна. Под Гатчиной расположилась целая Егерская слобода. Государь любит охоту, поэтому звание егермейстера ценится очень высоко.

Прочие составные части министерства Двора — второстепенные. Управление СЕИВ библиотеками и арсеналами, Императорский Эрмитаж, Дирекция Императорских театров (их три в столице и два в Москве), Придворный музыкальный хор, Контора августейших детей Его Величества, Собственная канцелярия, Академия художеств... Даже Канцелярия по учреждениям императрицы Марии с ее стомиллионным капиталом и сотнями благотворительных и учебных заведений, с доходными домами и карточной фабрикой находится на задворках. Народу там сидит тьма, но царя они видят издали и по большим праздникам.

Это придворные чины. Далее идут придворные кавалеры. Их два вида: камер-юнкеры и камергеры. Численность кавалеров нигде не регламентирована, поэтому их расплодилось множество: счет тем и другим подбирается к четвертой сотне. Звание присваивается карьерным чиновникам в качестве поощрения. Оно дает лишь три преимущества: право участвовать в дворцовых церемониях, право на личную аудиенцию у императора и право ношения придворного мундира. Лыкову, например, ничего из этого даром не надо, но есть люди, готовые за такие коврижки удавиться. Особенно ценится право аудиенции. Даже генералы, не имеющие придворных званий, при желании встретиться с государем должны обратиться в Экспедицию церемониальных дел. И князь Долгоруков будет решать, давать ли просьбе ход. А жалкий коллежский секретарь, но состоящий в должности, просто идет и записывается на ближайший прием.

У камергеров и камер-юнкеров один большой минус: звание это отбрасывается. Либо при достижении положенных чинов, либо при выходе в отставку. Поэтому кавалеры, желающие сохранить свои права, стараются урвать шталмейстера или гофмейстера. Ну на худой конец состоящего в должности...

Третий мощный придворный клан – военные. Наиболее многочисленные, конечно, флигель-адъютанты. Затем – генерал-майоры свиты, а на самом верху находятся генерал-адъютанты. Предыдущий государь раздул свою свиту почти до тысячи человек и девальвировал вензеля на погонах. Нынешний жалует с большим разбором – всего сорок назначений за десять лет! Свита за эти годы уменьшилась вчетверо, и состоять в ней теперь очень почетно.

Военно-придворные звания относятся к Императорской главной квартире, особняком входящей в министерство Двора. Кроме свиты, ей подчиняются военно-походная канцелярия, собственный конвой, рота дворцовых гренадер и лейб-медики. Люди в эпохатах представляли самую живописную часть придворного мира. Но Александр Третий вдруг взял и произвел реформу обмундирования. Вся армия оделась в шаровары и кафтаны на крючках. Флер свиты сразу потускнел.

Наконец, оставшиеся части Двора – это придворные дамы и духовенство. Первые включают статс-дам, камер-фрейлин, гофмейстерин и обычных фрейлин. К ним примыкают кавалерственные дамы – жены и дочери придворных кавалеров. Духовенством заведует протопресвитер придворных соборов. Храмов всего два: собор Спаса Нерукотворного в Зимнем дворце и Московский Благовещенский. Все их священнослужители

относятся к Императорскому Двору. Влияние дам в свете велико, священников – много меньше. Лыков никогда не общался ни с теми ни с другими. Варенька состояла в свойстве с гофмейстериной графиней Барановой и иногда приносила от нее разные сплетни.

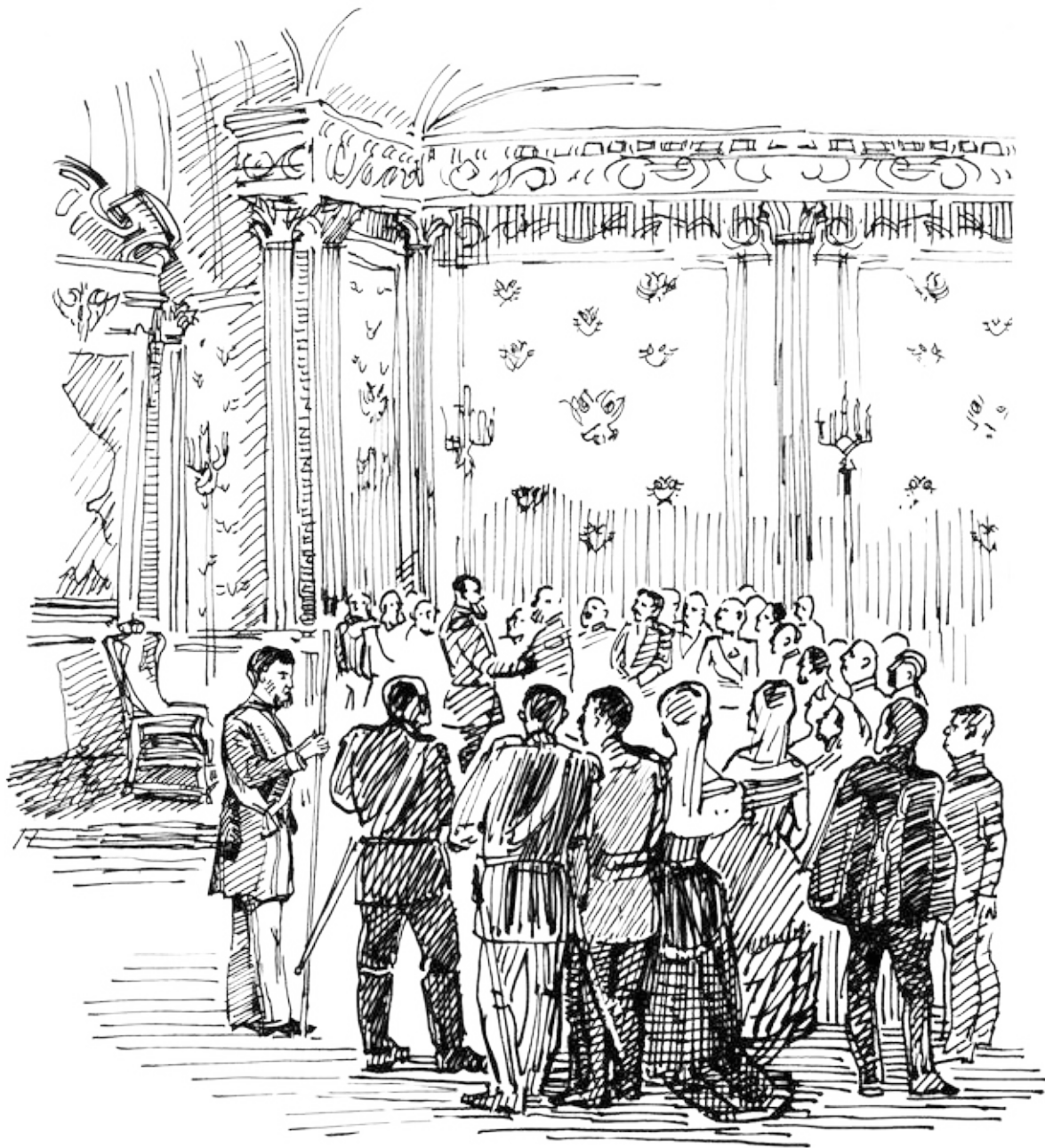
Общее число лиц, входящих в придворный мир, таким образом, незначительно. Сто семьдесят придворных чинов, почти восемьсот придворных кавалеров, сто состоящих в должности, сто десять свитских. С добавлением баб и попов – тысяча двести человек. На всю Россию.

Закрытую и пышную жизнь императорского Двора Лыков мог наблюдать только со стороны. Большая часть людей не имела и такой возможности. Когда сыщик неожиданно для себя был сделан камер-юнкером, он явился на пару больших выходов из любопытства. Дворянин во втором поколении, выдавший виды «решительный человек» был разочарован. Громоздкий этикет, множество архаичных, бессмысленных ритуалов, какая-то затхлость во всем. Замкнутое общество с гипертрофированным самомнением. И очень скучно. А люди вокруг! Заведя обязательные знакомства, сыщик поразился уровню общения. Любимым тоном придворной беседы оказалась ирония. Высокомерная, но при этом поверхностная и даже примитивная. Алексей много общался с чиновной бюрократией и знал ей цену. Там в ходу были личности умные и трудолюбивые. Даже талантливые – ведь есть же талант администратора! А при Дворе оказалось не так. Кругозор гвардейского ротмистра или шталмейстера весь умещался в рамках великосветской болтовни. Никто из здешних завсегдатаев сроду не совершил настоящего дела и был к нему негоден. Но смело судил и выносил приговоры. Причем они звучали как оценка сверху, как истина в высшей инстанции! От человека, способного делать лишь долги...

Лыков вспомнил свое первое появление в Зимнем дворце. Предстоял так называемый большой выход. Суть его в том, что императорская чета в сопровождении членов фамилии выходит из своих внутренних покоев. Соединяется с толпой придворных и длинной гусеницей шествует залами дворца. В конце шествия служится молебен или следует представление царственной чете, и все возвращаются обратно. Вот и все действо. Но внутри этого нехитрого спектакля было скрыто множество мизансцен. Новичку, как Лыков, было непросто в них разобраться, и он все время попадал впросак. Сразу же он встал не на свое место, к нему подбежал церемониймейстер и указал на ошибку. С тех пор сыщик невзлюбил этих ребят...

Главное чаяние пришедших в Зимний дворец – проникнуть «за кавалергардов». Караул лейб-гвардии Кавалергардского полка ставится перед входом в Концертный зал. Туда пускают строго определенный круг людей. Это придворные дамы, придворные чины и кавалеры Двора, статс-секретари Его Величества, сенаторы, члены Государственного совета, кавалеры двух высших орденов империи (Андрея Первозванного и Георгия первой и второй степеней), почетные опекуны, министры и свитские военные. Все эти люди в орденах и лентах слоняются по огромному залу, болтают и косятся на боковую дверь. Придворные мундиры не менялись с 1855 года и поражают театральностью. Есть даже господа в белых кюлотах, застегивающихся под коленями, в белых шелковых чулках и черных туфлях. На людях пожилого возраста это смотрится совсем уж комично...

Боковая дверь ведет в Малахитовую гостиную, ближайшую к царским покоем. В ней имеют право находиться лишь члены царской фамилии. Оттуда и начнется выход. У двери топчется огромный негр – официальный телохранитель государя.

Многолюдные толпы собираются на больших выходах. Это происходит в двенадцатые праздники и именины членов фамилии. Малые выходы случаются чаще, но туда Лыкову вход заказан. Не по чину! К ним допускаются только придворные дамы, генералы и офицеры свиты, а также первые чины Двора. Из вторых чинов приглашены лишь избранные – гофмаршал и обер-церемониймейстер.

Напряжение в Концертном зале возрастает. Незаметно, по безмолвной

команде, появляются восемь или девять мужчин с особыми жезлами в руках – церемониймейстеры. Они выстраиваются в середине зала в две шеренги, образуя проход для царя с царицей. И начинают негромко постукивать своими жезлами-тросточками по паркету. Это призыв всем расходиться на обе стороны. Кто-то не слышит его, кто-то увлечен разговором и не двигается с места. Стук становится все сильнее, все требовательнее. В центр галереи выходят два обер-церемониймейстера и принимаются буквально расталкивать нарядную толпу. Наконец проход создан и охраняется людьми с жезлами. Тогда распахивается заветная дверь, и выходят государь с государыней, а следом – прочие члены фамилии.

Хлопотами Экспедиции церемониальных дел в зале выстраивается сложная колонна. Цель выхода – пройти всем вместе до Большой церкви (вариант – до Большого тронного зала) и вернуться затем обратно. По маршруту расположены залы: Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый и Пикетный. Из последнего путь либо к алтарю, либо к трону. Если цель выхода – Большая церковь, то в ней служат молебен. В храм допускаются лишь члены августейшей фамилии и наиболее важные сановники, прочая толпа терпеливо ждет снаружи. Если же приходят в Георгиевский зал, он же Большой тронный, то там порядок другой. Все участники колонны представляются государю, быстро проходя перед ним, а тот благосклонно-безразлично кивает. Пройдя парадом, вереница людей разворачивается и следует обратно.

Места в этой живой гусенице тоже строго регламентированы. Гофмаршалы наблюдают, чтобы никто не влез без очереди. Открывают шествие придворные чины и кавалеры – они самые многочисленные. Люди идут попарно, выстроившись по старшинству рангов с учетом старшинства орденов. Тут от гофмаршалов требуется особое искусство, чтобы не нарушить ранжир; случаются и скандалы. Сразу после кавалеров, чуть отступив, следует императорская чета. Справа и на шаг сзади – министр Двора и уделов. Далее почетное дежурство: генерал-адъютант, генерал-майор свиты и флигель-адъютант. Только после них встают члены императорской фамилии. Эти выстроены согласно порядку престолонаследия. За великими князьями следуют члены Госсвета, министры, сенаторы и свита. Замыкают шествие придворные дамы. Зрелище выходит яркое. Усыпанные орденами военные и придворные мундиры, голые плечи и яркие платья дам, всюду бриллианты и золотое шитье...

В залах на пути следования толпятся те, кому допуска «за

кавалергардов» не полагается. В Николаевском зале стоят генералы и офицеры гвардии, в Петровском – послы и посланники, в Гербовом – городские дамы и гражданские чины первых пяти классов. Иногда зовут городского голову и именитое купечество – этим отведен Фельдмаршальский зал. Все зрители с завистью смотрят на счастливых. А те упиваются своей избранностью. Это культивируемое чувство превосходства – потому лишь, что на тебе мундир с галунами, – покорило Алексея. Когда он явился на свой первый выход, то сначала не мог понять его сути. Сотни взрослых, занятых людей проводят несколько часов, занимаясь явной бессмыслицей. Сыщик оценил первую приманку, когда вышел с колонной из Концертного зала. По ходу шествия стояли большие тузы. И, словно простолюдины, провожали обладателей галунов недобрыми взглядами...

Второй смысл открылся Алексею чуть позже. В Большом тронном зале, когда толпа дефилировала перед государем, он не всегда был безразличным. Кому-то Александр Александрович коротко кивал, кому-то улыбался, а иным даже говорил несколько слов. Два-три счастливых удостоились целого разговора – и колонна послушно ждала. Отойдя от государя, такой баловень принимал поздравления. Перед ним заискивали, переспрашивали каждый оборот речи. А Лыкову Его Величество так и не кивнул.

Оказалось, что толпа царедворцев, доселе единая, после Большого тронного зала распадалась на две неравные части. Тех, кто удостоился знака внимания, пусть даже самого ничтожного, было меньшинство. Прочих – подавляющее большинство. Они старались бодриться, но некоторые из обиженных выглядели положительно несчастными! Седовласые дядьки чуть не плакали и норовили показаться самодержцу еще раз, но их не подпускали. И они вытягивали старческие шеи, пытаясь издали, поверх голов, поймать равнодушный взгляд. Вдруг кивнет! Это нелепое попрошайничество поразило Алексея более всего. Сам он и не рассчитывал, что будет узан государем. У того миллионы подданных – есть ли силы помнить коллежских асессоров? И не сразу дошла до начинающего камер-юнкера главная придворная идея.

Идея эта оказалась очень проста. Надо стоять возле государя! Как можно ближе! Ведь он – главный источник земных благ. Занять краешек его внимания, мизерный уголок в его памяти... Чин, орден, аренда, звание – все исходит из рук самодержца. Да, большую роль играет окружение. Но без августейшего росчерка никакой самый всемогущий министр ничего сделать не может. Жизнь там, где Двор, а Двор там, где государь. Центр

мира, средоточие власти и богатства. Вот и вся философия. Прочие места огромной империи для царедворца словно и не существуют. В Нижнем Новгороде, Сибири, на Мурмане служат сотни тысяч людей. Честно тянут лямку за скромное жалованье. И черт с ними. Интересы обладателя галунного мундира не выходят за рамки деятельности Главного дворцового управления.

Соединение тщеславия и искательства благ формируют тот тип придворного, который Лыков сильно недолюбливал. Ну алчность, жажду царской милости он еще мог понять. Но высокомерное ощущение своей избранности – с какого хрена? Конечно, при Дворе не все такие, но именно оголтелые задают общий стиль поведения. Если жизнь лишь там, где государь, то и настоящие люди тоже все там. А прочие – быдло. И чтобы попасть в этот архаичный мир, где думающему человеку скучно и смешно, оголтелые готовы на все. У них нет другой цели в жизни, кроме как, например, сделаться церемониймейстером. И все средства для этого хороши. Вот такого оголтелого Алексей и собирался искать.

Из самого сыщика придворный не получился. Ему было все равно, кивнет Его Величество или не заметит. В своей жизни он дважды общался с государем. Первая беседа случилась в Нижнем Новгороде. Она длилась тридцать секунд. Только что взошедший на престол самодержец сказал Алексею одну фразу и пошел дальше вдоль шеренги представляющихся. Вторая встреча была после возвращения Лыкова из Дагестана. Военный министр ходатайствовал о награждении его, гражданского чиновника, орденом с мечами. Это не полагалось, и государь противился. Тогда Ванновский рассказал о подробностях экспедиции к заснеженной вершине горы Аддала-Шухгельмеэр. Там скрывалась шайка абреков, руководимая резидентом турецкой разведки. Половина нашего отряда погибла на ледниках и перевалах. А Лыкова и Таубе абреки захватили в плен и хотели жестоко казнить. Их спасли случайность и удивительное везение... Услышав такие детали, государь захотел поговорить с храбрецом. Лыков удостоился получасовой беседы, по итогам которой получил из августейших рук Анну второй степени с мечами. Он был польщен, но на глаза Его Величеству больше не лез, знал свое место.

А дежурства! Камер-юнкеры изредка тоже приглашаются к высочайшему дежурству, но только возле императрицы. Когда Лыкову выпала очередь, он пошел во дворец с опаской. Барон Таубе заранее подготовил приятеля, рассказав ему о Марии Федоровне нелицеприятные вещи. Женщина недалекая и склонная к глупым интригам, она развлекалась сплетнями. А еще любила ни с того ни с сего выказать вдруг холодность

жене какого-нибудь министра. И смотреть, как та переживает и теряется в догадках, чем не угодила... Датчанка, она проела всю плешь мужу по поводу «гадких немцев». И в нынешних дурных отношениях между Россией и Германией велика и ее заслуга.

Так все и оказалось. Алексей отдежурил сутки, изнемогая от безделья и глупых церемоний. Государыня была вежлива, но раздражительна. С самого начала она пробовала уесть молодого камер-юнкера, а когда поняла, что ему это безразлично, – рассердилась. И велела больше «этого невежу» к дежурству не призывать. Сыщик был очень доволен.

Когда он женился, пришло другое испытание – балы. Варенька по знатности и богатству входила в высший свет обеих столиц. В Москве родни было больше, но и в Петербурге ее хватало. Изящная наружность быстро вывела ее в ряды первых красавиц. При этом Варвара Александровна еще и любила танцевать... Лыков, совсем не светский, в танцоры не годился и пустых развлечений не терпел. И всегда забывал подать даме руку в пятой фигуре кадрили... Он послушно сопровождал жену на балы, наблюдал со стороны ее успехи, а сам маялся. В карты сыщик тоже не играл, и так ему скучно было в Зимнем дворце... Покуда был жив Павел Афанасьевич, он терся возле него и слушал умных людей. Те буквально роились вокруг вице-директора, несмотря на его скромный статус. В этом кругу случались интересные беседы, туда входили неординарные личности. Утонченный граф Ламздорф, талантливый Витте, желчный Победоносцев, мудрый Плеве, саркастичный Куломзин – все слушали Благово с вниманием. Когда он умер, эти господа больше не подходили к Лыкову – его мнение никого не интересовало. Скука сделалась невыносимой. К счастью, родилась Принцесса Шурочка, и Варенька перестала выезжать.

При Дворе давали три вида балов. Большой устраивался в Николаевском зале, Средний («трехклассный») – в Концертном и Малый – в Эрмитаже. Последний был самым элитарным по составу приглашенных, и попасть туда считалось особой честью. Несколько раз за зиму давались балы и в Аничковом дворце, но лишь для близких друзей императорской четы, и Лыковых туда, разумеется, не звали. Особенно много танцевали в январе и феврале, когда проходили знаменитые «бешеные котильоны».

Алексей с Варенькой попадали в Зимний с Дворцовой площади, через подъезд Ее Величества. Алексей имел на это право как придворный кавалер. Отсюда же заходили приглашенные дамы и кавалергарды. Все прочие проникали внутрь со стороны Невы, через Иорданский подъезд. Там всегда былолюдно и вечно случалась при разъездах путаница с

верхним платьем.

Лыковы поднимались на второй этаж, минуя караул из великанов-измайловцев. В полукруглом угловом зале зачем-то была поставлена пушка. Через Большую галерею гости дворца проходили в Танцевальный зал и выстраивались у стен. Здесь тоже правили церемониймейстеры. Своими жезлами они регулировали толпу, раздвигая ее по углам. Открывались танцы полонезом императрицы со старшим из посланников. Государь играл в карты и издали поглядывал на супругу – не зарывается ли Мария Федоровна? После первой половины все ужинали. Лыковы садились за стол на двадцать персон в «комнате перед Фонариком». Алексей отбирал у жены карне де балль^[25] и ревниво изучал ее. Варенька оглядывалась по сторонам и показывала мужу светских знаменитостей. Сыщик видел известную «Сашу из Тамбова», жену обер-камергера Нарышкина, урожденную Чичерину. Она славилась дикими выходками, например, отказалась приглашать на свои балы брата государя великого князя Владимира Александровича. А если кого и приглашала, то или мужа без жены, или жену без мужа. И шли! Обижались, но шли, поскольку танцы у Нарышкиной получались веселые и скандальные. А Зина, графиня Богарне! Удивительная женщина... Родная сестра генерала Скобелева, супруга герцога Лейхтенбергского и любовница великого князя Алексея Александровича всегда делала что хотела. Ее красиво-бесстыдное лицо сразу бросалось в глаза. От этой дамы исходил необыкновенный магнетизм: когда Алексей увидел ее вблизи, ему тут же захотелось обнять графиню.

Ужин всегда был плох. Но гости старательно распихивали по карманам и ридикюлям конфекты, приготовленные на царской кухне. Таких не было в свободной продаже, и их очень любили дети. Принести домой «царский гостинец» считали своим долгом даже самые богатые люди империи. Лыковская малышня тоже ждала редкие сласти, пытаясь не заснуть до прихода папы с мамой...

После ужина танцы возобновлялись и становились совсем невозможными. Молодежь плясала самозабвенно, до одури, и государыня тоже. Оркестр играл оглушительно, так, что звенело в ушах. Говорили, это оттого, что заведующий придворными оркестрами барон Штакельберг почти глух. Наконец император, отчаявшись делать жене предостерегающие знаки, удалялся к себе. По его команде из оркестра по одному расходились музыканты, и в конце концов на хорах оставался один трубач... Только после этого Мария Федоровна, вся красная, тоже покидала бал.

Лишь один раз Алексею понравилась общая картина праздника. Это было 26 января 1889 года. Только что покончил с собой австрийский эрцгерцог Рудольф. А в Концертном зале Зимнего дворца уже объявили очередной бал. Приличия требовали отменить пляски из-за траура, но свет и Двор настроились на веселье. И тогда было решено провести бал в... траурных одеждах. Зрелище получилось удивительное. Дамы явились в элегантных черных платьях. На их фоне многочисленные бриллианты смотрелись особенно эффектно. А траур, как известно, красит всякую женщину. Варенька была в замечательном туалете от Бульбенковой. Платья этой портнихи носила императрица. Сама же она была дочерью нижегородского священника и выбилась в лучшие модельеры столицы благодаря труду и таланту. Узнав, что Алексей – нижегородец, Ольга Николаевна стала выполнять заказы его жены вне очереди! Знаменитый «черный бал» вспоминали потом много лет как самый удачный и неординарный. Лыков тоже помнил его – последний раз они были там вместе с Павлом Афанасьевичем...

Утром следующего дня Велевачев порадовал начальника новой идеей.

– Алексей Николаевич, я узнал от Шереметевского, что на костеобжигательном заводе в вас стреляли согласованной картечью, – заявил он.

– Да, и что?

– Разрешите, я схожу в Управление императорской охоты. Вдруг там что-то вспомнят? Человека какого-нибудь с дурными наклонностями... Негодяя в душе. Его выгнали, но запомнили.

– И прозвище у человека было Снулый, – добавил с иронией Лыков.

– Почему нет? – возразил Юрий.

– Больно просто собираешься жуликов искать. Отчего именно в Императорской охоте? В столице полно других людей, способных согласовать картечь.

– Но убит придворный! А если тут есть связь?

– Хорошо, – смирился надворный советник. – Съезди в Гатчину, расспроси. Только возьми с собой фото покойника, которого Снулый приколол на Гутуеве. Пусть в морге сделают карточку. Вдруг опознают? Вдруг это он парашют заряжал?

Велевачев ушел, а к сыщику обратился Шустов.

– Алексей Николаевич, у меня тоже имеется предложение. Разрешите изложить?

Лыков удивился. Чиновник для письма проявляет розыскную

инициативу! Что это с ним? Решил сам поймать Родиона, чтобы не шлялся к нему по ночам?

– Излагайте, Сергей Фирсович.

Шустов, несколько смущаясь, начал говорить:

– Я, конечно, понимаю свою никчемность... Писарь, и вдруг с каким-то предложением... Но что подумал. Бумаги Дашевского, что мы забрали с обыском...

– И что?

– Там повестки к мировому судье.

– Есть такие. Убитый судился со своим лакеем.

– Да-да. Я и подумал: не поговорить ли вам с судьей?

– Для чего?

– Вдруг он интересное вспомнит! Мало ли...

– А что может быть интересного в тяжбе хозяина с прислугой?

Шустов совсем стушевался, потом пробормотал, глядя в пол:

– Надо же где-то искать. А тут судья, не коридорный какой. Знаток, так сказать, душ человеческих.

И Лыков подумал – почему бы и нет? Гусиной Лапе он назначил срок до завтра. И Ширинкин примет его тоже завтра. А сегодня у сыщика никаких своих идей нет. Вечером свидание (тут Алексей некстати представил Анютку голой и порозовел...). Надо поговорить с судьей!

Камера мирового судьи четырнадцатого участка помещалась в Свечном переулке. Хозяйничал в ней князь Эристов (везло Лыкову в этом деле на князей!). Он как раз вел заседание, и сыщику пришлось обождать. От нечего делать он прислушался к голосам. Обвинялся молодой извозчик, оскорбивший седоков, не соглашавшихся на его цену. Эристовы – грузинский род, но князь вел процесс сдержанно и корректно. Никакой южной горячности... Несколькими вопросами судья разъяснил для себя суть дела. А потом вдруг просто и по-людски пристыдил парня – одной точной фразой. В камере стало тихо, лишь было слышно, как сопел извозчик. Напряженным голосом он извинился... Сразу загудели другие голоса, но беззлобно: извинения были приняты. Люди, и истцы, и ответчик, вышли на улицу одной гурьбой, дружески переговариваясь. Настоящее примирение сторон, порадовался Алексей. Ай да князь! Тут появился и он, запирая двери камеры. Увидел незнакомого господина и сказал:

– Думаю, он запомнит и сделает выводы.

– Хочется верить, – вздохнул Лыков. – Совсем еще молодой, а уже хамит...

– Вы ко мне? Прошу!

Судья был в возрасте, с седыми вьющимися волосами и усталыми глазами человека, видевшего много зла. Лыкову он сразу понравился. И сыщик начал без обиняков:

– Я из Департамента полиции, расследую смерть Устина Алексеевича Дашевского. Вы должны его помнить.

– Дашевский? – нахмурился князь. – Как же! Судился у меня со своим лакеем. Вздорный человек. Хотя и лакей ему под стать... Так он умер? При каких обстоятельствах?

– Его зарезали в собственной квартире.

– Да что вы говорите! – Эристов весь как-то вытянулся. – И кто это сделал?

– Ищем, – пожал плечами Лыков.

– Дела... Позвольте, однако, убедиться в ваших полномочиях.

Судья тщательно изучил полицейский билет Алексея и остался им недоволен.

– Чиновник особых поручений Департамента полиции. При чем тут ваш департамент? Убийство должно дознавать сыскное отделение градоначальства.

– Так бы и случилось, если бы не придворное звание погибшего, – пояснил Лыков.

– Ну и что? Придворные живут по каким-то особым законам?

– С недавнего времени принято негласное решение: дела, где замешаны знатные фамилии или крупные сановники, передавать к нам.

– Это незаконно!

– Да что вы говорите?! – разозлился сыщик; кудахтанье князя стало уже его раздражать. – Мы полиция, и они полиция. И все подчиняемся судебному следователю. Какая вам разница?

– Опять одно и то же... – запустил пятерню в седую бороду Эристов. – Я знаю, государь не любит нас, судей. За нашу независимость, за несменяемость. За то, что он не может нам приказать. Вот еще одно подтверждение этому.

– Ну почему? Когда я соберу улики и поймаю убийцу, судить его станут на Литейном. В открытом судебном процессе. Я веду только дознание.

Но Эристов все не сдавался:

– С каких это пор Дашевский стал крупным сановником?

– Он состоял в должности церемониймейстера. Поэтому мое расследование волей-неволей будет касаться придворных сфер.

– Теперь понятно! – саркастически хмыкнул князь. – Вот почему

признано удобным вести его негласно! Мало ли что обнаружится. А потом и убийцу так же втихую накажете? Августейшим повелением?

– Это вопрос не ко мне. Однако, если хотите знать мое мнение, так не будет. А будет обычный суд. Но довольно уже спорить. Зря вы видите здесь политику. Помогите лучше мне разобраться; мы теряем время.

– Чего уж там... Спрашивайте. Что вас интересует?

Лыков подобрался, глаза его сделались как два сверла.

– В процессе Дашевского с лакеем Петровым было что-нибудь странное? Говорят, тот менял свои показания.

Эристов задумался.

– Столько дел... Каждый день по три-четыре заседания! Дайте вспомнить. Дашевский, Дашевский...

Он взял со стола папку и стал ее листать.

– Ага! Нашел!

– Бумаги нашли или обстоятельства дела вспомнили?

– Обстоятельства. Повторюсь, оба они – и истец, и ответчик – были какие-то нелепые. Заскорузлые. Петров просто тупица, а Дашевский... Знаете, есть такой сорт людей – мелкие выжиги. Смошенничать, соврать, кляузу подать...

– Понятно. А что с показаниями Петрова? Он будто бы признал свою вину в разбитии чайной пары. Но потом неожиданно ловко отказался.

– Да-да-да! И вот что я вспоминаю: на втором заседании, когда я уже собирался вынести решение в пользу истца, ответчик вдруг сделал заявление. Виновным он себя теперь не признавал, а валил все на ломовой обоз, что проходил в тот момент под окнами. Чайники-де и упали от сотрясения дома. А поставил их близко к краю сам хозяин. К нему пришла гостья, Дашевский отослал лакея «погулять», вот в его отсутствие падение и случилось.

– Гостья... Имя ее не звучало?

– Нет. Как только всплыло о ней упоминание, истец сразу отозвал иск и прекратил процесс. Видимо, опасался огласки. И вот что еще интересно: во второе заседание Петров пришел не один. Возле него сидел человек. Именно он и подсказывал лакею линию защиты!

– Присяжный поверенный?

– Нет, не похож. Из благородных. И Дашевский знал этого господина! Появление последнего в суде вызвало у него сильное озлобление. Он даже крикнул Петрову: «Я знаю, кто и зачем тебя настроил! С чужого голоса поешь!» Мне пришлось сделать ему замечание.

– Стало быть, вы лакея оправдали. Барин пытался оспорить это

решение?

– Нет. Я говорю: тема незнакомки весьма ему не понравилась, и он поспешил свернуть заседание. И, конечно, все это произошло из-за появления в камере нового лица, которое манипулировало слугой.

– А кто он, не знаете? Незнакомец не представлялся?

– Нет. На заседании мирового судьи может присутствовать кто захочет.

– Спасибо, ваше сиятельство...

– Какое там сиятельство! Называйте меня Сампсон Давыдович.

– Спасибо, Сампсон Давыдович. Вы мне очень помогли. Лакея ведь тоже зарезали.

– Как? Бедолагу погубили вместе с барином?

– Да. А потом пытались сжечь труп в печи костеобжигательного завода.

– Зачем? – изумился Эристов.

– Чтобы мы решили, что Петров – убийца. Зарезал хозяина, ограбил и сбежал...

– По-ни-маю! – по слогам произнес судья. – А ведь ловко задумали! Как же вы не попались на удочку?

– Помогла случайность. Но дело трудное. Я допускаю, что это убийство на заказ.

– На заказ? – фыркнул князь. – Вот еще! Петербург не Ливорно, где, говорят, это в ходу.

Лыков покачал головой:

– Сампсон Давыдович, я занимаюсь сыском тринадцать лет. И поверьте, видел всякое. В том числе и убийства по заказу. Дашевский состоял в звании церемониймейстера, а с ним еще полдюжины чиновников. В штате как раз освободилось одно место. Молодые люди соперничали за него друг с другом. Дашевский побеждал, и...

Эристов ахнул:

– Не может быть!

– Это одна из версий. Не единственная. Я уж вам, как юристу-законнику, открою. Вторая версия связана с той самой дамой, о которой зашла речь в заседании. В любом случае незнакомец, что манипулировал лакеем, появился у вас в камере не случайно. Ведь цена вопроса была – пять рублей! А он пришел. Зачем?

– Ну, взаимные козни, маленькая месть... Разные бывают мотивы. Не убийца же это был!

– Не убийца. Но, может быть, заказчик?

Судья нахмурился:

- С его стороны было бы слишком неосторожно!
- Да, если он уже тогда замышлял злодейство. А если нет? Если просто пытался дискредитировать? Хорош, мол, церемониймейстер Высочайшего Двора, если судится с собственным лакеем! Вспомните, ваша честь: имя или фамилия незнакомца точно не звучали?
- Точно.
- Возраст, рост, особые приметы?
- Рост не помню. Возраст – лет тридцать или чуть больше. И в лице есть что-то восточное.
- Восточное? Армянин или грузин?
- Нет, этих я бы опознал. Скорее он был похож на бакинского татарина.
- Очень любопытно...
- Но человек тот был из образованного слоя. Сразу видно! Одет со вкусом: хороший сюртук, запонки такие... изящные.

Лыков встал, протянул руку:

- Большое спасибо, ваша честь!

Надворный советник вернулся к себе и велел Шустову заготовить четыре отношения. Это были просьбы представить в Департамент полиции копии формуляров на состоящих в звании церемониймейстера. Одно в министерство Двора, сразу на двоих, остальные – в МИД, Морское министерство и Министерство финансов. Шестой подозреваемый, Арабаджев, служил в родном МВД. Его формуляр Лыков запросил в телефон у вице-директора Департамента общих дел. Сергей Фирсович отстучал бумаги, Алексей завизировал их у Дурново и вручил чиновнику для письма. Поставил ему задачу: добыть формуляры как можно быстрее. Для этого Шустову придется сесть в приемной у Плеве, подписать отношения, а затем лично развезти их по инстанциям. Если к бумагам не «приделать ноги», ответы придут через месяц. Бюрократия в Петербурге всесильна. Но Лыков знал о взаимовыручке «маленьких людей». Шустов служит не первый год. Наверняка обзавелся приятелями в таких же, как он, скромных чинах. Именно они и готовят ответы. И могут при желании соорудить бумагу в тот же день, а могут мариновать ее до морковкина заговенья. Пусть Сергей Фирсович покажет себя. Тогда и Родион сниться перестанет.

Коллежский регистратор ушел, и Лыков остался один. Он все думал над рассказом судьи. Очень похоже на борьбу за место, на попытку дискредитации соперника! Человек восточной наружности, хорошо знакомый Дашевскому... И счел необходимым явиться на процесс, цена

которому – синенькая бумажка. Есть, конечно, сутяги от нечего делать. Но Дашевского с Петровым вскоре убили! А этот человек, получается, знал обоих. Из шестерых состоящих в должности имеется один с подходящей фамилией: Арабаджев. Вероятно, это измененное Арабаджи. Неужели он?

Тут как раз явился курьер из министерства и принес копию формуляра. Ну-ка... Арабаджев Василий Мансурович. Мансурович! Бакинский татарин, из потомственных дворян. Отец два срока служил предводителем в Джеватском уезде, убит разбойниками-хемшинами в 1880 году. Мать умерла через три года. Тогда их фамилия действительно была Арабаджи. В 1885 году Василий Мансурович окончил Новороссийский университет и тут же крестился. Восприемник – командующий войсками Одесского военного округа генерал от инфантерии Рооп. Недурственно... Кандидат права! Как Арабаджи стал кандидатом, если эту ученую степень отменили в восемьдесят четвертом году? Оставили, правда, в двух университетах, Варшавском и Юрьевском, но в Одессе упразднили. Странно, что эту несуразность не увидели при его приеме на службу... Подделал диплом? Очень возможно. Новоиспеченный кандидат приехал в Петербург и сразу поступил в Департамент общих дел МВД. И начал служить. В восемьдесят восьмом – монаршая благодарность за труды по Комитету для разработки вопроса о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель. Интересно, при чем тут общие дела? Через год – титулярный советник «за отличие». В девяностом назначен состоять в должности церемониймейстера «за усердие». На последнее Рождество – коллежский асессор. Помощник начальника инспекторского отделения, секретарь общего присутствия департамента. Хорошо идет бывший магометанин!

Алексей отложил формуляр. Вроде бы обыкновенный карьерный бюрократ, каких в столице тысячи. Но для чего он явился в суд? Князь Эристов прав: для заказчика убийства слишком неосторожно. Скорее всего, Арабаджев хотел просто подгадить сопернику, очернить его репутацию. Для восточного человека вполне обычное дело. Но нанять убийцу – это уже из другой оперы. Это не лакея подкупить.

Лыков сам себя одернул. Никто еще не доказал, что в суд ходил именно Арабаджев. Вдруг он строит свою карьеру по МВД и о придворной даже не мечтает? Вот и в департаменте у него все хорошо. А от добра добра не ищут. Надо вызвать коллежского асессора на беседу и спросить в лоб, зачем он поддерживал глупого Петрова в камере мирового судьи. Можно было сделать это сегодня, но Алексею не хотелось. Работа не волк, в лес не убежит! В половине седьмого сыщик должен оказаться на Архиерейской улице, и в полном обладании сил. Вдруг восточный человек

отнимет у него слишком много энергии? Подождет до завтра!

Но спокойного вечера у Лыкова не получилось. Он уже собирался уходить, как в комнату ворвался Велевачев. Возбужденный донельзя, губернский секретарь объявил:

– Есть!

– Что именно?

– Охотники есть! Сразу двое.

И Юрий положил перед начальством протокол.

– Ваша мысль прихватить фотографию из морга – сработала. Я прямо из Гатчины, из Охотничьей слободы. Егермейстер Козлянинов узнал покойника.

Лыкову было не до убийц. Надо купить шампанское и фрукты. Он и без того уже опаздывал, а тут такое... Поэтому большого энтузиазма надворный советник не выказал.

– Юра! Скажи коротко и ясно все, что узнал. Мне нужно уходить.

Велевачев воскликнул:

– Но это же след!

– Может быть, – согласился Лыков. – Но сейчас мы по нему не побежим. Завтра побежим. Рассказывай!

– Но завтра воскресенье!

– Значит, послезавтра. Давай скорее!

– Ну, фамилия убитого – Цыферов, зовут Иван. Служил в Императорской охоте выжлятником. Уволился зимой вместе с братом. Они оба на одно лицо, но у Ивана шрам на скуле, поэтому утверждают, что в морге именно он.

– Но выжлятник – это собачник. А кто картечь снаряжал?

– Наверное, брат-близнец, Ефим Цыферов. Этот был егерем, и, говорят, хорошим.

– И оба уволились с царевой службы. Почему?

– А никто не знает. Ефима до сих пор поминают добрым словом. Цыферовы – двойняшки. И очень дружные были между собой. Но это еще не все!

– Юра, не томи!

– К ним в слободу ходил один знакомец. Неприятный! Все это отмечают: возле него как-то неуютно было... Высокого роста, плечистый, могучего сложения. Угрюмый и взгляд такой... тяжелый. Братья звали его – Снулый!

– Наш, стервец! – обрадовался Алексей. – Он, стало быть, и сманил братьев из охоты. Адреса какие есть?

– Нет. Цыферовы жили в Егерской слободе. Как уволились – ни разу с тех пор не заходили. Имеется ли у них родня, никто не знает.

– Так... – сыщик задумался. – Мне действительно нужно уходить. Уже седьмой час, адресный стол закрыт. Ты езжай сейчас в сыскную, узнай, нет ли там чего на братьев. И после этого отдыхай. А в понедельник с утра все обмозгуем.

Валевачев направился к двери. Алексей остановил его:

– А ты молодец! Правильно сообразил про охоту.

Как только помощник ушел, Лыков тоже покинул департамент – через боковой подъезд, чтобы не попадаться на глаза начальству. Но здесь были другие риски. Вдруг Варенька с детьми захочет прогуляться до Летнего сада? А тут и муж подвернулся... Лыков напустил на себя деловито-озабоченный вид и торопливо зашагал к Литейному. Там купил шампанского и коробку конфетов. Велел упаковать все это в бумажный кулек и вызвать ему извозчика. Ловеласу казалось, что приказчики понимающе перемигиваются за его спиной... Черт побери! Надо в следующий раз вызвать Анюту на Тверскую – на явочную квартиру департамента, которая полагалась Лыкову для встреч с агентурой. Дворник и коридорный – проверенные люди. Алексей там частый гость, никто не узнает и не разболтает. И Анютке спокойнее.

С этой мыслью сыщик сел в лихача и скомандовал:

– К Петропавловской больнице, и чтоб быстрее пули!

Он уже опаздывал. О том, как вечером смотреть Вареньке в глаза, думать не хотелось...

Воскресенье прошло как обычно. Доверчивая Варвара ничего не заметила, но на душе у сыщика скребли кошки. Было совестно, при этом он понимал, что встречаться с Анютой не перестанет. Чтобы вышибить клин клином, Лыков в понедельник сразу отправился на Шпалерную. Вызвал Гусиную Лапу и строго спросил:

– Ну что?

– Есть такой, – тут же ответил гайменник.

– Откуда?

– Появился зимой. Ни с кем особо не сходится. Одно слово – бирюк!

– Как его найти?

– Имеется один парень, который точно скажет.

– Васька Питенбрюх?

– Так точно, ваше высокоблагородие. Без меня уже развели?

– Пропал Васька. То ли из города бежал, то ли господин Снулый ему

голову на рукомоиник положил. Говори все, что знаешь.

– Ходит он завсегда при охране. Два братана его караулят.

– Бывшие егеря из царской охоты, Иван и Ефим Цыферовы. Ты скажи, чего я не знаю!

– Снулый берет заказы только на складку^[26]. И еще не всякие, а тока дорогие. Но работает чисто. Помните, на Пасху зарезали директора меднопрокатного завода? Его работа.

Убийство, о котором сказал налетчик, было одним из самых загадочных и до сих пор оставалось нераскрытым.

– Дальше!

– Дальше уж почти нечего рассказывать. Раз в две недели Снулый ходит в «Малинник» и сидит там один час. При нем Питенбрюх и два брата-акробата. Слушает заказы и сразу говорит, берется или нет. Цену ставит очень высокую.

– В какие дни он ходит в «Малинник»?

– Не удалось выяснить, ваше высокоблагородие. Никто толком не знает. Пришлый он, не из фартовых. Бают, будто он вобще...

– Что «вобще»?

– Ну... будто он из ваших.

– Из наших? – ахнул Лыков. – Из полицейских?

– Так точно. Петька Косандылый сказывал: знал он его по Москве. Бывший агент сыскного отделения, из вольнонаемных. Ворам за деньги потачку делал. За это и выгнали. А он сюда прибился. Поэтому-то наши Снулого к себе не берут, сторонятся. Вот он складкой и занялся...

Сведения, сообщенные Гусиной Лапой, были очень важны. И даже не для установления личности Снулого. Он живет по чужому паспорту в миллионном городе, где его никто не знает. Ищи-свищи! Важно, что убийца – бывший сыскной агент. Ему известны все способы и приемы розыска. Ловить такого особенно трудно.

Лыков встал.

– Ну, Вафусий Силыч, прощай. Ты свою часть уговора выполнил, а я выполняю свою. Когда сядешь по осени на пароход, в твоих бумагах будет письмо к начальнику округа.

Налетчик смотрел недоверчиво и мял бескозырку.

– Уж вы не забудьте, ваше высокоблагородие... Я ведь там... Одна надежда на вашу порядочность.

Надворный советник пришел в департамент. Вся Особенная часть была в сборе. Первым доложил Шустов. Отношения он у Плеве подписал и развез по министерствам. Истратил на извозчика два рубля с полтиной.

Лыков немедленно выдал Сергею Фирсовичу указанную сумму. Тот жил одним жалованьем, весьма скромным, и не обязан был кататься по служебным делам на свой счет.

– И когда ждать ответа?

– Из министерства императорского Двора уже завтра, в вечернюю рассылку. Из иностранных дел так быстро не успеют, просят два дня. Морское министерство самое капризное – раньше недели никак.

– Неделя – это много, – нахмурился Лыков. – Там дел на пять минут! Сергей Фирсович, а если я вручу вам «синенькую» и вы купите морякам шустовского коньяку? Ускорит он получение ответа?

– Должен ускорить, Алексей Николаевич.

– Вот и постарайтесь.

Сыщик дал чиновнику пятерку и повернулся к Валевачеву:

– Теперь вы, Юрий Ильич. Что в сыскной?

– Увы, пусто. Братья Цыферовы нигде не числятся, ни в картотеке преступников, ни в адресном столе.

– Этого следовало ожидать. Я выяснил: Снулый – бывший агент московской сыскной полиции.

– Как это? – поразился Валевачев.

– Откуда известно? – одновременно с ним спросил Шустов.

– Источник осведомления – это секрет, – строго ответил Алексей. – Нам важно понимать, что у нас особенный противник. Приемы сыщиков ему известны. И глупых ошибок он не допустит. Понятно?

– Понятно, – хором ответили подчиненные. Затем губернский секретарь спросил:

– А имя-фамилия ему как?

– Неизвестно. Сергей Фирсович, подготовьте от моего имени запрос начальнику московской сыскной полиции Эффенбаху. Нас интересует лицо, уволенное за неблаговидные по службе поступки. Был вольнонаемным агентом. Высокий, крепкого сложения, с неприятными чертами лица. Кличка Снулый. Возможно, подозреваемый смотрится вялым или сонным. Требуется установить личность и немедленно выслать сюда фотографический портрет.

– Слушаюсь! – Шустов начал очень быстро набрасывать текст телеграммы.

– А вы, Юрий Львович, езжайте опять в Гатчину, – обратился Лыков к своему помощнику. – Там Дворцовая полиция ввела пропускные билеты для всех придворных служителей. Билеты эти с фотографиями.

– Ага! – сообразил Валевачев. – Значит, где-то есть негативы!

– Именно. Заберите карточку живого Цыферова, Ефима. Мы ее размножим и раздадим околоточным. Когда-нибудь да попадется!

– Разрешите выехать немедленно?

– Погодите. Вы должны быть в курсе дознания.

И Алексей рассказал помощнику то, что ему удалось выяснить. Со слов князя Эристова выходило, что лакею на суде помогал господин восточной наружности. Дашевский был с ним знаком и очень досадовал на эту помощь. Скорее всего, тот человек – Арабаджев. Надворный советник выяснит это сегодня при личной встрече. А вечером полковник Ширинкин сообщит ему секретные сведения на князя Мещерского и графа Татищева.

– Таким образом, – резюмировал Лыков, – из шести подозреваемых мы прощупаем троих. Останутся еще трое: Лерхе из МИДа, Бутенев из Морского министерства и Дуткин из финансов. По ним пока нет даже формуляров. Но Сергей Фирсович скоро их добудет. Мы до сих пор не знаем самого важного: как выбирали церемониймейстера? Кто были главные соперники? Это известно князю Долгорукову, но он идиот. Поэтому зайдем с другой стороны.

– С какой? – встрепнулся губернский секретарь. Ишь как в сыщики заигрался!

– Да с самой обычной. Будем разговаривать с состоящими. Много и подробно. Каждый станет помалкивать о себе и валить на других. Как соберем все показания, поймем, кто главный подозреваемый.

На этом Особенная часть разошлась по делам. Шустов побежал на полицейский телеграф, Валевачев – на вокзал. Лыков же отправился на конспиративную квартиру встречаться со штабс-капитаном Афанасьевым.

Тот, как вошел, сразу стал приbedняться:

– Времени очень мало дали, Алексей Николаевич! Все ж Экспедиция церемониальных дел от меня далеко.

– Давайте лучше к сути.

– Слушаюсь! Барон Будберг скончался в феврале и освободил таким образом вакансию. Сразу началась вокруг этого суета.

– В каком смысле?

– Желаящие сделаться церемониймейстером стали облизывать князя Долгорукова. Решал-то он! Фактически единолично. Ну и начались приступы.

– С чьей стороны?

– Этого пока выяснить не удалось. Знаю лишь, что прошения подали пять человек.

– Надо узнать кто, Павел Архипович. Кровь из носу! Сам я не могу –

князь запретил подчиненным сообщать мне сведения.

– Дайте время, я узнаю! Послезавтра именины у титулярного советника Евреинова. Он один из двух секретарей экспедиции. Поскольку мы с Евреиновым играем в карты по маленькой, я приглашен. Попробую его разговорить. Только вот...

– Что смущает?

– Больно он любит выигрыши. Сколько разрешите ему проиграть? Чтобы стал словоохотливее.

Лыков вынул из портмоне четвертной билет.

– Хватит?

– За глаза! – обрадовался штабс-капитан, убирая купюру. – Теперь дальше. Удалось кое-что узнать про Бутенева.

– Из Морского министерства? Валяйте!

– Темная он лошадка. Кто-то сильный его тянет.

– А подробней?

– Бутеневу всего двадцать четыре года, а он уже коллежский секретарь и состоит в звании церемониймейстера. На службе появляется лишь двадцатого числа, когда жалованье выдают. Остальные дни жуирует. Высокомерен, ленив, и все ему сходит с рук. Прозвище у Бутенева в министерстве – Неприкасаемый!

– Любопытно. Кто же этот покровитель? И за какие заслуги молодому оболтусу все дозволяется?

– Это уже мне не по зубам, Алексей Николаевич. Где я и где Морское министерство!

– Хорошо, Павел Архипович. Продолжайте искать. Главный вопрос: из кого выбирали, какие были первые претенденты.

– Будет сделано. Разрешите высказать предположение!

– Слушаю.

– О претендентах. Ежели подано пять ходатайств и одно из них – Дашевского, значит, промолчали двое. Так?

– Да, из состоящих в должности в Петербурге служили семь человек. Считая с покойным.

– Так вот. Двое из семи предпочли остаться при своих нынешних должностях. Полагаю, это князь Мещерский и граф Татищев.

– Ага... А почему вы так думаете?

– Для чего им в экспедицию переводиться? Какие выгоды? Там украсть нечего.

– А они воруют?

– В две руки гребут. Мещерский в Гофмаршальской части заведует

обеденными столами. Там за три года состояние сколачивают!

– Он что, хлебные огрызки таскает?

– Какие огрызки! Одного вина в год на десятки тысяч рублей в сторону течет. Никто же не считает. Золотая жила!

– Понятно. А Татищев что из Департамента уделов крадет?

– Там тоже много чего творится. Ведь граф – родственник главного удельного стряпчего Липатова. Вот они и обдeldывают гешефт на пару.

– Каким образом?

– Ну, Департамент уделов «округляет» государевы вотчины. Прикупает для этого соседние имения. Цену платит выше, чем стоит само имение, а помещик должен потом эту разницу вернуть. В портфеле. Иначе купят у соседа, а не у него.

– М-да... Эх и гадючник наше министерство Двора...

– Вот я и полагаю: князю с графом уходить в церемониймейстеры вовсе не с руки. Им и так хорошо.

На этом собеседники расстались. Лыков вернулся на Фонтанку и снова взялся за телефонный аппарат. Он попросил вице-директора Департамента общих дел пригласить к нему коллежского асессора Арабаджева. Просьба была не совсем обычная. Однако вице-директор по своему служебному положению знал про Особенную часть и обещал просьбу выполнить.

Действительно, через полчаса в лыковский кабинет вошел человек. У него было серьезное не улыбочное лицо, густые усы и ранняя залысина. Смуглая кожа и курчавые волосы выдавали восточное происхождение. Глаза у вошедшего были черно-агатовые, очень живые. Мундирный сюртук от хорошего портного, ослепительно-белый воротничок: столичный франт, знающий себе цену.

– Разрешите представиться: коллежский асессор, состоящий в должности церемониймейстера Василий Михайлович Арабаджев.

– Очень приятно. Надворный советник в звании камер-юнкера Алексей Николаевич Лыков. Присядьте, пожалуйста.

Сыщик отметил про себя отчество «Михайлович» вместо «Мансурович». Хочет казаться европейцем!

– Я дознаю убийство титулярного советника Дашевского. Дело поручено Департаменту полиции. Это вызвано придворным званием покойного.

Арабаджев молча кивнул. Он был напряжен и как будто ждал подвоха.

– Мы собираем сведения о личности убитого. Вы хорошо его знали?

– Неблизко. Так, встречались иногда на придворных церемониях.

Господин из тех, что любят есть в двух стойлах.

– В каком смысле?

– Ну, это такая французская поговорка...

– Я знаю. Что вы имеете в виду применительно к Дашевскому?

– Он служил в одном месте, а прислуживал в другом. И князя Долгорукова купил именно своей беспринципностью. Такие люди нравятся тем, кто сам не имеет принципов.

– Бывали ли вы у убитого дома?

– Не приходилось, – с едва заметной запинкой ответил коллежский ассессор.

– И не случалось между вами никаких конфликтов?

– Какие конфликты? Вы намекаете, будто бы я имел какие-то личности против этого господина? Да он был никто. Метил на оригинальность, а сам вполне дюжинный.

– Вы не враждовали?

– С какой стати? Посторонние друг другу люди.

– А зачем вы тогда, Василий Михайлович, явились на судебный процесс Дашевского с его лакеем? И помогали последнему советами.

– Кто вам сказал, что я там был?

– Отвечайте на вопрос.

– Это глупый какой-то вопрос! – вспыхнул Арабаджев.

– Мне устроить вам очную ставку с судьей, князем Эристовым?

Состоящий в должности сразу осекся. Минуту он размышлял, глядя на Лыкова своими восточными глазами. Потом вздохнул:

– Ладно. Это был я.

– С какой целью приходили?

– А чтобы этот бесчестный человек не пролез в церемониймейстеры!

– Вы сами претендовали на освободившееся место?

– Если откровенно, я еще не решил для себя этот вопрос.

– Неужели? – съязвил Алексей.

– Уж представьте, да! Не решил. Дела мои в департаменте идут в гору, я на хорошем счету. Скоро освободится место начальника отделения по расколам и другим сектам в недрах православия. Должность седьмого класса! И мне она уже обещана начальством.

– Зачем же вы тогда препятствовали Дашевскому?

– Я только что это объяснил.

– А я не понял. Занятой человек в служебное время ходит по судам, которые до него не относятся... Давайте еще раз, и поподробнее.

– Сама личность этого господина вызывала у всех только отвращение.

Дашевский нигде не задерживался. Через год-два начальство и сослуживцы уже мечтали от него избавиться. Вы слышали о его последней проделке, о доносе Протасову-Бахметеву?

– Да, я в курсе дела.

– Вот! И сам он был какой-то... полудурок. И такого в церемониймейстеры? Мне показалось это обидным. Случайно я узнал о споре между ним и лакеем из-за жалкой чайной пары. И подсказал Дашевскому мысль истребовать удовлетворение в суде. Глупыш согласился! После я вооружил лакея нужными знаниями. Дважды водил его к присяжному поверенному.

– Кто оплачивал консультации?

– Я и оплачивал. Но слуга тоже полный был идиот, ничего не мог запомнить. Любой вопрос сбивал его с толку. Пришлось идти с ним в камеру и там подсказывать. Понимаю, это выглядит некрасиво. Но Дашевский и без меня постоянно судился!

– С кем?

– С домовладельцем, у которого снимал квартиру.

– С Осиным-Бруно?

– А черт его знает.

– Домовладелец говорил мне, что он в суд не обращался. Да, жилец постоянно задерживал плату, но в конце концов отдавал долги.

– Ну, может, я что-то путаю. Там были денежные недоразумения. Дашевский жаловался, что квартиросдатчик страшит его судом. А за неделю до... попался мне такой радостный. Сказал со свойственным ему бахвальством, что заплатил за жилье на год вперед. Где только деньги взял? Вечно в долг кланчил и забывал отдавать.

Лыков сделал на листе бумаги лаконичную записку. Действительно, Осин-Бруно говорил то же самое. У жильца перед смертью откуда-то вдруг появились средства. А он, Лыков, упустил этот момент.

– Вы, стало быть, хотели подмочить Дашевскому репутацию. Правильно я понял ваши мотивы?

– Да. Нечего таким негодяям стоять подле священной особы Его Величества.

– Но ваша диверсия, похоже, не помогла. Устин Алексеевич фактически уже получил должность церемониймейстера.

– Не помогла, – вздохнул Арабаджев. – Уж больно его возлюбил князь Александр Сергеевич. Все прощал. Долгоруков велел нашему баловню ликвидировать долги, и тогда состоится его назначение. И Устин ликвидировал.

– Вы были среди его соперников?
– В каком смысле?
– Да будет вам. Все вы понимаете. Были или нет? Ходатайство подавали?

Арабаджев насупился:

– Ну, подал. Не я один. Почти все подали.
– Стало быть, вы соперничали с Дашевским за место, – констатировал сыщик.

– Я подал на всякий случай. А сам, как уже сказано, ничего еще не решил.

– На всякий случай?

– Да. Чтобы тебя при Дворе не забыли, надо им все время о себе напоминать. Там не любят таких, которые не кланяются, не канючат... Увы, так устроены эти сферы.

– И «эти сферы», выходит, были для вас интересны? Раз вы решили поклониться.

– Придворные сферы всегда интересны, – серьезно ответил Арабаджев. – Вот вы камер-юнкер. Должны понимать. Источник милостей у нас у всех один. И хочется стоять к нему поближе.

– Стоять поближе... И для этого все средства хороши?

– Что вы имеете в виду? – с вызовом спросил коллежский асессор.

– Я допускаю, что Дашевский был устранен. И именно потому, что побеждал в придворных сферах.

Восточный человек вскочил:

– Уж не меня ли вы подозреваете?

– Сядьте, Василий Михайлович. Сядьте! Вот... Не надо на меня обижаться. Вы не знаете всех обстоятельств дела.

– Так объясните их! Прежде чем оскорблять подозрением.

– Под подозрением не вы один. Все, кто подавал прошение о замещении должности церемониймейстера, находятся сейчас на особом учете. И не надо по этому поводу делать оскорбленное лицо. А вы чего ждали? Убит человек. Идет дознание. Вам всем теперь будут задавать неприятные вопросы. Много чего вылезет наружу. Наподобие вашего похода в четырнадцатый участок мирового судьи... Терпите. Чем быстрее и правдивее ответите на мои вопросы, тем быстрее я найду убийцу. И для невиновных все закончится.

– Ладно, я буду спокоен. Но вы начали про обстоятельства, которых я не знаю.

– Дознанием уже выяснено, что организатор убийства Дашевского –

некто Снулый.

Арабаджев захлопал агатовыми глазами:

– Простите...

– Это уголовная кличка.

– Но... само слово...

Черт, он же кавказский человек, спохватился сыщик, и пояснил:

– Снулый означает «вялый, анемичный». Обыкновенно так называют заснувшую пойманную рыбу. Мы подозреваем, что убийца имеет подходящую наружность. Если так, то наружность обманчива. Он безжалостный и опытный человек. Его преступная специальность – убийства на заказ.

– Кто же нанял этого негодяя?

– Кто-то из состоящих в должности.

– Но почему не рядовое ограбление? Залезли в квартиру, а хозяин там некстати оказался!

– Потому что лакей, ваш добрый знакомый, тоже убит. Но в другом месте. Его каким-то образом выманили из дома, зарезали, а тело пытались сжечь на костеобжигательном заводе. Согласитесь, на рядовое ограбление уже не похоже.

– Ну, не знаю!

– Зато я знаю. Не похоже. Кроме того, Снулый – специфическая личность. Он ограблениями квартир не промышляет.

Арабаджев задумался.

– Тогда мы все влипли. Теперь вы станете потрошить каждого из нас?

– Только тех, кто искал места. Хотя возможен и другой мотив – так сказать, половой. К убитому ходила какая-то дама, он собирался на ней жениться. Возможно, тут просто любовный треугольник. Вы знаете что-нибудь об этой особе?

– Видел однажды, мельком, и много слышал. Причем от Устина Алексеевича.

– И что же? – насторожился Лыков.

– Наш козлик отбил эту даму у Лерхе из Министерства иностранных дел.

– Сильно. А что дипломат?

– Да какой он дипломат! Штаны просиживает в канцелярии.

– Но как Лерхе отнесся к случившемуся?

– Плохо отнесся. Дал Устину по морде и вызвал на дуэль.

– А тот?

– А тот стерпел. И на дуэль не пошел, и в полицию не заявил. Иначе

кто бы его взял ко Двору! С побитой-то рожей... Но вы лучше узнайте подробности из первых рук.

– Непременно узнаю, Василий Михайлович. Случай с Лерхе интересный, за него спасибо. Но, как выясняется, вы близко знали покойного. А начали нашу беседу со лжи.

– Каюсь, Алексей Николаевич. Понимал, что в истории с лакеем выгляжу некрасиво. Сознаваться в таком кому охота? Но заказать смерть человека... Это уже не про меня!

– А про кого? Кто из состоящих в должности больше других хотел в штат? До такой степени хотел, что ни перед чем не остановится?

Лыков спрашивал, а сам внимательно наблюдал за мимикой собеседника. Но тот лишь пожал плечами:

– Вы сыщик, вот и ищите. По мне – так никто. Человек нашего круга – а все состоящие – фигуры примерно одного калибра – неспособен на такое. Даже технически. Как найти в Петербурге наемного убийцу? Понятия не имею! И Дуткин с Лерхе тоже. И Бутенев. Что-то у вас не склеивается в версии. Нет. Мне кажется, тут просто деньги. Обычное ограбление. А церемониймейстеры ни при чем.

На этом беседа закончилась. Арабаджев ушел, а Лыков задумался. Коллежский ассессор ему не понравился. Скрытый, лживый. Такому веры нет. Он нанял Снулого? Вполне возможно. И эта азиатская кровь... Там народ особенный, у них в ходу фокусы, какие европейцу и на ум не придут. Оставляем в подозреваемых.

И в то же время Арабаджев дал две подсказки. Первая касается денег. Они у покойника действительно не водились. А незадолго до смерти он вдруг разбогател. На какую сумму, выяснить не удалось. Лыков в первый же день разослал в банки и банковские конторы Петербурга запросы. И получил одинаковые ответы: счетов и вкладов У. А. Дашевского у них нет. И никогда не было. Средства если и были, то в наличной форме, на квартире. Мог Снулый узнать про них и оскоромиться, пойти на убийство с целью ограбления? Запросто. Дурак лакей разболтал в пивной, да еще и приукрасил. Дошло до наемного убийцы. Дальше известно... Тогда церемониймейстеры и правда не при делах.

Вторая подсказка – это Лерхе. Дашевский отбил у него женщину. Чем не мотив? А если там еще двадцать тысяч годового дохода, как передавал домовладелец, то совсем убедительно получается.

Через два часа отправлялся поезд до Петергофа. Алексей решил, что он успеет навеститься в канцелярию Морского министерства. Надо

расспросить сухопутных мореплавателей о Бутеневе.

Сыщик явился «под шпиль» и начал с вице-директора капитана первого ранга Пещурова. Тот принял посетителя настороженно. Что делает Департамент полиции в их гавани?

– Под вашим началом служит коллежский секретарь Георгий Алексеевич Бутенев. Мне необходима справка о нем.

Моряк неожиданно смутился.

– А... что именно вас интересует?

– Я дознаю убийство некоего Дашевского. Он состоял в должности церемониймейстера. Я веду перекрестный опрос всех, кто имеет такое же звание. Как мне увидеться с Бутеневым?

Пещуров торопливо встал.

– Извините, господин Лыков, я должен известить о вашем требовании директора канцелярии!

Алексею пришлось вернуться в приемную. Пещуров ушел к начальству и не показывался оттуда десять минут. За это время секретарь срочно соединил директора с кем-то через телефон. Забегали туда-сюда курьеры. Чувствовалось, что приход сыщика переполошил морских бюрократов.

Наконец капитан первого ранга вышел и сказал:

– Вопрос решен. Прошу вас пока обождать в моем кабинете. Скоро явится лицо, уполномоченное дать необходимые разъяснения. Не желаете ли покуда чаю?

«Фу-ты ну-ты, что же я копнул?» – подумал Алексей, возвращаясь к вице-директору. Он согласился на чай и молчал, беспокоясь, что может опоздать на поезд. «Уполномоченное лицо» все не появлялось. Лишь через четверть часа в кабинет зашел хорошо одетый господин с огромными холеными усами. Он, не здороваясь, глянул на Пещурова. Тот схватил со стола какие-то бумаги и выбежал со словами «Дела! Дела!».

– Позвольте представиться, – доброжелательно улыбнулся вошедший. – Ипполит Ефстифеевич Костанжогло, статский советник в звании камергера, управляющий Малым Двором Его Высочества великого князя Алексея Александровича. Что опять натворил наш проказник?

Лыков начал догадываться.

– А Бутенев – ваш проказник?

Он сделал ударение на слове «ваш».

Костанжогло очень по-светски рассмеялся. Чувствовалось, что он человек тертый и умеет улаживать дела.

– Чей же еще?! Увы, наш. Прошу рассказать, чем вызван интерес к

нему со стороны Департамента полиции. После чего я дам необходимые пояснения.

Глядя на умное лицо собеседника, сыщик понял, что надо изложить все предельно честно.

– Зарезан некто Дашевский, состоящий в должности церемониймейстера. Мне поручено вести дознание.

Статский советник молча кивнул, не сводя с Лыкова внимательных глаз.

– Одна из версий дознания касается состоящих в той же должности. В Экспедиции церемониальных дел появилась вакансия. Прошение на ее замещение подали пятеро, в том числе и... проказник. Возникло сильное соперничество...

– Понял, – прервал сыщика Костанжогло. – Вы подозреваете убийство на заказ, а заказчиком может быть Бутенев. Так?

– Да. На подозрении все четверо, и он тоже.

– Ну, это еще не самое худшее, – с облегчением вздохнул статский советник. – А я уж не знал, что думать!

– Тогда успокойте, пожалуйста, и меня.

– Охотно! Георгий Алексеевич Бутенев – незаконнорожденный сын генерал-адмирала. Вы, конечно, знаете, что Его Высочество единственный из старших великих князей живет холостяком. И... ведет соответствующий образ жизни. От этого иногда появляются неприятные последствия. В виде бастардов.

– Продолжайте.

– Один из таких бастардов общеизвестен. Вы должны были слышать про графа Белёвского.

Лыков слышал. Камергер говорил о сыне Алексея Александровича и фрейлины Жуковской, дочери нашего замечательного поэта.

– Мальчику было четыре года, когда ему в Италии купили титул барона Седжиано. Затем в восемьдесят четвертом году государь присвоил ему уже отечественный титул графа Белёвского – в память о его знаменитом деде^[27]. Сейчас граф Алексей Алексеевич служит вольноопределяющимся в Сумском драгунском полку и скоро будет произведен в офицеры.

– Какое отношение это имеет к Бутеневу? Он-то почему не граф?

Костанжогло впервые за всю беседу поморщился.

– Тут совсем другая история. Мать Георгия из самого обычного рода. Она хоть и дворянка, но во втором поколении – отец ее выслужил дворянство из мещан. И сам Жорж... Сказать по правде, он надоел тут

всем. К отцу, великому князю, его, конечно, не допускают. Его Высочество именно мне поручил общаться со своим отпрыском и отражать его молодецкие натиски. Так тот замучил бесконечными просьбами! Молодому человеку и без того уже многое дано. Место, на котором он никогда не появляется. Звание состоящего в должности церемониймейстера. Чин коллежского секретаря – без образования, кстати. Но молокососу все мало!

Управляющий Двором замолчал, усилием воли вернул себе спокойствие и продолжил:

– Пример графа Белёвского не идет у Жоржа из головы. Он тоже требует титул и содержание. Не желая понимать разницу в положении его матери и госпожи Жуковской. Совсем еще молодой, а характер уже чудовищный. Ощущает в своих жилах августейшую кровь и считает себя выше окружающих. Хамит даже мне! Мы с Его Высочеством отчаялись. Не знаем, что делать.

– Все это невесело, – вставил Лыков, – но как с ответом на мой вопрос?

– Я уже подошел к ответу. Действительно, когда у князя Долгорукова освободилось место, Жорж тут же подал прошение. Я сам ему это посоветовал. Полагая, что князь согласится – он ведь сделает одолжение Алексею Александровичу! Но тот неожиданно уперся, у него уже был свой фаворит. И тогда две недели назад генерал-адмирал упросил государя произвести Бутенева в камер-юнкеры. Об этом должно быть объявлено на Рождество.

– И Бутеневу об этом сообщили?

– Я же и сообщил.

– То есть он не имел никаких мотивов желать Дашевскому зла?

– Совершенно верно.

Лыков встал.

– Благодарю вас, Ипполит Ефстифеевич, за исчерпывающие объяснения!

В Петергофе Алексея сразу же провели к начальнику Дворцовой полиции. Тот сидел со своим помощником надворным советником Знамеровским. На столе лежали бумаги. Было ясно, что охранители готовили ответ на запрос Лыкова. Ширинкин познакомил двух надворных советников и поинтересовался первым делом:

– Вы встретились с Салтыковым?

– Да, но он ничем мне не помог.

– Неужели тоже отказался говорить?

– Нет, болтал он много, но не о том, что меня волновало. Долгоруков не допускает светлейшего князя до серьезных дел.

Знамеровский хмыкнул:

– И это наш Двор! Скопище дармоедов!

Ширинкин пропустил эту крамольную фразу мимо ушей и сказал довольно:

– Вот мы, Дворцовая полиция, будем вам полезны. Ответ готов!

– Сейчас попробую догадаться, – пошутил Алексей. – И князь Мещерский, и граф Татищев не заинтересованы в переходе в Экспедицию церемониальных дел. Поскольку там нечего украсть. Так?

Ширинкин со Знамеровским переглянулись, после чего полковник спросил:

– Имеете при Дворе свою агентуру, Алексей Николаевич?

Лыков промолчал, а полковник продолжил:

– Как же, как же! Слышали про Особенную часть Департамента полиции!

Сыщик дипломатично ответил:

– Рад, что наши выводы совпадают, но хотелось бы узнать подробности.

– Запросто!

Ширинкин посмотрел в лежащие перед ним бумаги.

– Начнем с Мещерского. В Гофмаршальской части он заведует содержанием обеденных столов первого класса. Их всего три: собственно императорский, затем гофмаршальский – для дежурных кавалеров и гостей Двора – и стол обер-гофмейстерины – там питаются придворные дамы. На днях ему отдадут и другие столы: для караульных офицеров, адъютантов и пажей, а также «общую столовую», где кормят старших служителей Двора. От такого Эльдорадо Мещерский по своей воле никуда не уйдет. Только если взашей.

– Неужели на еде можно так озолотиться? – удивился Лыков.

– Еще как можно! – ответил за шефа Знамеровский. – Все лучшие рестораны Петербурга скупают в Гофмаршальской части царские вина и даже объедки. Ведь там только первоклассные продукты. А уступят их за треть цены! Осенью, когда царская семья возвращается из Ливадии, с ними вместе везут целый вагон пустых бутылок.

– Зачем? – поразился сыщик.

– Прислуга ставит их в императорские винные погреба вместо полных. А полные забирает себе.

– Куда же смотрит начальство?

Дворцовые полицейские дружно скривились.

– Так всегда было, будет и впредь, – ответил Ширинкин.

– Хорошо, с князем Мещерским я понял. А граф Татищев? Занят коммерцией вместе со своим родственником Липатовым?

Полковник погрозил сыщику пальцем:

– Алексей Николаевич! Мы вам, оказывается, вовсе не нужны! Так нечестно! Мы старались, а вы...

– А я буду признателен за подробности.

– Подробностей не знает никто. Все шито-крыто.

Знамеровский добавил:

– Ваше МВД готовит программу переселения крестьян из малоземельных губерний Центральной России в Западную Сибирь. Крестьянам решено отдать удельные земли. С этой целью Департаменту уделов приказано скупить вокруг них большие частные владения. Всем этим занимается Четвертое делопроизводство, где ключевая фигура – граф Татищев. Упомянутый вами главный удельный стряпчий Липатов действительно его двоюродный дядя. И они проворачивают аферизм вместе. Завышают цену имения, а разницу потом получают с продавца.

– И здесь тоже ничего нельзя поделаться?

Ширинкин вздохнул.

– Да не боюсь я эту свору. Не боюсь. Но и решаю не я. Генералу Черевину все доложено. Но он велит одно: оставить без последствий.

– Для чего же тогда ваша служба?

– Да уж не для того, чтобы ловить за руку камер-лакеев. Мы охраняем жизнь Его Величества.

Лыков не удержался и с досады съязвил:

– Да у вас тут давно безработица! Все террористы разбежались!

Знамеровский покосился на полковника. Тот кивнул:

– Скажи. Ему можно – он за государя грудь подставил.

Помощник начальника Дворцовой полиции спросил Алексея:

– Вы слышали про взрыв в Швейцарии? Несколько лет назад. Департамент должен знать.

– Это 6 марта 1889 года?

– Он самый. Подробности помните?

– Нет. Моя специализация – уголовный сыск. Знаю только, что террористы испытывали бомбу и один из них при этом погиб.

Знамеровский подтвердил:

– Все правильно. Погибшего звали Исаак Дембо. Он снаряжал бомбы еще для Генералова с Ульяновым. Сбежал потом в Швейцарию, но не

угомонился. Террористы составили план нового покушения на государя. И вот Дембо вместе с помощником отправились в овраг Петерстобель испытывать заряды. Бросают – а те не взрываются. Тогда этот жидок добавил еще гремучекислей ртути, а сам говорит товарищу: смотри, опять недостаточно, снова не взорвется! И бросил бомбу под ноги...

– А она возьми да и взорвись! – продолжил Ширинкин. – Дембо сдох через сутки, но его напарник, раненый, добежал до больницы. И выжил. Его зовут Александр Дембский, он поляк. Сейчас он снаряжает новые заряды. И собирается приехать с ними в Россию. Так что, Алексей Николаевич, оставляем ваши последние слова на вашей совести. Нам тут не до воровства провизии с царской кухни. Есть дела поважнее.

Лыков планировал ход дознания. Трое подозреваемых вчера отсеялись. О каждом из них сыщик узнал много неприглядного, но к убийству Дашевского это отношения не имело. Что ж, область поиска сузилась вдвое – уже хорошо.

Из оставшихся в подозрении Лыков встретился лишь с одним. И впечатление составил такое, что господин Арабаджев мог быть заказчиком убийства. Мог. История с мировым судом сильно ему не понравилась. Натравить хозяина с лакеем друг на друга! В сущности, хитрец манипулировал обоими простаками. Дважды сводить Петрова на консультации, заплатить за них, а потом еще явиться в заседание и там подсказывать... И все для того, чтобы замарать конкурента. Нерядовой ход! В то же время от соучастия в убийстве все это очень далеко. История показывает лишь, что Арабаджев интриган. И не более того.

Но Лыков не снял с коллежского асессора подозрение. Его настораживала смена им вероисповедания. Магометане очень редко переходят в православие, такие случаи единичны. Объяснение этому, скорее всего, в карьерных устремлениях Арабаджева. Придворные сферы терпимы к лютеранам, не любят католиков и высокомерно относятся к магометанам. Не то чтобы тех вообще не было при Дворе, но карьеру им сделать трудно. Военным еще куда ни шло: или в СЕИВ конвой, или в придворно-конюшенную часть. Алексей знал, к примеру, берейтора подполковника Татар-хана Альбогачева. Восточный человек занимался выездкой придворных лошадей и был очень доволен своим положением. Но для честолюбивого чиновника ислам был преградой. И если он ради служебного роста изменил вере отцов, значит, способен на все. Тогда он оголтелый. А именно такого Алексей и искал.

Теперь двое других: дипломат Лерхе и финансист Дуткин. Про Лерхе

Василий Мансурович уже сказал весьма интересную вещь. Незнакомка, что навещала убитого, должна быть дипломату очень даже знакома. Если она сменила предмет сердца, а при этом еще и богата, версия получается шик и блеск. Надо идти в МИД. После обеда наступит очередь и господина Дуткина. Как он тогда сказал Валевачеву? Каждый из состоящих, стремясь обелить себя, станет валить на остальных. Набросают они большую кучу всякого сора, и в этой куче будет подсказка. Главное – ее не проглядеть.

Перед тем как уйти, надворный советник наставил свое воинство. Помощнику велел сосредоточиться на поисках Ефима Цыферова. Фотопортрет его Юрий с трудом, но раздобыл. Теперь предстояла нудная техническая работа: вооружить им всех столичных околоточных и провести с ними инструктаж. Сделать это можно лишь при содействии людей Воцинина. Вот пусть парень и поработает с кадром. Облазит все участки, познакомится с тамошней публикой, понюхает, чем пахнет трудная полицейская лямка. Лыкову его помощник нравился. А это означало, что легкой жизни у Валевачева теперь не будет. Что ж, и с самим Алексеем так случилось, когда его заметил и выделил Благово. Посмотрим, хватит ли у надворного советника педагогических талантов...

Шустов тоже получил указания. Начальник сразу его огорошил:

– Формуляр из Морского министерства больше не нужен.

– Как? – захлопал тот глазами. – А я уж коньяк купил. «Финшампань»!

– Выпейте его при случае, – благосклонно разрешил Лыков. – Из Министерства иностранных дел тоже не надо. Я сейчас туда пойду и сам заберу. А вот из финансового нужно, и срочно. Ко второй половине дня успеете?

– Постараюсь.

– И вызовите мне сегодня же к восьми часам пополудни агента Борис на Тверскую.

Агентом по кличке Борис был директор Петербургско-Тульского земельного банка. Лыков не беспокоил его больше месяца и считал полезным расспросить о новостях. А также выяснить, не знаком ли банкир с неким Дуткиным из министерства финансов.

– И последнее, Сергей Фирсович. В пять часов я вам надиктую рапорт для Дурново о ходе дознания. Будьте на месте.

– Слушаюсь!

Разогнав подчиненных, сыщик отправился на Дворцовую площадь. Он был знаком со старшим советником МИДа графом Ламздорфом. Свел их в свое время Павел Афанасьевич, которого у Певческого моста весьма уважали.

Граф попался Лыкову на выходе из кабинета министра. Увидев гостя, он переменился в лице.

– Что случилось, Алексей Николаевич? Когда ваш шеф пришел ко мне в последний раз, выяснилось, что у нас пропал сверхсекретный протокол!

– Увы, Владимир Николаевич, сейчас дела еще хуже. Британский посол пойман на облаве в «Вяземской лавре», при нем найдены краденые вещи.

Ламздорф неуверенно хихикнул и кивнул:

– Спустимся ко мне.

Когда дипломат и сыщик уединились, последний сказал:

– Мне нужна справка о Лерхе из канцелярии.

Граф удивился, но не стал спрашивать, что да почему. Чуть склонив лысеющую голову, он ответил:

– Викентий Леонидович служит там четвертым секретарем, ведет внутреннюю переписку министерства. Брал его я, в бытность директором канцелярии. Что вас интересует?

– Характер, наклонности и особенно карьерные устремления.

– Лерхе очень порядочный! – веско заявил граф.

– Вот и хорошо. А то я сейчас расследую преступление в придворных сферах, так впору разувериться, что остались порядочные люди...

Старший советник пропустил эту фразу мимо ушей и продолжил:

– Он старательный и ответственный работник. По характеру сдержан, излишне скромен. Викентию Леонидовичу не хватает настойчивости защищать свои собственные интересы. Чем пользуются окружающие.

– Поясните, пожалуйста.

– Он уже шесть лет занимается внутренней корреспонденцией. Это самое скучное, что есть в министерстве. Другие, с кем Лерхе начинал, все за границей, на хороших местах. А он по-прежнему дома перекладывает бумажки. Это уже излишняя скромность!

– Я слышал, ваш тихоня способен-таки на поступок. Одного соперника он вызвал на дуэль.

– Неужели? – изумился граф. – Мне об этом ничего не известно!

– Он намеревался жениться?

– Понятия не имею! Повторю: Викентий Леонидович очень закрытый, никого в душу к себе не впускает. И в этом похож на меня...

– Лерхе состоит в должности церемониймейстера.

– Если бы вы знали, каких трудов это нам стоило с Николаем Карловичем!^[28] Государь держит дипломатов в загоне.

«Я вас, сукиных детей, вообще бы разогнал», – подумал Лыков. Когда

его карьера висела на волоске из-за нападок МИДа, тот же Ламздорф пальцем о палец не ударил, чтобы помочь сыщику. Но вслух Алексей сказал другое:

– Недавно в Экспедиции церемониальных дел появилась вакансия штатного церемониймейстера. Вам известно, что Лерхе подал прошение министру Двора о ее замещении?

– Нет... – растерялся Ламздорф и совсем раскис. – Это моя вина. Моя и Олы.

– Олы?

– Ну, Владимира Сергеевича Оболенского, директора нашей канцелярии. Лерхе служит и служит и ни о чем для себя не просит. Вот его и позабыли!

– Хоть орден ему дайте, – шутя посоветовал Лыков. – Пока не ушел.

Но старший советник расстроился еще сильнее. Он, видимо, любил расстраиваться и делал это охотно.

– Какой орден! Это невозможно! Квота министерства – тридцать шесть отличий в год. А право на них имеют уже больше ста человек. Нет, не любит нас Его Величество...

– Владимир Николаевич, спасибо за беседу. Остались еще два дела. Мне нужна копия формуляра Лерхе...

– Я сейчас видел ее на столе у министра. Он даже удивился: запрос из МВД пришел в пятницу, а сегодня уже готов ответ! А говорят, что мы разводим волокиту...

– Отдайте мне его, пожалуйста, в руки.

– Хорошо. А второе дело?

– Я должен переговорить с Лерхе. Можно у вас в тихом месте, можно у меня в департаменте, без разницы.

– А... в чем он провинился перед законом?

– Ни в чем. Но убит некто Дашевский, состоящий, как и Лерхе, в должности церемониймейстера. Я опрашиваю всех состоящих.

– Понятно. Сам я ему приказать не могу, он не мой подчиненный. А Оболенский опять где-то гуляет. Давайте лучше так. Я сейчас заберу у Николая Карловича копию формуляра и заодно передам вашу просьбу. Тот уже как министр велит Викентию Леонидовичу явиться к вам на Фонтанку, скажем, часа через два. Устраивает?

– Вполне, благодарю вас.

– Но что я должен сказать шефу? Это будет допрос или что-то иное?

– Это будет беседа. Просто беседа.

Через два часа, как и было обещано, Лерхе зашел в кабинет к Лыкову. Он оказался одного возраста с Алексеем. При виде дипломата тот вспомнил лермонтовское «русский немец белокурый» – сыщик часто дразнил так барона Витьку. Викентий Леонидович был чем-то похож на Таубе: такой же высокий блондин с правильными чертами лица. И глаза тоже живые и думающие. Только в повадке сквозила какая-то внутренняя скованность, чего и в помине не было у барона. Лерхе сразу понравился Лыкову. Он даже подумал: пусть заказчиком убийства будет не этот человек!

– Здравствуйте, Викентий Леонидович. Я Алексей Николаевич Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции в седьмом классе. Ищу убийцу известного вам Дашевского. В рамках этого беседую со всеми состоящими в должности церемониймейстера, что подавали прошение.

Лерхе слушал внимательно и напряженно. Он молча кивнул, точь-в-точь как Арабаджев, и Алексей продолжил:

– Вот и до вас дошла очередь. Скажите, вы хорошо знали покойного?

– А что это такое: хорошо знать? – спросил в ответ собеседник. Это прозвучало резко и даже враждебно, поэтому он поспешил смягчить фразу:

– Мы, дипломаты, любим точные формулировки. Так мне легче будет ответить.

– Я поясню, – примирительно-спокойно сказал сыщик. – Меня интересует степень вашего знакомства. Бывали ли вы у Дашевского в доме, проводили ли вместе свободное время, одалживали деньгами или сами одалживались...

Лерхе тут же уцепился за окончание фразы:

– Нет, и не брал в долг, и не давал.

– А кто давал в долг Устину Алексеевичу?

– Спросите об этом у другого состоящего – у Дуткина.

– Понял, – Лыков сделал короткую пометку в блокноте. – А в гости-то ходили?

– Не помню, – отрезал Лерхе. – Близких отношений между нами не было и быть не могло.

– По причине характера убитого? – осторожно спросил Лыков.

Дипломат удивился:

– Вы уже поняли его характер?

– Да. История с ложным доносом на собственного начальника... Он ведь такой ценой купил благосклонность князя Долгорукова?

Собеседник внезапно покраснел – от злости.

– Дашевский был просто негодяй! Вот убили его, а мне несколько не жалко! Понимаю, что не по-христиански, но ни на грош не скорблю!

- За что же вы пытались вызвать его на дуэль?
- Не пытался, а именно что вызвал, – с достоинством поправил сыщика Викентий Леонидович. – А он, трусливое ничтожество, отказался.
- И тогда вы его ударили, – продолжил Лыков.
- Да, – признал это Лерхе. – Ударил. Хотел при свидетелях, но Устин от меня бегал. Даже однажды взапуски, по улице, как попавшийся воришка. Удалось мне его ударить только на квартире, в присутствии одного лакея.
- И даже после оскорбления действием Дашевский отказался с вами драться, – констатировал сыщик.
- Разумеется! Человеку без чести это не препятствие. Ему хоть плюй в глаза, все божья роса.
- Вы хотели таким образом очернить Дашевского, чтобы он не был назначен на штатную придворную должность?
- Вот еще! – оскорбился дипломат. – Он получил по мордасам совсем за другое.
- За что именно?
- Лерхе замолчал, тоскливо глядя поверх головы Алексея куда-то в стену. Потом решительно заявил:
- На этот вопрос я отвечать не стану.
- В нем замешана женщина и вы не хотите ее впутывать?
- Да.
- Викентий Леонидович, – как мог, мягко начал Лыков. – Я ведь все равно узнаю, кто она. И вызову сюда, и буду расспрашивать... Отмолчаться не удастся никому. Убит человек. Вы только усложняете мне дознание. Прошу вас ответить на мой вопрос.
- Узнавайте сами! – резко заявил Лерхе. – Узнавайте, чего там! Но не от меня.
- Вы себя загоняете в список главных подозреваемых. Ведь дуэль подразумевает возможность смертельного исхода! То есть вы готовы были убить Дашевского, желали его смерти, так?
- Убить эту дрянь я действительно был готов. Но на честном поединке, в присутствии секундантов. Там шансы обоюдны – я, честно говоря, никудышный стрелок. А кстати, как и когда прикончили Устина Обезьяновича?
- В воскресенье, ударили ножом под лопатку.
- В воскресенье? Тогда у меня алиби! Я весь день был на людях.
- Убить человека ножом не так просто, – возразил сыщик. – Большинство церемониймейстеров на это неспособно. Мне известно, что смертельный удар нанес некто Снулый, профессионалист в подобных

делах. Так что ваше алиби никого не интересует.

– Снулый? Это рыба или человек?

– Это опасный преступник.

– И для чего он задвинул Обезьяновичу нож под лопатку?

– Полагаю, Снулому сделали такой заказ. Кто-то из состоящих, чтобы устранить соперника в борьбе за место. Или один ревнивец, чтобы отомстить за женщину.

– Вы меня, значит, имеете в виду? – вскинулся Лерхе. – Это я заказал убийство, по-вашему?

– Я допускаю такую версию и пока не вижу в ней противоречий, – сдержанно ответил Лыков. – А вы так подходите по обеим версиям! И места жаждали, и отомстить за даму сердца хотели. Вот видите?

– Что я вижу? – взорвался Викентий Леонидович. – Что? Пока я вижу перед собой тупую ищейку, которая хочет обвинить меня в преступлении, которого я не совершал!

– «Тупого» я вам, так и быть, прощу, учитывая ваше состояние. На первый раз... А видеть вы должны, что дела ваши плохи. Незнакомую даму мы действительно скоро отыщем. И она расскажет на суде, как вы ее ревновали и желали наказать счастливого соперника. А вы, вместо того чтобы помочь мне поймать настоящего преступника, играете в благородство! Ну? Будете говорить правду?

Лерхе молчал, гоня желваки по тонкому лицу.

– Не боитесь на каторгу пойти? – продолжил Алексей. – Ведь ошибочные приговоры случаются. А тут такой мотив! Мне и искать больше никого не надо. Изловлю Снулого, он покажет на вас – и каюк.

– Почему это он покажет на меня? – опешил дипломат.

– Потому что преступники часто так делают. Настоящий заказчик нужен убийце на воле, чтобы можно было его шантажировать. Пусть тот деньги на каторгу высылает. Я ведь был на Сахалине, видел все своими глазами. С денежным источником Снулый купит кого полагается и сбежит с острова. А вы останетесь кандалами звенеть.

Лерхе, пораженный такой перспективой, молчал. А сыщик продолжал налегать:

– Поверьте, я знаю, что говорю. Многие нарочно указывают на невинных людей, чтобы продлить следствие. Или уже с каторги делают «признание», впутывают кого попало, с целью покататься взад-вперед. Ведь их тогда вызывают в столицу, снова помещают в следственную тюрьму... А вы? Вы будете доказывать двенадцати присяжным свою невиновность. Что, если не докажете? Поймите, я ваш союзник, если нас

обоих интересует правда. Так помогите же мне наконец!

Викентий Леонидович размышлял – медленно, трудно, словно катал камни. Потом он заявил:

– Нет. Она пренебрегла моей любовью и погналась за светской мишурой. Но вас это не касается. Это никого, кроме нас с ней, не касается! И еще: дело вовсе не в ней, дело уже во мне. Впутывать в грязь даму недостойно порядочного человека. Даже если она ему изменила. Да притом всю историю станут склонять в суде... Значит, так. Я не имею к смерти Дашевского никакого отношения. Но не знаю, как доказать это. Тот путь, что вы предлагаете, мне не подходит. Найдите настоящего злодея. И да поможет вам Бог... Я могу идти?

Алексей вынужден был отпустить излишне щепетильного подозреваемого. Он чувствовал досаду. Человек сам себя загонял в угол, да еще и кичился этим! Придется устанавливать личность таинственной сердцеедки другим путем. Лыков только храбрился, утверждая, что это легко. На деле было не так. Время, уйдет драгоценное время! Любой сыщик знает, что преступление разгадывается почти всегда по горячим следам. С каждым днем шансы будут уменьшаться. А тут эта дурацкая игра в благородство.

Но подсказку Лерхе все-таки дал. Он намекнул, что деньгами убитого снабжал Дуткин. А не сообщит ли финансист, в порядке ответной любезности, фамилию дамы? Похоже, состоящие в должности знали друг про друга много интересного. И охотно делились пикантными подробностями с сыщиком.

Лыков раскрыл формуляр Лерхе, но разговор с дипломатом не шел у него из головы. Когда сыщик впервые увидел его, то подумал: «Вот бы не этот был соучастником убийства! Наверное, это из-за сходства с бароном Витькой. А сейчас, после беседы? Не знаю», – сам себе ответил Алексей. Благородство Лерхе было какое-то показное, гипертрофированное. Даму он защищал... И готов идти на каторгу, лишь бы не выдать ее? Да ведь так в жизни не бывает! Только в романах. Значит, поза джентльмена выбрана Лерхе нарочно, чтобы отвести от себя подозрения? Вполне вероятно.

Пытаясь найти еще какие-нибудь зацепки, Лыков изучил формуляр. И обнаружил интересную запись. Викентий Леонидович отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся во Втором лейб-гвардии стрелковом батальоне. Но ведь там образцово поставлено обучение стрельбе! Лерхе же обмолвился, что шансы на дуэли у них с Дашевским были равными. Поскольку-де стрелок он аховый. Ой, соврал дипломат! А маленькая ложь рождает большое подозрение. И еще: услышав про Снулого, Лерхе совсем

не удивился. Спросил лишь, человек это или рыба. Но фраза прозвучала так, словно была приготовлена заранее. М-да...

Размышления сыщика прервал Шустов. Он принес бумаги на последнего подозреваемого, титулярного советника Дуткина. Алексей решил вызвать его в Департамент полиции обычной повесткой, переданной через телефон. Финансисты считают себя элитой – вот пусть попляшут! На Фонтанку, 16, просто так не приглашают. Дуткин сейчас как на иголках. Сыщик испытывал к служащим министерства финансов беспричинную народную неприязнь и не собирался церемониться с гостем.

Итак, Дуткин Илиодор Иванович. Из потомственных дворян. Отец – коллежский советник в отставке, был управляющим Тверской казенной палатой. Странно: генеральская должность, а он остался высокоблагородием... Уволен в отставку без прошения! Проворовался, что ли?

Далее оказалось еще интереснее. Скромный титулярный советник состоял пайщиком в четырех торгово-промышленных товариществах! Мог и не служить, но вот служит... Теперь понятно, из каких капиталов давал он в долг покойному Дашевскому.

Едва Алексей успел дочитать формуляр, как явился сам Дуткин. Среднего роста, полный, с заурядным простодушным лицом, на котором нелепо смотрелись фатоватые усы. Сколько же средств уходило у толстяка на фиксатур и подусники? И как же это украшение ему не идет... В голове у Лыкова вдруг сама собой выскочила формула: Арабаджев – Интриган, Лерхе – Джентльмен, а Дуткин – Простак. Или это очередная маска?

Финансист был напуган вызовом и даже не думал храбриться. Волнуясь, он назвал себя. Лыков предложил ему сесть. Дуткин сел на краешек стула, сложил пухлые руки на коленях и выжидательно уставился на сыщика.

– Илиодор Иванович, – начал тот. – Я веду дознание по делу об убийстве Дашевского. Он вместе с вами состоял в должности церемониймейстера и тоже подавал прошение о зачислении в штат министерства Двора.

Лыков сделал паузу, но собеседник ничего не сказал. Он по-прежнему глядел на Алексея маленькими бараньими глазами. Чувствовалось, что слова сыщика проходят у него в голове какую-то предварительную обработку. И не сразу ложатся на ум...

Алексей помолчал и продолжил:

– Вы были с Устином Алексеевичем в близких отношениях?

– Нет, что вы!

– Но общались, бывали у него дома?

– Вы изволили заметить, что мы с господином Дашевским состояли в должности церемониймейстеров Высочайшего Двора, – ответил Дуткин. – Вот, собственно, все, что нас объединяло. Так не я один, все состоящие в должности знали Устина Алексеевича!

– А я со всеми и беседую. Арабаджев и Лерхе, например, оба бывали у него на Кабинетской. А вы?

Финансист несколько приободрился. Оказывается, не его одного вызвали на Фонтанку!

– Я тоже был, но лишь раз.

– Это когда деньги в долг давали?

Дуткина слово двинули обухом по голове. Он захлопал ресницами и по-детски растерянно раскрыл рот.

– Э-э... да. Но что, собственно, такого?

– Пока ничего, – строго ответил Лыков. – Однако посмотрим, как дальше пойдет. В ваших интересах рассказать мне все правдиво, от начала до конца. Какую сумму запросил Дашевский?

– Три тысячи.

– И вы согласились?

– А что оставалось? Он заявил, что за меньшее не согласится.

Лыков уже начал догадываться.

– Что он вам наплел? Что отзовет свое прошение?

– Не только отзовет, но и похлопочет перед князем Долгоруковым, чтобы место занял именно я! Как же было не дать?

– Расписку с Дашевского вы, разумеется, не взяли...

– Устин Алексеевич сказал, что мне должно хватить его честного слова. Подлец! Ах, подлец... Как можно так обманывать людей?

– Когда вы узнали, что Дашевский вас обманул и место осталось за ним, что предприняли?

– Пошел к нему на квартиру. Лакей не впустил, сказал, что хозяина нету. Я еще четыре раза ходил! Все без толку. Тогда утром встал у ворот, чтобы из окна было не видно, и ждал. Дашевский вышел, я к нему. Как же так, говорю... Хоть деньги верни. А он смеется... Дураков, говорит, надо учить, а то так дураками и помрут. Денег, мол, у тебя и без того много, не обеднеешь – это плата за науку! Представляете? Меня, которого всегда начальство отличает, дураком назвал!

– Деньги так и не вернул?

– Нет.

– Что еще вы сделали?

– Пошел сначала в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям императрицы Марии. Пожаловался камергеру Раевскому. Тот и слушать не стал! Сказал, что подлость Дашевского им и без того хорошо известна. И что они рады-радешеньки от него избавиться. Как же так, Алексей Николаевич? Как же так?!

– В каком смысле? – не понял Лыков.

– Ну, столь подлой души человек – и попал... почти попал в штат Высочайшего Двора! Разве можно туда эдаких людей?

– Бесчестные всегда делают более успешную карьеру, нежели честные, – пробовал утешить финансиста Алексей. Однако тот вскричал в отчаянии:

– Но не при Дворе же нашего августейшего монарха!

– Илиодор Иванович, давайте вернемся к делу. Вы были у Раевского. Еще к кому-нибудь ходили?

– Добился приема у самого князя Долгорукова.

– И как?

– Его сиятельство тут же при мне вызвал Дашевского и спросил, правда ли то, что я рассказываю. Тот ответил: это все ложь. Сопернику-де охота занять место, вот он и распускает клевету.

– И что Долгоруков?

– Спросил у меня, есть ли расписка. Я рассказал, как было.

– И?

– Его сиятельство изволил долго смеяться. Потом посерьезнел и потребовал от Дашевского дать слово дворянина, что не брал от меня денег в обмен на место.

– И тот, разумеется, дал?

– Не моргнув глазом!

– Понятно. И тогда вы стали обдумывать планы мести?

– Какие планы? – испугался Дуткин.

– Как наказать обманщика.

– О чем вы?

– Вскоре после этого Дашевского нашли с ножом в спине.

Титулярный советник испуганно посмотрел на свои пальцы. Словно только что смывал с них кровь, а сейчас вдруг обнаружил, что смыв не до конца... Потом сказал едва слышно:

– Это не я.

– А кто?

– Не знаю.

– Илиодор Иванович, ваше положение довольно серьезное. Вы ведь хотели стать церемониймейстером, правда?

– Ну...

– Погубил вашего обидчика некто Снулый. Он преступник, его специальность – убийства на заказ. Дознание выявило этот факт со всей определенностью. Значит, убийцу кто-то нанял. Причин для такого умысла может быть всего две. Или здесь любовная драма и замешана женщина. Или борьба за место в штате Экспедиции церемониальных дел. Во втором случае все состоящие в должности – под подозрением. Вы это понимаете?

– Понимаю, – торопливо ответил Дуткин. – А тут еще эти деньги... Я понимаю! Но как мне оправдаться? Никакого Снулого я не ведаю. Место? Места жаль, да. Хотел я его. Даже мечтал. По ночам снилось, как стою с жезлом, а мимо идет государь и кивает благосклонно. И три тыщи тоже жаль, что забрал мошенник Дашевский. Но... я уж смирился. Жизнь, скажу так, малосправедливая штука...

И обманутый финансист вздохнул. Простая мысль в его изложении прозвучала как-то по-новому, с особой убедительностью. Действительно, мало ведь в жизни справедливости! Лыкову стало жаль толстяка. И места не получил, и денег лишился. Да еще и дураком назвали. Но хорош же покойник! У каждого из состоящих была про него неприглядная история, каждого он обманул или обидел. И пролез ко Двору! Негодяю, видимо, казалось, что все у него в ажуре. Что он самый ловкий, самый хитрый. Денег хапнул, должность занял, к тому же невесту с приданым получил. Такой успех должен был опьянить Дашевского. И утвердить в мысли, что надо и дальше идти по головам. Но кто-то из тех, кого он обманул, обиделся. Всерьез обиделся и не простил. Везение закончилось ударом ножа в спину.

– Илиодор Иванович, – вновь начал Лыков. – А вы ничего такого не слышали о Лерхе?

– О Викентии Леонидовиче? Из иностранных дел?

– Да. Он ведь тоже состоящий и тоже подавал прошение министру Двора.

– Викентий Леонидович – порядочный человек, – убежденно ответил Дуткин. И даже с той же интонацией, как утром граф Ламздорф.

– И что из этого следует? – спросил Лыков, раздражаясь. У него порядочность дипломата вызывала сомнения.

– Ничего... – опять растерянно пробормотал титулярный советник. – Я

Лерхе, по правде сказать, толком и не знаю.

– Тогда поговорим о том, что знаете. Что за история была между ним и Устином Алексеевичем по поводу какой-то вдовы?

– Марии Евдокимовны? – обрадовался непонятно чему Дуткин.

– Молодая, богатая, двадцать тысяч годового дохода... Эти два господина не поделили ее?

– Мария Евдокимовна, – подтвердил финансист. – Я видел ее один раз в итальянской опере.

– Вы ходите в итальянскую оперу? – не смог удержаться сыщик. Но Дуткин воспринял это без обиды и пояснил:

– По своему званию состоящего в должности церемониймейстера Высочайшего Двора я считаю себя обязанным ходить туда.

Алексей пожал плечами:

– Я вон камер-юнкер, но больше люблю водевили в частных театрах.

– Вы состоите в звании камер-юнкера? О! Примите мои поздравления! Хотя его потом лишают, в отличие от придворных чинов, но все равно это большая честь! Алексей Николаевич, расскажите, пожалуйста, как вы удостоились?

– Ну, там нетипичный случай... – попытался уклониться Лыков.

– А все же! Прощу вас! Страсть как люблю такие истории.

– Я был награжден именным приказом государя за образцовое выполнение особо важного секретного поручения.

Дуткин крикнул и опять разинул рот:

– Вот это да!

– Но вернемся к той даме. Илиодор Иванович, вам известна ее фамилия?

– Нет. Только имя-отчество. Красивая и очень добрая.

– Добрая? Как вы это установили?

Титулярный советник смутился.

– Ну, она так приветливо со мной говорила... Безо всякой заносчивости, как с близким знакомым. Я, знаете ли, дикарь... очень застенчив и вообще... Дамам и девицам со мной неинтересно. А она удостоила. Добрая женщина!

– Мария Евдокимовна – петербургская жительница или приезжая?

– Не знаю. По манерам так прямо гранд-дама.

«Много ты понимаешь в гранд-дамах», – подумал Лыков и продолжил расспросы:

– Она была в опере с кем-то?

– Да оба вились вокруг нее, и Лерхе, и Дашевский.

– И кому отдавалось предпочтение?

– Скотине Дашевскому... – скрипнул зубами Простак. И Лыков впервые за всю беседу вдруг понял, что этот вполне мог заказать убийство.

– А что Лерхе, терпел? Это ведь он познакомил даму со своим соперником?

– Да, сам, по глупости. Викентий Леонидович потом при мне чуть не волосы рвал на голове, когда мы встретились с ним на большом выходе в Зимнем дворце. Вышли на лестницу покурить, и он рассказал кое-что. О том, как предложил Марии Евдокимовне руку и сердце, а Устин Обезьянович его перебил.

– Чем же?

– А он к своим руке и сердцу добавил еще и звание церемониймейстера. Принес ей письмо за подписью министра Двора, что именно его выбрали. Видать, для вдовы сие имело большое значение! Вот она Викентия Леонидыча и побоку...

– Что еще рассказал Лерхе?

– О! Там целый анекдот! Он вызвал обидчика на дуэль, но тот отказался. Дуэли ведь запрещены законом. Устин грозился пожаловаться в полицию! Что Лерхе его преследует и угрожает.

– И действительно обратился? Или только пуганул?

– Мне это неизвестно. Знаю лишь, что Викентий Леонидович все же отвесил Устину пощечину. Но даже после этого Дашевский драться не стал. А князю Долгорукову, когда тот спросил, правда ли это, сказал, что нет, никто его не бил. Вот же бесчестный человек! Его должны были рано или поздно зарезать!

– А как выглядит Мария Евдокимовна? Рост, цвет волос и глаз, особые приметы... Может быть, родинки или оспины на лице?

– Никаких оспин у нее нет, – вступился за даму титулярный советник. – Как выглядит? Красиво выглядит! Ростом с меня, волосы светло-русые, глаза... глаза, кажется, зеленые. Но может быть, и карие.

– Так зеленые или карие?

– Да не помню я! Один раз всего ее видел, тогда снег на улицах лежал. А сейчас июнь.

– Ладно. Что еще помните?

Дуткин задумался и стал похож на бегемотика. С дурацкими усами.

– Ну...

– Где живет Мария Евдокимовна, не звучало в разговоре?

– Нет. Вспомнил! – Дуткин радостно хлопнул себя по ляжкам. – Вспомнил важное! Устин стал прямо в опере говорить о богатстве вдовы, о

том, что у нее двадцать тысяч дохода. Остались от первого мужа, от его дела.

– И что?

– А она ответила: какое там дело, так, пустяки, сдаю лабазы в Мокрушах.

Лабазы в Мокрушах! Это торговое место возле Пенькового буяна было из числа старейших в Петербурге. Аренда складов там должна стоить хороших денег. Теперь веселую вдову легко обнаружат... Лыков обрадовался, но не подал виду. Нужно было дожимать толстяка.

– Господин Дуткин, – начал он строгим голосом. – Вы понимаете, что история с займом покойному ставит вас в положение подозреваемого?

Финансист весь сжался и стал словно бы меньше.

– Да. Если б я знал... Дурень, вот же дурень!

– Я настоятельно советую вам ничего не утаивать.

– Ничего не утаил, все-все рассказал!

– Хорошо. Я верю вам. Вы человек умный и опытный, сами себе вредить не станете. Идите. И будьте готовы к тому, что следующая наша встреча будет уже не беседой, а официальным разговором.

На другой день Лыков опять вызвал Арабаджева.

– Василий Михайлович, прошу вас разъяснить некоторые неясные для меня моменты, – начал он. – В восемьдесят четвертом году вы подали прошение о поступлении на коронную службу в наше министерство. Так?

Коллежский асессор подтвердил.

– Но как вы могли выйти из Новороссийского университета кандидатом права?

– А почему же не мог? – удивился Арабаджев.

– Потому что эта ученая степень была отменена за год до того.

– В самом деле? Странно...

– Очень странно, Василий Михайлович. Что скажете в объяснение?

– М-м... Давно дело было...

– Вспомните, пожалуйста, иначе мне придется посылать запрос в Одессу.

Что-то мелькнуло в лице бакинца, но он мгновенно овладел собой:

– Да уже вспомнил! Меня же после окончания курса оставили профессорским стипендиатом^[29] при кафедре обычного права. За успехи в учебе. И я стал готовить магистерскую диссертацию. Решил, так сказать, пойти по ученой стезе. Написать ее я написал, а вот защищать передумал.

– Почему?

– Сложный вопрос, Алексей Николаевич, – серьезно ответил

Арабаджев. – Видите ли, во мне тогда произошел внутренний разлад. Причина банальная: неразделенная любовь. Старо, как мир... Я влюбился, сделал предложение – и получил отказ.

– Кто она была?

– Дочь полковника из штаба округа. Но не хочется ворошить ту историю, она слишком интимна.

– Хорошо, я не буду спрашивать лишнего. Вы решили уехать из города?

– Да. Порвать все старые связи и отправиться туда, где меня никто не знает. Еще я принял православие. По тем же причинам.

– В каком смысле?

– Ну, вследствие духовного переворота.

– А! Понятно. Но что же с кандидатом права?

– Когда я отказался защищать магистерскую диссертацию, мне оформили прежнюю, кандидатскую. Так и получилось, что я вышел из университета с той ученой степенью, которая год как уже была отменена. И этот же год оказался потерянным для службы.

Объяснение было правдоподобным, и говорил Василий Михайлович убедительно. Грустная улыбка, печаль в глазах... Голос его дрогнул, когда он вспомнил давнюю историю. Скорее всего, его старая вера явилась одной из причин отказа барышни. Арабаджев почувствовал, что он человек второго сорта для главной нации. А тут еще мать умерла, и некого стало стесняться...

Сыщик отпустил бакинца, а сам принялся обдумывать услышанное. На этот раз Арабаджев ему понравился. Стали понятны его замкнутость и настороженность. Человек много лет один. Привык никому не верить и надеяться только на себя. Ни родителей, ни семьи. Считают ли его петербургские снобы за равного или смеются за спиной – мол, дикий человек, как его ни крести? Кто знает? Такие люди успешны в карьере, ибо для них это единственный путь вверх. Арабаджев хорошо продвигается по службе. Все сходится.

Но эта гримаса! Когда Василий Михайлович услышал про запрос, выдержка на секунду изменила ему. Запроса он испугался. Что-то там было в Одессе... И Алексей решил послать сразу две телеграммы: одну в университет, а вторую градоначальнику.

Следующим сыщик вызвал Лерхе. Этот пришел, как и в первый раз, хмуро-настороженный.

– Викентий Леонидович, давеча вы обмолвились, что неважный стрелок. Так ли это?

Дипломат долго думал над простым вопросом и ответил уклончиво:

– Это как посмотреть. А в чем, собственно, дело?

– Разве во Втором лейб-гвардии Стрелковом батальоне не научили вас меткой стрельбе? Там, говорят, и медведя научат.

– Ну вы вспомнили! – усмехнулся Лерхе. – Это когда было! Я служил-то без души, словно барщину отбывал. И давно забыл все уроки.

Дальнейший разговор не задался. Викентий Леонидович сменил тактику. Он теперь никого не ругал и не рисовался своим благородством. А на вопрос старался отвечать встречным вопросом. Лыков пробился с ним четверть часа и спросил наконец:

– Вы что, проконсультировались у присяжного поверенного?

Лерхе ответил с вызовом:

– А что в этом плохого?

– Да ничего. Просто ему нужен клиент. И он дал вам именно такие советы, чтобы вы пришли к нему еще раз. С целью нанять.

Дипломат рассердился:

– Не он заставляет меня быть осторожным, а вы!

– Я?

– Да, вы! Цепляетесь к каждому моему слову, не верите, провоцируете! Сидите, как паук в паутине, и ждете, когда удобнее будет затянуть петлю. Ничего больше не стану вам говорить!

И Лерхе ушел, гордый и обиженный. Надворный советник вздохнул – он видел и не такое – и пошел в Секретное делопроизводство. Облазил весь его архив, а затем еще и общую картотеку. В последней числилось пятьдесят тысяч карточек – на всех, кто когда-либо попадал в поле зрения Департамента полиции или покойного Третьего отделения. Но никого из своих подозреваемых сыщик там не нашел. Тогда он снова вздохнул – и отправился в Отделение по охране общественной безопасности и порядка. Хорошо знакомый ему начальник отделения полковник Секеринский вызвал своего архивариуса. И уже вскоре Лыков держал в руках тонкую папку с надписью: «Секретно. Дело Викентия Лерхе».

Оказалось, что в конце апреля охранное отделение получило анонимный донос. Там было следующее:

«Считаю своим долгом сообщить. Надворный советник Лерхе из министерства иностранных дел готовит покушение на священную особу государя. Как состоящий в должности церемониймейстера, он часто приглашается в Императорскую охоту, где имеет возможность приблизиться к Его Величеству с заряженным ружьем. Примите меры, не дожидаясь беды!

Верноподданный».

Алексей сразу узнал руку Дашевского. Вот скотина! Решил отомстить своему обидчику руками охраны! Этот поступок – уже из запредельно гнусных. В Российской империи такими вещами, как покушение на государя, не шутят. Можно и жизнь сломать. И уж в любом случае запятнать формуляр.

– Евгений Владимирович, – обратился сыщик к Секеринскому, – что было сделано для проверки этого бреда?

Полковник хмыкнул:

– Донос очевидно лжив. Никакой конкретики, и сразу такое обвинение! Мы, Алексей Николаевич, получаем подобные письма ежедневно, иногда по несколько штук зараз. И уже набили руку. Наши специалисты по одному тексту умеют определить, где правда, а где ложь.

– Но формально вы обязаны провести проверку всех сообщений?

– Конечно. И хотя тут было ясно, что с Лерхе просто сводят какие-то счета, мы послали три секретных запроса: начальству в МИД, еще в министерство Двора и отдельно в Императорскую охоту. В папке есть ответы.

Лыков прочитал три бумаги. И все они были подписаны князьями! Непосредственный начальник князь Оболенский ответил, что благонадежность Лерхе сомнений не вызывает. Князь Долгоруков-второй сообщил, что рассматривался вопрос о зачислении дипломата в штат министерства Двора, но запрос из охранного отделения отменяет эту кандидатуру. Вот под каким соусом, оказывается, вычеркнули Викентия Леонидовича! Дашевский написал очевидную ложь, а Долгоруков ею воспользовался.

Самым интересным был ответ начальника Управления охоты светлейшего князя Голицына. Тот сообщил, что надворный советник Лерхе ему хорошо знаком. Он часто приглашается пострелять по крупному зверю. Однако незначительный чин не позволяет дипломату претендовать на участие в августейшей охоте. Подбор участников туда – дело особое, требуется согласование ОКЖ и Дворцовой полиции, и Лерхе еще нескоро будет к ней допущен.

– И вы удовлетворились этими ответами? – спросил Лыков у полковника.

– Да. Дело-то ясное: обычная кляуза. Или мстят, или что-то не поделили. В нашем архиве таких бумажек миллион! Иногда, право, кажется, что одна половина населения империи пишет доносы на вторую половину. А что? Вы узнали руку автора?

– Да. Это некий Дашевский. И донос действительно лжив. Но ему удалась проделка: соперника выкинули из кандидатов на должность в министерстве Двора.

Секеринский покачал головой:

– Гнусно, ох как гнусно... Но такие люди бывают полезны нашей службе. Как, вы сказали, зовут стервеца?

– Устин Алексеевич Дашевский. Но вы не сможете его заагентурить.

– Это почему же?

– А его на днях зарезали.

– Жалко, ох как жалко...

Лыков уходил с Гороховой довольный. Он узнал кое-что важное. Оказывается, Лерхе – свой человек в Императорской охоте! Значит, возможно его знакомство с братьями Цыферовыми. Если это так, то новое обстоятельство сразу выдвигает дипломата в первый ряд подозреваемых.

Догадка надворного советника подтвердилась. самого светлейшего князя Лыков в Гатчине не застал, но его помощник Козлянинов был на месте. Он сообщил, что Лерхе правда частый здесь гость. Он один из учредителей Общества правильной охоты и близко знаком со многими царскими егерями. В том числе и с братьями Цыферовыми. Ефим однажды даже спас Викентию Леонидовичу жизнь! В прошлом декабре тот ранил секача, а добить не смог – второй патрон заклинило. Кабан весом в двадцать пудов сошел с тропы и попер прямо на охотника. Быть беде, но стоящий соседним номером Цыферов успел свалить зверя в шаг от дипломата. Вот так дела!

Лыков стал расспрашивать егермейстера о братьях-близнецах, но тот был краток:

– Я уже сказал, что знал, вашему помощнику. Ну были такие. Уволились по весне. Что о них вспомнить? Хорошие работники, но очень жадные. Вымогали на чай. Я получал жалобы. Ну и вообще... звероватые они какие-то...

– Звероватые? Это что значит?

– Ну, кровь у убитого зверя сливали и пили. Охотники так делают, но мало кто. А эти... Ни с кем не сходились, и была в них какая-то жестокость...

Лыков вернулся в департамент и прошел в филерское отделение служительской команды. Начальник отделения вызвал по его приказу шестерых наружников. Сыщик разбил их на пары и велел наблюдать за всеми тремя подозреваемыми. Присутственное время заканчивалось, и он поспешил к Певческому мосту. Ему не терпелось еще раз переговорить с

Лерхе.

Алексей встретил дипломата выходящим из здания министерства. Увидев прилипчивого сыщика, тот сразу сник.

– Что у вас опять?

– Викентий Леонидович, вы знали братьев Цыферовых, егерей из Императорской охоты?

– Каких еще Цыферовых?

– Я же сказал: егерей.

– Их там семьдесят человек! Всех не упомнишь.

– Но эти – близнецы. Такие запоминаются.

– Только не мне.

– Ефим спас вас в декабре от раненого секача. Неужели и это забыли?

– Какого секача, Лыков? Где вы наслушались этих глупостей?

– От егермейстера Козлянинова.

Лерхе осекся, потом сказал:

– Тут охотничья история, разве вы не поняли?

– Что я должен был понять? – удивился в свою очередь Лыков.

– Ну, все охотничьи истории – наполовину вранье!

– Ответьте прямо на мой вопрос: были ли вы знакомы с егерями Цыферовыми?

– С Иваном нет. Он псовый, а я не выношу собак. С Ефимом пару раз ходил на волков. От кабанов он меня не спасал! А чем, собственно говоря, вызван ваш к ним интерес? Егеря как егеря...

– Они участвовали в убийстве Петрова, лакея Дашевского. Скорее всего, они же резали и самого барина.

Лерхе застыл, нахмурился, потом спросил:

– Это точно вами установлено?

– Точнее некуда. Иван погиб в перестрелке с полицией, когда пытался сжечь труп лакея на костеобжигательном заводе.

– Та-а-к... Теперь я понимаю...

– Что вы понимаете, Викентий Леонидович? Скажите и мне.

– Все понимаю. Весь ваш замысел.

– И в чем же он состоит, по-вашему?

Лерхе выпятил тощую грудь и стал похож на задиристого петуха.

– Вам, Лыков, нужно отчитаться. Представить начальству виноватого и закрыть дело. И на роль этого виноватого вы с самого начала выбрали именно меня!

– Здравствуйте! А кто бегал за Дашевским с кулаками? У кого он отбил невесту? Чье место занял при Дворе? Это все тоже я придумал?

– Но...

– А теперь выясняется, что вы и с убийцами знакомы! Какой, к черту, мой замысел? Вы своею волею, семимильными шагами лезете, буквально рветесь в главные подозреваемые!

Лерхе позеленел от злости.

– Но вы же не верите ни одному моему слову! – рявкнул он так, что на них стали оборачиваться прохожие.

– Из вас эти слова клещами надо вытаскивать, – ответил Лыков, пытаюсь сохранить ровный тон. – Фамилию вдовы так мне и не назвали!

– А в благородство вы тоже не верите?

– Нет, – ответил сыщик с сожалением.

– Но почему? Вот объясните: почему?

– Это общая черта всех, кто служит в полиции. А не только моя. Когда много лет постоянно копаешься в дерьме, поневоле изверишься в людях.

– Да ну вас к черту! – заявил в сердцах Лерхе. – Орденок сорвать хотите? И для того готовы сослать в каторгу невинного? Валяйте!

Развернулся и ушел, выражая возмущение своей походкой. Лыков стоял и глядел ему вслед. А может, действительно благородство еще осталось в людях? Хорошо бы так. Хорошо бы ошибиться. Сыщик отметил две фигуры в сером, что направились за дипломатом, и вернулся на Фонтанку.

Он никак не предполагал, что ему придется сегодня в третий раз встретиться с Лерхе. Но через час появился один из филеров и сообщил, что дипломат вызвал домой курьера. На выходе филеры поймали парня и спросили, куда его послали. Оказалось, за билетом до Гельсингфорса! Один наружник остался под окнами квартиры, а второй побежал к начальству. Лыков чертыхнулся, взял дежурный экипаж и поехал на Финляндский вокзал.

Викентий Леонидович сидел в буфете первого класса и пил пиво. Увидев сыщика, он переменился в лице.

– Я арестован?

– Нет. Но я прошу вас вернуться домой. И никуда не убегать. Это

самое неудачное, что вы могли придумать в вашем положении.

– Просите вернуться? А если я откажусь?

– Вот тогда я вас арестую.

– Без санкции судебного следователя?

– Оформлю ее завтра, задним числом.

– Но это произвол! – вскричал Лерхе.

– Конечно, произвол, – согласился Лыков. – Хотя так делается сплошь и рядом. Самому не хочется. Но вы меня к этому вынуждаете.

– Я вынуждаю вас к произволу?

– Нет, к переводу дознания в следствие. Вы один из подозреваемых, и я никак не могу отпустить вас. Утром следователь выпишет распоряжение. Не об аресте, а о неотлучке с места жительства, для всех троих. После этого вы свободный человек, только надо будет дважды в день отмечаться в своем полицейском участке. Но ждать утра вам придется в секретной камере внутренней тюрьмы Департамента полиции. И это занесут вам в формуляр. Запись такая: «Подвергнут однодневном аресту по подозрению в причастности к убийству». Вам оно надо? Лучше послушайте меня. Езжайте домой и ждите.

– Ждать? Чего? Тюрьмы, несправедливого суда и каторги?

– Нет. Ждите, когда я найду настоящего заказчика убийства Дашевского. Если это не вы, вам нечего бояться.

Лерхе с тихим бешенством разглядывал сыщика, не зная, что ответить.

– Викентий Леонидович, – добавил тот. – Потерпите еще немного. Скоро все кончится.

Дипломат выругался, как извозчик, и пошел сдавать билет.

Утром следующего дня Лыков заявил Дурново:

– Агентурные способы дознания себя исчерпали. Необходимы новые действия, возможные только с санкции прокурора. А именно изъятие корреспонденции подозреваемых и обязательство о неотлучке.

– Что вам даст выемка бумаг? – скептически спросил директор. – Они же не дураки, давно все подчистили.

– Всякое случается, Петр Николаевич. И на старуху бывает проруха.

– Ну хорошо. Однако я не могу утвердить ваше ходатайство в отношении Арабаджева. Лерхе – да. Очень подозрителен! Желал смерти Дашевского, лишился через его происки и места при Дворе, и богатой невесты. Дуткин? Тоже да. За такой обман, что сотворил с ним покойный, любой захочет отомстить. А что у вас против Арабаджева? Только предубеждение!

– Он оголтелый, и, значит, тоже мог это сделать.

– Да будет вам! Нужны веские доказательства, а не метафизика. Арабаджев служит с нами по одному ведомству. Что я скажу министру? Что у Лыкова интуиция? И коллежский ассессор – оголтелый?

– Смена вероисповедания магометанином – случай исключительный...

– Какая тут связь? – перебил подчиненного тайный советник.

– Связь прямая. Он готов на все ради карьеры. Даже на вероотступничество!

– Метафизика, снова метафизика! Отзывы начальства об Арабаджеве только благожелательные. Он успешно идет по карьерной лестнице безо всяких убийств! Зачем ему сходить с ровного пути? Нет, вы меня не убедили. Работайте пока с этим двумя, а его оставьте.

Лыков встал, вытянул руки по швам.

– Ваше превосходительство! Если санкции в отношении Арабаджева не будет, целесообразно отобрать у меня дознание. И передать его другому чиновнику.

– Это еще почему? – вскинулся Дурново. Глаза его метали молнии, но Лыков не обратил на это никакого внимания.

– Потому, – сказал он, – что иначе все зря. Сейчас я убежден на основе собранных сведений и размышлений, что подозревать следует всех троих. И Арабаджев для меня стоит в одном ряду с Лерхе и Дуткиным! Если вы не верите моим выводам, тогда замените меня. Вести дело под чужую диктовку, даже вашу, я не буду. Поймите меня правильно, ваше превосходительство. Это не амбиция, не каприз. Это, если угодно, технология дознания. Или я отвечаю за все, и мои требования выполняются в полном объеме. Тогда я готов нести ответственность за результат. Ошибусь – увольняйте меня по третьему пункту. Или найдите того, кто согласен действовать на ваших условиях. Найдите более гибкого.

Дурново стукнул по столу кулаком.

– Более гибких у меня пруд пруди! А вот более опытного нет! И вам это известно! Ультиматумы ставит...

Лыков молчал.

– Тут служба! – продолжил директор. – Департамент полиции, а не сельский сход! Как смеее вы отказываться выполнять мое распоряжение? Ну?

– Разрешите подать прошение об отставке, – вполголоса сказал надворный советник.

Дурново сразу успокоился.

– Сядьте!

Лыков повиновался.

– Значит, вы настаиваете?

– Да.

– Под вашу ответственность!

– Разумеется.

Дурново стал подписывать отношение к прокурору, тут дверь распахнулась, и вошел секретарь директора Зыбин.

– Ваше превосходительство, пришел ответ от одесского градоначальника на вчерашний запрос. Прикажете зачитать?

– Читайте.

– «На ваш номер сообщаю... В 1884 году студент третьего курса юридического факультета Императорского Новороссийского университета Арабаджи арестовывался наружной полицией города Одессы. Причина – попытка покушения на профессора Оземута. Указанный профессор отказался поставить Арабаджи удовлетворительную оценку по международному праву. Тогда тот раздобыл отпущенный^[30] кинжал и явился на факультет с целью зарезать обидчика. Оземут сумел выбраться наружу через комнату швейцаров и добежать до городского. Уголовное преследование Арабаджи было прекращено по ходатайству командующего войсками Одесского округа генерала от инфантерии Роопа». Все.

– Спасибо, вы свободны.

Дурново дал секретарю выйти и незамедлительно выругался. Причем использовал морскую терминологию, хорошо знакомую Лыкову по общению с Павлом Афанасьевичем.

– Вот зачем ему срочно понадобилось православие!

– Именно чтобы не сесть в тюрьму, – согласился Алексей. – Неофита отстояли. Трудно отказать командующему войсками в его просьбе! И не было никакой магистерской диссертации.

Маховик закрутился. Дурново подписал ходатайства и велел соединить себя через телефон с прокурором Окружного суда. Обрисовал ему ситуацию и попросил ускорить процедурные действия. Тот сразу же вызвал следователя по особо важным делам. Когда Лыков привез на Литейный свежеизготовленное отношение, все нужные бумаги оказались уже оформленными. Авторитет директора Департамента полиции был велик. В половине восьмого пополудни в кармане у сыщика лежали ордера. До начала обысков оставалось еще время, и он поехал на Тверскую.

Директор Петербургско-Тульского земельного банка уже ждал Алексея. Это был умный и ловкий господин сорока с лишним лет по фамилии Шоль. Он служил раньше по министерству финансов и выполнил

ряд секретных поручений, связанных с конверсией русских займов за границей. Потайная жизнь понравилась финансисту, и он сам предложил Лыкову свои услуги. Вызывали его нечасто, но осведомитель действовал всегда с большой пользой.

– Вильгельм Эммануилович, что вы можете сказать про Дуткина из бывшего вашего министерства? – с порога спросил Алексей.

– Про Илиодора Ивановича? – удивился Шоль. – Он-то вам зачем? Ведь чистый младенец по разуму!

– Дуткин и в самом деле прост? Не очень верится. Служит в серьезном ведомстве в чине девятого класса. Придворное звание имеет! Как же его терпят? Или он не так глуп, как хочет казаться?

– Увы, Алексей Николаевич, глуп. На всю голову! Но при этом добрый безобидный человек, никому гадостей не делает и охотно ссужает деньгами. А должность у Илиодора Ивановича такая, что не справиться невозможно. Он проверяет уставы торговых товариществ. А там есть шаблон, и надо лишь сравнить.

– Дуткин богат?

– Это отцовские деньги. Тот наворовал в свое время в провинции. Потом вышел со скандалом в отставку и пустился в биржевые махинации. Очень удачно, кстати. Старик уже умер, а состояние сына оценивается теперь чуть не в полмиллиона! Знаете брезентовую фабрику в Автово? Так это его фабрика!

– Ого! А на вид малахольный. Зачем же такой богач и служит? Понтировал бы в Монте-Карло.

– У Илиодора есть мечта: пролезть в придворные. Звание состоящего в должности он купил за десять тысяч рублей. Но этого ему мало, он хочет в штат.

– Купил? У кого?

– У князя Салтыкова, одного из двух обер-церемониймейстеров.

– Вот как! А мне светлейший говорил, что ничего не решает!

– За такие деньги, видать, решил. Поделится с кем следует и сам внакладе не остался.

– Но ведь одних денег Дуткину для этого было мало. Нужно еще официальное обращение его начальства!

– Совершенно верно. Он попросил, начальство подписало.

– Так просто? Этот смешной нелепый человек попросил, и его двинули в придворные?

– Конечно. Почему бы нет? Невелик труд подписать бумажку. Илиодор Иванович беззлобный, а таким помогают охотно. За глаза смеются, но

помогают.

– Почему же Дуткин не купил себе штатное место? С его-то капиталами.

– Это уже компетенция другого князя, Долгорукова.

– И что, он мзды не берет?

– Долгоруков – богатейший в стране землевладелец, копейки Дуткина его не интересуют.

– Хорошо, Вильгельм Эммануилович, я понял. Еще вопрос о нашем простаке. Скажите, в своем стремлении попасть в придворные как далеко он может пойти?

Агент «Борис» задумался.

– Хм... Вы имеете в виду противозаконные действия?

– Я имею в виду заказ на убийство соперника.

Шоль покачал головой:

– Ну и вопрос вы мне задали... Чужая душа – потемки. Нет, не смогу ответить.

– Подумайте хорошенько. Это сейчас очень важно. Дуткин в числе подозреваемых. Насколько он оголтелый?

Банкир задумался. Лыков не торопил его, хотя пора было возвращаться в департамент. Наконец Шоль заявил:

– Оголтелый! Придворная карьера для него идея фикс. Да он только об этом и говорит! В итальянскую оперу ходит, хотя в музыке ни уха ни рыла. Но там бывают всякие знатные персоны, есть шанс попасться им на глаза, вот Илиодор и шляется туда. Засыпает посреди действия, храпит, его будят... Смех и грех.

– То есть соучаствовать в убийстве способен! А вы вначале сказали, что Дуткин – добряк.

– Сказал. Все мы добряки, пока нас не берут за живое. Потом, лично он не убивал?

– Нет, это сделал один уголовный.

– Ну вот видите! На руках крови нет, а совесть – вещь гуттаперчевая.

Они еще немного поговорили о новостях. Шоля интересовали слухи о проделке Абазы и возможных последствиях его разоблачения. Лыков честно рассказал, что знал. Он всегда помогал своим осведомителям – сведениями, рекомендациями, чем придется. Все это окупалось потом сторицей.

В девять вечера сыщик вернулся на Фонтанку. Там уже все было готово, ждали только его с разрешительными бумагами. Обыск и изъятие корреспонденции решили провести у всех подозреваемых одновременно.

Валевачев должен был нагрянуть к Лерхе, титулярный советник Гольтгойер из Секретного делопроизводства – к Дуткину. Себе Алексей выбрал Арабаджева. В слабых сумерках белой ночи три закрытых экипажа выехали на набережную. Обыватели провожали их понимающими взглядами...

Спать сыщику в эту ночь пришлось мало. В девять до полудня он уже сидел в кабинете и снимал с Лерхе допрос. Дипломат был мрачен. Он повторил под запись историю с вызовом Дашевского на дуэль. Тут выяснилось, что последний действительно жаловался на него полиции! Викентия Леонидовича вызвали к приставу, и тот упрашивал ревнивца быть благоразумным – разумеется, безуспешно. На этом градоначальство сочло свою роль выполненной и умыло руки. Фамилию дамы, из-за которой произошла ссора, Лерхе вновь отказался назвать. Он дал подписку о неотлучке с места жительства и удалился.

Следующим зашел Арабаджев. Этот не добавил к своим прежним показаниям ничего нового. Василий Михайлович играл в оскорбленную невинность и обещал пожаловаться в «высокие сферы». Про историю с кинжалом Лыков умолчал.

Дуткин явился последним и насмешил Алексея. Повторив свой рассказ, он не глядя подписал протокол и спросил о самом главном:

– Скажите, а это может повредить мне в придворной карьере?

– Если заказчик убийства вы, тогда повредит, – уверил Простака сыщик.

– Ну нет, не я.

– Тогда вам нечего опасаться.

Дуткин облегченно вздохнул, но тут же снова расстроился:

– Говорят, государь не любит министерство финансов! Он считает, что мы сдерживаем развитие производительных сил России.

– В МИДе тоже жаловались, что Его Величество их не любит. А судья мне говорил, что государь ненавидит всех судейских. Не обращайтесь на это внимания.

– Правда? Ну хорошо. Ой! А если у меня в формуляре будет записано, что я находился под следствием? Это же пятно на всю жизнь! Меня никогда не возьмут к Высочайшему Двору!

– Следствие по этому делу пусть вас не пугает. Дознание обнаружит виновных и сразу передаст улики в юстицию. Подозреваемых, чья невиновность подтвердится, это никак не затронет.

– Спасибо! – с чувством произнес Дуткин и ушел довольный. Единственный довольный из всей троицы...

Закончив с допросами, Алексей взялся было за конфискованную корреспонденцию. Но пришел посыльный и принес запечатанный конверт. На нем стояла подпись Эффенбаха. Вот молодец! Уже прислал данные на Снулого.

Сыщик сломал печати и извлек два листа бумаги. Где же фотокарточка? Ее не оказалось, и Алексей стал читать письмо своего приятеля:

«Приветствую тебя, о Великий! Приехал бы в гости, а?

Теперь о деле. Человека, которого ты ищешь, зовут Спиридон Агейчев. Он шесть лет служил под моим началом. Из вольнонаемных – самый лучший. Натура приметная. Как говорят французы, он имел шаг над всеми остальными. Другие агенты подчинялись ему беспрекословно, а кто не хотел, того Агейчев выживал. Физически неимоверно крепок, почти как ты. Храбрый. Не то чтобы умный, но хитрый и сообразительный, решения принимает мгновенно. Фартовые на Москве его боялись. Жестокий до бессердечия. А поскольку для нашего сыскного дела это бывает полезно, мы с обер-полицмейстером терпели. И даже, если честно, поощряли. Начнет арестованный запирается, мы отдаем его Спиридону – у того сразу заговорит.

Посклизнулся Агейчев на том, что не сдавал конфискованное. А что сдавал, потом часто «терялось». Когда мы нашли его тайник, добра в нем оказалось на десять тысяч!

Что еще сказать? Поймать его будет очень трудно. У меня не получилось. Почуял, сволочь, неладное и в последнюю минуту исчез. Как ловят, все секретные инструкции Спиридон знает наизусть. Слабостей каких-то, на которых можно ухватить, у него нет. В карты не играет, пьет умеренно, бабы для него ничего не значат. Вот разве что жадный. Умеет подчинять себе людей. Все вокруг для него дешевле навоза.

Когда выследишь его, будь осторожен. И силен, и смел, и ловок, и опыта не занимать ему. Не раз схватывался с уголовными и всегда одерживал верх.

Описывать наружность Агейчева бесполезно – он ее легко меняет. Рост два аршина десять с половиною вершков^[31]. Глаза серые, чуть ввалившиеся, голос с хрипотцой. В повадке какая-то вялость, словно его мамка в детстве облила мертвой водой. Но это маска.

Что еще? Карточки мы не нашли. Успел ее забрать и даже негативы, что в архиве, разбил. Формуляры на вольнонаемных не ведутся. Агейчев должен иметь при себе средства. В тайнике были тяжести: шубы, мануфактура, часов пятьдесят с лишним штук. А ликвидное он унес с

собой.

Успехов тебе.

Твой Анатолий.

Извини, повторяюсь: будь осторожен!»

Лыков вздохнул, отложил письмо и пробежал глазами характеристику бывшего агента. Ишь ты! Образованный человек Спиридон Агейчев! Почти окончил Комиссаровское училище^[32]. Но недоучился последний год и подался в сыщики. Деньги на занятия кончились или призвание почувствовал? Других полезных сведений Алексей не нашел и вернулся к письму Эффенбаха. Да, сподобил Господь... Вот из-за таких, как Агейчев-Снулый, и ненавидят в народе полицию. Убийства на Руси, слава Богу, редки. Основные силы сыщиков отнимает раскрытие краж. И здесь представляется нечистоплотным людям большое поле для махинаций. Часто агент приходит к потерпевшему и прямо спрашивает: сколько мне дашь, если я отыщу похищенное? Умные сразу соглашаются. А конфискация имущества как вещественных доказательств? Бывает, что следствие длится годами. И все это время обворованный человек ждет... Уж сам не рад, что обратился в полицию. У кого есть деньги, приходят и потихоньку выкупают свое же кровное. Иногда платят до трети стоимости! А начальство делает вид, что ничего не знает...

Алексей подозвал помощника и вручил ему пакет. Велел приготовить описание Снулого и раздать тем же околоточным. А потом скататься в Мокруши и найти там молодую вдову Марию Евдокимовну, что сдает в аренду лабазы. С самой дамочкой не встречаться, а собрать о ней справки: адрес, фамилия, знакомства и что о ней говорят люди.

Озадачив Валевачева, Алексей взялся за просмотр конфискованных бумаг. Больше всего их оказалось у Лерхе, да еще на трех языках! Если французский сыщик кое-как понимал, то немецкого не знал вовсе. Поэтому он поручил разбор Гольтгойеру, временно приданному Особенной части. Молодой человек, еще один «русский немец белокурый», рьяно приступил к делу.

Лыков быстро изучил немногочисленную корреспонденцию Арабаджева и не нашел ничего стоящего. Что интересно, никаких связей с родней! Коллежский ассессор словно отрезал себя от собственных корней. Два-три приятеля по Одессе, переписка с Экспедицией церемониальных дел, и все.

Закончив с Арабаджевым, надворный советник взялся за Дуткина. В его бумагах преобладала коммерческая переписка: годовые отчеты, паи, дивиденды... Пухлый конверт был набит приглашениями в Зимний дворец

на балы и большие выходы. Похоже, Илиодор Иванович не выбрасывал ничего, украшенного вензелем императора. Алексей перебирал билеты рассеянно и хотел уже отложить конверт, как вдруг обнаружил между ними необычный листок-четвертушку. На нем почерком Дуткина было написано:

«Устин Алексеевич! Нам надобно все-таки переговорить. Поступок Ваш не может остаться безнаказанным, самый Господь Вседержитель такого не потерпит. Однако, поскольку дуэль между нами невозможна, остаются другие средства. Опомнитесь, пока не поздно! Иначе мне придется наказать Вас за бесчестные оскорбительные выходки.

Я приду завтра к вечеру. Разговор наш будет серьезный. Обращаюсь к Вам как к обладателю придворного звания: не позорьте его. Дайте мне удовлетворение, деньги – бог бы с ними, но удовлетворение надо дать. Мне хватит простых устных Ваших извинений. Слышите ли? Извинений всего-навсего.

Иначе Всевышний всему судья, а я за себя не ручаюсь.

Состоящий в должности церемониймейстера Высочайшего Двора

Илиодор Дуткин.

4 июня 1892 года, собственная квартира».

Лыков был ошеломлен. Хотелось протереть глаза. Он перечитал записку еще раз. Вот так удача! И заодно приговор Простаку... Бегемотик с нелепыми усами не только угрожал Дашевскому мстью. Он приходил к нему в ночь убийства! Стало быть, явился не один, а с ангелом мщения Спиридоном Агейчевым. И тот грамотно все провернул. Уловку с лакеем наверняка предложил убийца – заказчику такое было не по умственным силам. Зато денег много! Так они и сговорились. Все обнаружилось до смешного просто, а он, Лыков, огород городил. Впрочем, в сыске так часто бывает, удивляться нечему. Дуткин – слабый человек, ему не устоять под тяжестью вновь открытых доказательств.

Надворный советник отложил записку, осмотрелся. В кабинете Особенной части кипела работа. Валевачев составлял портрет Снулого, Гольтгойер шуршал бумажками на немецком языке, Шустов что-то строчил с невероятной быстротой. Порадовать, что ли, артель?

После некоторых раздумий Лыков решил пока промолчать. Нужно сначала получить признание незадачливого мстителя. Как же он не уничтожил такое письмо? Действительно, глуп как баран. Ведь знает, что Департамент полиции открыл дознание по убийству Дашевского. И не сжег черновик с угрозами.

«А почему черновик, – немедленно спросил сам у себя сыщик. – Помарок в нем нет. В бумагах Дуткина нашлось немало проб пера: тот был

аккуратист и переписывал текст при любом исправлении. А тут все чисто, разве что буквы вразнос. Волновался, ясное дело... Может быть, он не отослал письмо? Грозное предостережение, и одновременно крик души оскорбленного человека. Написал в приступе умоисступления, а когда остыл, передумал. Надо срочно повторить допрос».

– Юрий Ильич, – окликнул Алексей своего помощника, – вы инструкцию околотовным составили?

– Доканчиваю, Алексей Николаевич, – ответил тот.

– Как завершите, езжайте на Офицерскую. Сосредоточьтесь на поисках Снулого, и пусть люди Воцинина тоже помогают. А вдову с Мокруш искать не нужно.

– Это почему? – удивился Велевачев. Шустов тоже заинтересованно поднял голову. Ишь, туда же, старый холостяк! Подавай ему дамочек на расправу...

– Потому! – отрезал начальник Особенной части. – Сразу видать, что действительную не служили, если приказы переспрашиваете... Налево кругом и шагом марш!

Велевачев, окончательно заинтригованный, с трудом подавил вопрос. Чего это шеф такой веселый? Не иначе нашел что-то важное. А говорить не хочет!

Лыков же молча встал и вышел. Он собирался поделиться своим открытием с Дурново, однако того не оказалось на месте. Был свободен вице-директор Стюарт, но Особенная часть подчинялась напрямую директору, и Алексей не захотел плодить себе начальство. Вместо этого он протелефонировал из приемной в Окружный суд, предупредил, что сейчас приедет, и отправился на Литейный, 4.

Следователь по особо важным делам коллежский асессор Добужинский был сыщику хорошо знаком. Когда Алексей вошел, он снял очки с тонкого носа и задал очень короткий вопрос:

– Ну?

– Есть! – так же лаконично ответил гость, протягивая лист бумаги.

Добужинский прочитал записку Дуткина и воскликнул:

– Четвертое июня! А Дашевского зарезали в ночь с пятого на шестое! Когда наш герой набивался ему в гости. Вот это да...

– Именно так, Федор Петрович. И обратите внимание на тон! «Я за себя не ручаюсь», «иначе мне придется наказать вас»... Лихо написано!

– Да, аккурат на двенадцать лет каторжных работ. Вы хотите постановление об аресте?

– И срочно!

– Посидите четверть часа, я подпишу все прямо при вас.

Лыков сел в угол и попросил чаю. Следователь держал в комнате отдыха самовар, сам пил чай с утра до вечера и угощал других. Вокруг бегали судейские, оформляли ордер. Федор Петрович покрикивал на свое воинство, потом вдруг спросил у сыщика:

– А если он не сознается?

– Я не уверен, что Дуткину есть в чем сознаваться.

– То есть? – удивился коллежский асессор. – Тут же все написано! Чугунная улика! И мотив, и доказательство.

– Что тут написано? Что Дуткин испытывал к покойному сильную неприязнь. Всего-навсего. Лерхе с Арабаджевым тоже его ненавидели. Мотив? У Лерхе он даже сильнее. Что для богача Дуткина три тысячи? А дипломат лишился богатой невесты, которую, кажется, еще и любил.

– Но ночной визит к убитому!

– А если у него алиби?

Следователь осекся.

– Да... Ваш Снулый опытен и наверняка об этом подумал.

– Конечно. И что у нас остается? Ничего, просто бумажка. Дуткин так и скажет: написал сгоряча, а потом передумал. В ночь убийства слушал итальянскую оперу, что могут засвидетельствовать двадцать человек.

Добужинский фыркнул:

– Этот остопоп – и в итальянскую оперу? Да ему «Петрушку» смотреть! Но вы правы. Алиби обрушит все наши доказательства.

– Еще меня смущает, что Дуткин не сжег такое письмо.

– Сами только что сказали: остыл и не отправил. А потом забыл о нем. Где вы нашли послание?

– В конверте с придворной перепиской.

– Вот! Поклад и забыл! Либо это вообще черновик.

Лыков покачал головой:

– Беловик, без малейшей помарки. Если наш мститель передумал отсылать его, почему не порвал?

Тут вошел чиновник с оформленным ордером, Добужинский подписал его и протянул сыщику со словами:

– Вот вы у него и спросите!

Еще через час два крепыша из служительской команды департамента завели Дуткина к Лыкову в кабинет. Финансист был бледен и не поднимал глаз.

– Илиодор Иванович, вы, оказывается, тоже пытались вызвать Дашевского на дуэль? – издали начал надворный советник.

– Да... Пытался. Но князь Долгоруков пригрозил, что лишит придворного звания, если я не отзову картель.

– И вы?

– Отозвал, конечно. Против рожна не попрешь. У них была стачка. Чем только Устин прельстил князя?

– Вот это письмо вам знакомо? – Лыков выложил главный козырь на стол.

Дуткин окончательно сник.

– Я знал, что вы его отыщете... Знал. Третью ночь не сплю, все про это несчастное письмо думаю.

– Почему же вы его не уничтожили?

– Но как?

Алексей не понял, что хотел сказать титулярный советник. Но разбираться было некогда, он задал главный вопрос:

– Значит, вы были у Дашевского в ночь убийства?

– Нет! Я не пошел!

– Что так?

– Передумал. А точнее, меня отговорили.

– Кто?

– Викентий Леонидович.

– Лерхе? Он-то тут при чем?

– Это получилось случайно. Я уже совсем решился...

– Решились на что?

– Ну, пойти и сказать Устину прямо в лицо.

– Что сказать-то?

– Все! Все, что я о нем думаю.

– Предположим. Но вот тут написано вашей рукой: я за себя не ручаюсь. А также про то, что вы накажете Дашевского. Вы понимаете, как это будет звучать на суде?

– Но это я просто так написал! Чтобы напугать его и заставить извиниться. Выпил еще для храбрости, когда сочинял... Честное слово! Готов был простить ему три тысячи, лишь бы услышать извинения.

– Вернемся к Лерхе. Как вы встретились?

– Случайно. Вечером того дня, как отправил письмо, я вышел из табачного магазина. Это на Невском, что напротив Публичной библиотеки. А тут он! Викентий Леонидович – хороший человек. И я взял да все ему и выложил. Как меня оскорбил и обокрал этот негодяй. И что завтра я приду к нему за удовлетворением. Понимаете, у меня тогда сумбур стоял в голове. Я почему-то решил, что если прощу Устину заем, то он сразу извинится.

Лишь несколько слов с его стороны – и долга будто бы нет. Я настроился на такой исход и ободрился. А Викентий Леонидович мне возразил: с чего вдруг Устин Обезьянович пойдет на это? Расписки меж вами нет, суда ему бояться не приходится... И для чего ему извиняться? Он же бессовестный. Я даже опешил. Ну как же, говорю, и у шильника есть страх божий! Не удержится, захочет душу облегчить. Всего одно слово сказать: извините. А Викентий Леонидович нехорошо рассмеялся и опроверг меня. Нет у него никакой души, говорит. Мы с вами для Обезьяновича лишь ступеньки на лестнице, по которой он карабкается вверх. Все выше и выше. И окажется он к старости на самом верху, ежели никто его сейчас не остановит.

– Так и сказал?

– Да. Зло сказал, с сердцем. И у него ведь к Дашевскому счёт есть.

– И после этого вы передумали идти на Кабинетскую?

– Нет, чуть позже. Когда господин Лерхе сообщил еще одну мысль.

– Какую?

– Он сказал: «И охота вам так унижаться?» Словно ушат воды на меня вылил. Я и подумал: действительно, а зачем я туда пойду? А ну как он снова надо мной насмеется! Как же это перенести? И не пошел.

– Илиодор Иванович, соберитесь с духом и ответьте мне честно.

– Я готов!

– У вас есть свидетели, которые подтвердят под присягой, что в ночь с пятого на шестое видели вас в другом месте?

– По счастью, есть! Я после разговора с Лерхе решил развеяться. Суббота, завтра не на службу... И я уехал в Москву.

– В Москву? К кому именно?

– К одной девице по имени Клотильда.

– Кто такая, какого звания?

Дуткин самодовольно расправил свои дурацкие усы.

– Это, так сказать, жрица любви. Француженка, из самых дорогих!

– Но такого добра и здесь навалом, зачем же ездить в Москву?

– Здесь никак нельзя, – вздохнул титулярный советник. – Я же личность в столице известная! Состою в должности церемониймейстера Высочайшего Двора! Вдруг кто узнает?

– Чего же тут преступного? Думаете, церемониймейстеры не ходят по шлюхам?

Дуткин смутился.

– Понимаете, я посещаю один дом... Там барышня, из очень хорошей фамилии... Надеюсь, мои визиты кончатся предложением, которое будет

принято. Поэтому про Москву – это строго между нами. Зато там я гуляю безопасно!

– А вы предусмотрительный человек, – одобрил Лыков.

– Ну так... голова у меня светлая, чего уж говорить...

– И у той Клотильды вы провели всю ночь?

– Не ночь, а день. Даже полдня воскресенья. Уехал от нее вечером прямо на вокзал.

– Назовите фамилию и адрес жрицы.

– Клотильда Лавинэ...

– Так она правда француженка? – удивился сыщик.

– Самая что ни на есть. Если бы вы знали ее тариф – не спрашивали бы!

– Где проживает?

– Солянка, дом Игумнова.

– Вы уверены, что мадемуазель Лавинэ подтвердит ваши слова? Горничная у нее есть?

– Горничная на этаже, я и не видал ее никогда, – удрученно ответил Дуткин. – Но Кло – прелестная девушка и очень правдивая. Она подтвердит.

– Когда вы вернулись в Петербург?

– В полдень понедельника.

– А как же служба?

– Я появился там часа в три, посидел немного и ушел. Дел было мало... начальство мне благоволит и разрешает изредка отлучиться...

Дуткин отвечал спокойно, как человек, которому нечего опасаться. Алексей недоумевал. Похоже, он говорил правду и у него действительно есть алиби.

– Хорошо. Мы все проверим. Вот еще вопрос: что вы сделали с этим письмом?

– Я же сказал: отослал Дашевскому, – удивился финансист.

– Где, по-вашему, я его обнаружил?

– В его бумагах, где же еще!

– Как вы отправили: почтой, курьером?

– Вызвал «черную шапку»^[33]. А что?

– Точно-точно отослали?

Теперь уже Дуткин был озадачен.

– Конечно! Сначала сомневался, опасался вызвать недовольство князя Долгорукова. Но потом махнул анизету^[34] – и решился.

– Странно. Я обнаружил это послание в вашей корреспонденции. Той, что забрали сегодня ночью, – не спеша, с расстановкой сказал Лыков.

Картина повторилась: растерянный бегемотик, рот нараспашку и глупые усы...

– А... ошибки быть не могло?

– Нет. Письмо лежало в том конверте, где вы храните придворную переписку.

– Но этого не может быть! – вскричал Дуткин.

– Может, если это черновик.

– Я писал сразу и набело. После анизета меня обычно посещает вдохновение... Нет, у этого крика души не было черновиков!

Алексей не сводил глаз с допрашиваемого. Нельзя так убедительно врать! Или его зовут не Дуткин, а Щепкин. Конечно, таинственное возвращение письма можно объяснить весьма прозаически. Тем же анизетом, к примеру. Илиодор Иваныч ничего никуда не послал, решив не ссориться с любимцем князя Долгорукова. Залудил с горя бутылку и отправился прогуляться до табачного магазина. Где его отговорили ходить за удовлетворением... А услужливая память немного словчила, и теперь он искренне считает, что совершил смелый поступок.

– Ладно, будем разбираться. Скажите еще вот что. Когда вы вышли из табачной лавки и увидели Лерхе, вам не показалось, что он там нарочно стоял?

– Как это – нарочно? – не понял титулярный советник.

– Ну, поджидал вас.

– Для чего?

– Вы на вопрос ответьте. Как все было? Он шел или стоял? Кто кого первый увидел и кто к кому подошел? Попробуйте вспомнить, это важно.

Дуткин попробовал. Он молчал минуты две, будто перебирал в памяти всю свою жизнь. Потом неуверенно сказал:

– Викентий Леонидович был в новом летнем пальто. И в красивой поярковой шляпе – я даже захотел себе такую же.

Лыков с трудом удержался, чтобы не выругаться.

– Он стоял ко мне спиной и глядел на ту сторону проспекта, – продолжил толстяк. – Я сразу его узнал! И решил незаметно удалиться... не хотелось ни с кем говорить. Но тут Викентий Леонидович обернулся, увидел меня и сказал: «Ах, это вы!» Пришлось подойти поздороваться. А он спросил, почему у меня лицо такое красное. Когда я волнуюсь или чем-то расстроен, у меня кровь приливает к голове. Я стал что-то бормотать и внезапно все ему и рассказал. Хотя за секунду не собирался этого делать!

– Лерхе, стало быть, вас не замечал, а потом вдруг обратил внимание, – резюмировал сыщик. – Ловко! Ваша якобы случайная встреча могла быть им подстроена.

– Но зачем?

– Чтобы склонить вас не ходить на Кабинетскую.

– Но как же Викентий Леонидович мог узнать об моих планах заранее?

– А как отправленное вами письмо вернулось обратно? Вот то-то... Нельзя исключать, что тут заговор. И настоящий убийца умышленно наводит подозрение полиции на вас.

– Вы полагаете? – ужаснулся Илиодор Иванович и прикрыл рот ладошкой. – Что же мне делать?

– Говорить правду! А вы при первой встрече умолчали и о вызове на дуэль, и о письме!

– Алексей Николаевич! – взвыл Дуткин. – Вы и без того объявили мне, что я главный подозреваемый!

– Молчание бессмысленно. Я так и так все узнал. Но не от вас! И положение ваше от того лишь ухудшилось. Говорите прямо сейчас, что еще вы «забыли» мне сообщить? Ну? Как на исповеди!

– Больше ничего не утаил, святой истинный крест!

И финансист стал размашисто креститься.

– Смотрите у меня! А сейчас объявляю, что помещаю вас под арест. По подозрению в соучастии в убийстве известного вам Дашевского. Вновь открытые дознанием обстоятельства прямо обязывают меня к этому. Вот постановление судебного следователя, ознакомьтесь.

– Ой! А что скажут в министерстве? – ахнул Дуткин. – Я там на хорошем счету, и вдруг арест!

– Думайте не о придворной карьере, а о том, как на Сахалин не попасть. Если алиби не подтвердится, положение ваше станет хуже некуда!

Титулярного советника вывели чуть не в слезах. Лыков не хотел добивать и без того напуганного человека. Можно было посадить его в дворянскую камеру следственной тюрьмы, но там на общих прогулках Простака облапошат. Да еще и научат плохому: как затягивать дознание, писать жалобы и так далее. И Алексей получил от Дурново разрешение оставить арестанта во внутренней тюрьме департамента. Питание там можно заказывать из приличного ресторана, обращение – вежливое. И никакого общения с посторонними.

Закончив с бегемотиком, надворный советник разыскал Валевачева и огорошил его новым приказом:

– Собирайся, ты немедленно едешь в Москву. Чтобы пыль столбом

стояла!

И сообщил помощнику о своей находке и показаниях Дуткина. Юрий сразу загорелся:

– Он, точно он Снулого нанял! Богач, и такие обиды! А уж письмо-то... Присяжным одного его хватит, чтобы признать виновным.

– Ты разыщи сначала Клотильду Лавинэ, а потом рассуждай, – остудил сыщик пыл губернского секретаря.

– Тоже он нашел свидетеля – шлюху! – возмутился тот. – Да она за сто рублей что угодно подтвердит!

Но начальник слушать не стал и выгнал Валевачева домой, собираться. Велел с вокзала сразу ехать в сыскную полицию, к Эффенбаху. И вообще все свои действия согласовывать с этим человеком.

Остаток дня Лыков провел в мелких, но необходимых хлопотах. В частности, он приехал на квартиру Дуткина и опросил прислугу. Илиодор Иванович проживал в богатом доходном доме по Вознесенскому проспекту, выстроенном в модном новорусском стиле. Жилье из семи комнат он снимал на втором «генеральском» этаже. Сыщика поразила роскошь обстановки, и особенно камин из настоящего серавецкого мрамора. Он мечтал о таком, но стеснялся просить Вареньку о лишнем расходе. А тут! Любимый материал Микеланджело... Кабинет с дубовыми панелями и люстра богемского стекла тоже радовали глаз. Несмотря на большую квартиру, Дуткин держал при себе одного лишь старика камердинера, доставшегося ему еще от отца. Все остальное делала домовая прислуга. К удивлению сыщика, дедушка – его звали Василий Лукич – оказался трезвомыслящим человеком. Подопечного своего он любил и жалел, говорил, что тот «прост да честен» и зла никому не причинил. То, что Илидорчика посадили в тюрьму, поразило старика. Какое соучастие в убийстве! Да хозяин мухи не обидит! Еще камердинер сказал, что в доме у них порядок. Пролезть в квартиру и сунуть в бумаги лишний листок – это надо иметь шапку-невидимку. Лыков ушел озадаченный.

Всю первую половину следующего дня Алексей провел в кабинете. Было воскресенье, и никто не мешал. Они с Дуткиным разобрали четвертое и пятое июня чуть не по минутам. И толстяк ни разу не сбился. Успокоившись и смирившись, он подробно ответил на все вопросы. Сорок восемь часов его жизни были как на ладони. Большинство эпизодов подтверждалось свидетелями. Лишь дорога в Москву и полдня, проведенные там, остались в тени. Они не имели других наблюдателей, кроме Клотильды. Это была самая уязвимая часть алиби – и самая важная.

Устав от препарирования чужой жизни, Алексей ушел домой.

Формально пообедать, а на самом деле проветрить мозги. На Моховой все было как всегда: шумно и весело. Дети озорovali, няня с подняней сбивались с ног, Варвара Александровна хладнокровно музицировала. Хорошо... Восстановив силы в неравной борьбе с абреками, надворный советник вернулся на службу. Там его ждала телеграмма от Валевачева: «КЛОТИЛЬДА СЪЕХАЛА КВАРТИРЫ НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ ПОИСКИ ПОКА БЕЗУСПЕШНЫ ПОДРОБНОСТИ ЛИЧНО ПРИЕЗДЕ».

М-да. То, что поиски безуспешны, еще не страшно. Девку ищут всего несколько часов. Переехала и не успела пока сдать паспорт на прописку. Но почему Юрий хочет сообщить подробности лично? Пробыл бы там день-другой, дождался обнаружения «жрицы», снял бы показания, тогда и домой. Но он торопится. Значит, что-то случилось, чего не скажешь в телеграмме. Лавинэ не просто съехала, а сбежала? Скорее всего. Значит, алиби Дуткина трещит по швам. Лыкову вдруг стало жаль Простака. Он, конечно, что называется, с зайчиком^[35]. Но ведь не злой. Над ним легко насмеяться, и многие так и делают. Но в то, что Илиодор Иванович был соучастником убийства, сыщик уже не верил. Последняя беседа с глазу на глаз убедила его в этом окончательно. Осведомитель Борис назвал Дуткина оголтелым. Но и у оголтелости есть оттенки. Корпулентный недотепа действительно тронулся умом в части придворной мишуры. Идея фикс налицо. Но имеется рубеж, который Дуткин никогда не перейдет: он боится Бога. Он вообще некрепок духом. Есть слабаки, способные на подлость, и есть неспособные; финансист из последних. И сейчас он нуждается в защите Алексея. Потому что, судя по всему, кто-то подстраивает улики против него. Исчезновение единственного свидетеля не может быть случайностью. И отосланные письма не возвращаются обратно. Надо дожидаться Валевачева, узнать подробности и тогда решать.

Лыков до вечера прокручивал в голове разные варианты. Что, если найти француженку не удастся? Кто еще может подтвердить, что в воскресенье пятого июня Дуткин был в Москве? Опрашивать кондукторов в вагонах первого класса? Простак катается часто, должен примелькаться. Кроме того, есть буфетчики. На Николаевской дороге семь буфетов, кто-то должен опознать титулярного советника по карточке. Но суды не любят таких вот свидетелей. Что у кондуктора, что у буфетчика перед глазами проплывают в день сотни лиц. А с пятого июня прошло уже две недели. За это время в поездах проехали тысячи. Чего стоит такое свидетельство? И будет ли оно твердым? Фразы вроде «кажись, он» присяжных не убедят... Нужно что-то совершенно надежное, чтобы перевесить факт обнаружения письма.

День не дал ничего нового. Вечером Лыков снова поехал на Вознесенский проспект, взял Василия Лукича и привез его в департамент. Когда дедушка вошел в камеру к Дуткину, оба сначала опешили. А потом обнялись и зарыдали, как дети... Толстяк чувствовал: произошло что-то не в его пользу, но спросить побоялся. Алексей тоже молчал – ему пока нечего было сказать.

Ночью сыщик спал плохо. Он несколько раз ходил на кухню пить воду и в итоге встал утром с больной головой. Тяжелая мысль грызла его изнутри, мысль, в которую не хотелось верить. Как письмо Дуткина оказалось в его собственных бумагах? Ведь его должны были бы обнаружить в архиве Дашевского. Архив вывезли с Кабинетской в первый же день дознания, и Алексей давно его разобрал. Значит, страшную для финансиста записку подбросили. Когда и как? В квартире на Вознесенском это сделать затруднительно. И сторожа на чеку, и Василий Лукич не допустил бы. Остается совсем уж поганое предположение: ее подбросили здесь, в департаменте. Выходит, рядом с Лыковым изменник. Тогда пропажа свидетельницы сразу получает объяснение. Жива ли она вообще? У Снулого разговор короткий...

Кое-как Алексей дождался Валевачева, и тот лишь подтвердил его подозрения. Оказалось, что московские сыщики ищут Клотильду уже третий день. Один из ее клиентов, богатый старик, подал в часть явочное прошение^[36]. Розыском обнаружено, что девица съехала, забрав все вещи. Даже пианино и швейную машинку. Хозяин дома и дворник показали одно и то же: прибыл ломовик и увез барахло. Клотильда лично отдавала ему приказания. Потом рассчиталась за квартиру и сказала, что едет к маме в Париж. Когда вернется, не знает; может, и никогда... «Жрица» была чем-то взволнована и торопилась ликвидировать дела. И теперь половина разгульной Москвы горюет. Клотильда была девка красивая и заводная, люди в очередь записывались, несмотря на высокий тариф.

Юрий закончил рассказ предположением:

– Кто-то заставил ее уехать. Или напугал, или хорошо заплатил. Может, вы меня в Париж командируете? Я готов!

А Лыков слушал его и думал: ты изменник или Шустов? А может, Гольтгойер из Третьего делопроизводства? Он тоже мог. Да много кто мог! Любой сторож или курьер. Сейчас в Департаменте полиции столько развели сверхкомплектных служителей! По штату полагается иметь всего сорок две единицы. Но этого, разумеется, недостаточно для выполнения сложных задач департамента. И в итоге служит уже сто семьдесят человек! Всех заштатных именуют чиновниками для письма – большинство,

конечно, без классного чина. Что это за люди? Кто их проверял?

– Ладно, – мрачно ответил начальник. – В Париж поедешь, когда станешь вице-директором. А пока ступай в градоначальство, лови Снулого. Других поручений у меня для тебя нет.

Валевачев отправился выполнять приказание, а Лыков поехал на Кронверкский, 63, в первый участок Петербургской части. Участковый пристав капитан Брехастов принял сыщика настороженно. Год назад они поссорились на совещании у полицмейстера отдела. Дознавалось страшное массовитое убийство на Большой Пушкарской, в котором погибли четыре подростка. Брехастов отказался выделить для министерского чиновника городских. Капитану тогда объяснили, что Лыкову необходимо оказывать полное содействие, чего бы он ни потребовал. Брехастов затаил обиду, поэтому был сейчас холоден и хмур.

– Капитан, – сказал сыщик, – мне нужно знать фамилию и адрес одной дамы. Она проживает где-то в вашем участке. Звать Мария Евдокимовна, вдова тридцати лет. В Мокрушах у нее остались от супруга лабазы, и она сдает их в аренду.

Пристав помолчал, теребя роскошный ус (не то что у Дуткина!). Потом, не обнаружив в словах гостя подвоха, вызвал своего помощника. Они посоветовались между собой вполголоса, но вдову никто не вспомнил. Тогда послали за околоточным с Мокруш. Явился степенный дядька аж с пятью медалями. Он выслушал Алексея и сразу сказал:

– Как же! Это госпожа Голендеева.

– Точно? – нахмурился пристав.

– Больше некому. Вдова тридцати пяти годов, но выглядит на тридцать. Волос светло-русый, глаз серый, росту два аршина четыре вершка^[37]. Сдает в аренду четыре лабаза, что остались от покойного мужа.

Лыков спросил околоточного, что собой представляет госпожа Голендеева. Тот описал ее положительно. Женщина немного взбалмошная, но добрая. Бедным помогает. В частной жизни, что называется, открыта для предложений. Проще говоря, хочет замуж... Однако разборчива и при деньгах, поэтому поиск жениха затягивается. Правда, неделю назад вдова попалась надзирателю веселая, сказала, что готовится к свадьбе. Язык длинный, бабий, да... Но приветливая.

– Похоже, она, – согласился Алексей. – А где проживает, знаете?

– Еще бы я свой околоток не знал, – удивился дядька. – Живут в собственном доме в Татарском переулке.

Надворный советник обратился к приставу:

– Рад обнаружить, господин капитан, отличную выучку кадра в

порученном вам участке. Вы и ваши люди помогают раскрытию убийства церемониймейстера Высочайшего Двора.

Брехастов порозовел от удовольствия и протянул сыщику руку. Помирились, наконец-то...

Татарский переулок был неподалеку, и Алексей решил навестить вдову на авось. Вдали, на Съезжинской, он увидел городского и подошел к нему. Тот сразу стал во фрунт:

– Здравия желаю, господин Лыков!

«Делаюсь знаменитым, – подумал сыщик. – С чего бы это?»

– Покажи мне, где здесь дом вдовы Голендеевой.

– А вот он, господин Лыков! Третий от угла по левой стороне. Только там собака уж больно злая... Разрешите, я сперва распоряжусь, чтобы привязали!

– Не надо, – отмахнулся надворный советник. – Справлюсь как-нибудь... и с собакой, и со вдовой.

Постовой хмыкнул в усы и козырнул. Лыков подошел к небольшому двухэтажному дому. Деревянный, но крепкий. А во дворе даже яблони посажены! В воротах лежал огромный пес и глядел на сыщика с высокомерным любопытством. Алексей встал перед ним и сказал:

– Здорово, блохастый! Как жизнь?

Пес сначала зарычал, но потом подобрался и на полусогнутых торопливо отполз к сторожке. Тут из подъезда вышла хорошо одетая барыня и удивилась:

– Моего Гектора вся улица боится! А от вас он на брюхе уполз. Как это получилось?

– Здравствуйте, Мария Евдокимовна, – снял шляпу надворный советник. – Я к вам. Позвольте представиться: Алексей Николаевич Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции.

– Здравствуйте, – ответила Голендеева, бесцеремонно разглядывая Алексея. Она была действительно красива: хорошая фигура, ухоженное лицо, смешливые глаза. От вдовы словно исходили какие-то токи. Или волны? У Лыкова закололо в боку, там, где была рана от турецкого кинжала. Это с ним случилось, когда попадалась интересная женщина. «Ну-ка назад, – осадил сам себя сыщик, – ты еще с Анютой не разобрался!»

– Я веду дознание убийства вашего жениха, коллежского асессора Дашевского...

– Он не был моим женихом! – перебила сыщика Мария Евдокимовна. – Я не дала окончательного согласия.

– Но Устин Алексеевич говорил всем, что у вас скоро свадьба, –

возразил Лыков.

– Ну... Его, конечно, прельщал мой капитал...

– А вас – его придворное звание, – дополнил вдову сыщик.

Женщина вспыхнула, отстранилась, хотела ответить что-то резкое, но сдержалась.

– Вы правы – я, наверное, это заслужила. Жестоко с вашей стороны,

но, в сущности, справедливо. Алексей Николаевич, нам надо поговорить!

– Для этого я здесь.

– Сейчас я не могу... послала горничную за экипажем, меня ждут. У вас хорошее лицо. Хочется вам верить. Увы, бедной вдове нужна помощь...

У Алексея опять закололо в боку. Похоже, Мария Евдокимовна умела манипулировать мужчинами!

– Я к вашим услугам. Где и когда удобно вам встретиться?

Тут со стороны Кронверкского проспекта подъехал экипаж, с которого соскочила сочная молодка.

– Извольте, барыня!

Голендеева не обратила на нее никакого внимания. Она в упор рассматривала сыщика, словно делала ему оценку. Потом протянула мягкую теплую руку. Алексей на секунду приложился к ней губами, и у него странно закружилась голова. От руки исходил удивительно приятный аромат. У Вареньки таких духов нет!

– Мне удобно сегодня в семь, здесь, в моем доме.

– Тогда до вечера. – Лыков торопливо надел шляпу, чтобы магнетическая вдова не увидела, как покраснели его уши. Хотел уже уйти, но Голендеева остановила его:

– Погодите! Куда вас подвезти?

– А вы в какую сторону?

– К Щукину двору.

– Увы, мне надо вернуться в участок.

– Тогда до встречи в семь!

Лыков дал вдове уехать и пошел следом. Выбрался на Кронверкский, поймал извозчика и велел отвезти его на Фонтанку, 16.

Ровно в семь он стоял у дверей вдовы и давил кнопку воздушного звонка. Уже знакомая горничная впустила его, приняла шляпу и повела во внутренние комнаты. Много цветов, дорогая обстановка... Во всем выказывался достаток. Мария Евдокимовна в кокетливой насквозьке ^[38] ожидала сыщика за накрытым чайным столом. Кроме самовара и печенья, Алексей разглядел и бутылку вишневого кагора.

– Добрый вечер, Алексей Николаевич! – хозяйка приветливо встала. – А я знаю теперь, почему вас Гектор испугался!

– Отчего же? – заинтересовался гость.

– Илья, городовик со Съезжинской, разъяснил. Вы, оказывается, знаменитость в узкополицейских кругах.

Лыков нахмурился. Начальнику Особенной части слава ни к чему. Парень со свистком позволил себе лишнего. Но если пожаловаться

Брехастову, тот опять обидится, а только-только помирились...

– Что вам наговорил этот болтун?

– О прошлом годе, когда арестовывали чудовище с Большой Пушкарской, он стоял в оцеплении. И наблюдал, как вы под выстрелами выбили дверь и шагнули внутрь. Один. Стрельба сразу прекратилась. А вскоре вы появились снаружи, как ни в чем не бывало. И лишь тогда в дом вошли остальные.

– Ну и что?

– Илья спросил у сыскных: что за храбрец? А те ответили: это же Лыков! Он всегда, где опасность, самый первый.

Алексей смутился, но быстро взял правильный тон:

– Что было, то сплыло, а у нас есть дела поважней.

Голендеева вздохнула:

– Вы правы. Кто-то убил Устина Алексеевича... Скажите, вы уже нашли злодея?

– Нож в спину Дашевскому сунул некто Агейчев. Это бывший агент московской сыскной полиции, а теперь головорез. Его специальность – убийства на заказ.

– На заказ? – ахнула вдова. – Вы хотите сказать, что смерть Устина Алексеевича кто-то оплатил?

– Именно так.

– Но кто?

– Один из трех: или Дуткин, или Лерхе, или Арабаджев.

Мария Евдокимовна задумалась.

– Дуткин – это не тот ли простодыр со смешными усами, что встретился мне однажды в опере?

– Да.

– А кто Арабаджев? Неприятный пошлец татарских кровей?

– Он самый.

– Этого я видела однажды. Было ощущение, что говоришь со змеей, готовой тебя укусить!

– Стало быть, он и есть сообщник убийцы? – не без сарказма спросил Лыков.

– Конечно! Потому как больше и некому. Очевидно, что толстяк – безобидное существо. А Викентий Леонидович – человек чести, он на такое не способен.

– Что же вы тогда, Мария Евдокимовна, променяли его на негодяя? Ведь Устин Алексеевич Дашевский, по правде сказать, ничтожество и подлец.

Голендеева налила большую рюмку кагора и выпила ее одним махом. Потом спохватилась:

– Не желаете?

– Лучше чаю.

Хозяйка подала гостю чашку, при этом она смотрела так, будто просила сочувствия.

– Опять вы правы, Алексей Николаевич. И это я заслужила. Да, виновата! Чего там! Все мое тщеславие, будь оно неладно. Молодая еще, хочется блистать, царить, ловить на себе мужские взгляды... Но разве это так уж плохо?

– Плохого ничего особенного нет. Вопрос – какой ценой? Ради светского успеха вы готовы были терпеть возле себя этого... Ложиться с ним в одну постель, передать в управление капиталы...

– Там было ослепление. От честолюбия у меня затмило разум! Мой покойный муж Флегонт Петрович взял меня еще очень юной. И не любил, а, как говорят крестьяне, жалел. Добрый был человек, баловал молодую супругу, ни в чем не отказывал. Только просил не изменять. Так вся молодость и прошла без любви... Я себя блюла, перед Флегонтом Петровичем совесть моя чиста, но... я тосковала. И когда он преставился, будто с цепи сорвалась! И тогда-то почувствовала свою женскую силу. Говорят, я действую на мужчин магнетически.

– Есть немного, – добродушно, как опытный ловелас, ответил сыщик.

– Я даже днем нарочно испытала свою силу на вас. И мне показалось, что не безуспешно!

Голендеева вдруг схватила Алексея за руку, крепко-крепко.

– Алексей Николаевич! Отыщите злодея, освободите от подозрения Викентия Леонидовича! А я найду способ отблагодарить вас за это.

Лыков прислушался: в боку не кололо. Он сидел и не пытался вырвать пальцы и никакого волнения не испытывал. Чары кончились.

– Вы в каком чине? – требовательно спросила вдова.

– Надворный советник.

– Я дам вам пять тысяч. Достаточно?

– А если Лерхе все-таки виновен?

– За пять тысяч вы должны будете об этом забыть. Вам ведь нужны деньги? Надворные не очень много получают...

– Понимаете, я удачно женился. Взял за супругой огромное имение в Варнавинском уезде. Доходу дает столько, что хватит на десятерых тайных советников.

Голендеева убрала наконец руку, озадаченно посмотрела на сыщика.

Потом упрямо тряхнула головой.

– Ладно. Деньги вас не интересуют. А что тогда? Есть более традиционный способ, которым женщина благодарит мужчину. Вы согласны на него? Правда ведь, я хороша собою?! Берите. Берите, не стесняйтесь! Можно прямо сейчас, авансом. Только выполните мою просьбу.

– Я авансы не принимаю, – спокойно ответил Лыков.

– Тогда возьмите свое потом, когда сделаете дело!

– Насчет потом будет видно потом. Я обдумаю ваше предложение... на досуге. А сейчас ответьте на мои вопросы. Я так и так буду искать сообщника убийцы и никогда не арестую невиновного. Поэтому судьба Лерхе зависит не от меня и не от вас. А лишь от него самого. Если он не замешан в злодеянии – пусть живет. Если замешан – пусть ответит.

– Хорошо. Спрашивайте.

– Вы правда дали Устину Алексеевичу некоторые обязательства?

– Увы, дала. Я металась между ними двумя. Один был приятнее, но другой обещал больше шансов на успех. Все началось с того, что Дашевский жестоко высмеял Лерхе. Сказал: тот «бумажный» дипломат. У Гирса их целая канцелярия. Они всю жизнь строчат мемории, никогда не выезжая дальше Сестрорецка, а потом толстые и лысые выходят в отставку. Оттого мои мечты о Париже и Лондоне ни за что не сбудутся. Викентий Леонидович – телок, он не умеет отстаивать свои интересы. Я сначала не верила. Потом вижу: Лерхе действительно застенчивый, в ущерб себе. И как быть? Выйти замуж за этого тихоню? Это значит расстаться с мечтами блистать в свете. А тут Устин Алексеевич принес письмо министра Двора, где было сказано, что именно он выбран церемониймейстером. Это склонило меня окончательно. И я... фактически это можно назвать согласием, да. Не так категорично, но у него появилось право говорить о свадьбе.

– А Лерхе? Он пытался с вами объясниться?

– Нет. Он был оскорблен, сильно оскорблен. И не считал возможным опускаться до объяснений. Я не виню его в том, что он назвал вам мое имя. Викентий Леонидович имеет право не щадить такую двуличную особу, как я. Притом сейчас ему надо спастись от обвинений в убийстве.

– Лерхе на допросе отказался вас назвать. Мне пришлось затратить усилия, чтобы выяснить вашу личность самостоятельно.

– Вы говорите правду? – вдова стала заливаться краской прямо на глазах.

– Зачем мне лгать? Толстяк с дурацкими усами, Дуткин, смог

вспомнить лишь ваши имя и отчество. Потом уже ему пришла на ум оговорка про лабазы в Мокрушах. Так я вас и нашел.

– Ах, какая я дура! Благородный, благородный Викентий Леонидович!

Вдова вскочила, отбежала к окну и стала тихонько, как обиженный ребенок, всхлипывать в носовой платок. Лыков невозмутимо отхлебывал чай. Наконец женщина взяла себя в руки и вернулась за стол.

– Благодарю вас за это важное для меня сообщение, Алексей Николаевич. Вы точно не хотите кагору? Нет? А я выпью.

Она налила себе вина прямо в чашку и разом опустошила ее.

Лыков поднялся.

– Значит, будете склеивать разбитое?

– Да! – ответила Мария Евдокимовна. – Надеюсь, Викентий Леонидович меня простит. Я виновата перед ним и буду ждать сколько потребуется.

– Пожелаю вам дождаться. А я пошел искать злодеев.

– Как же мне вас отблагодарить? Я уверена, вы их найдете и снимете с Лерхе подозрения!

– Пригласите меня на вашу свадьбу.

Вдова улыбнулась сквозь слезы:

– Обязательно!

Когда Алексей вернулся на службу, в голове его созрел план. Сыщик пошел было в приемную, но оказалось, что директор уже уехал. И Лыков отправился к Дурново на квартиру.

Петр Николаевич занимал казенные апартаменты в новом доме на Владимирской. Когда Лыков вошел в парадное, со стула поднялся плечистый швейцар в темной ливрее. Алексей знал, что это переодетый унтер-офицер жандармского дивизиона, а в комнате сзади сидят еще двое. Увидав знакомое лицо, «швейцар» привычно козырнул.

– Здорово, Мальцев. У себя?

– Только что вошли.

Лыков поднялся на второй этаж, позвонил. Открыл дверь Михаил Давыдович – старый камердинер Дурново. Он служил вестовым при нем еще в бытность хозяина мичманом.

– Доложи, – лаконично приказал сыщик и прошел в кабинет. Камердинер не удивился и молча отправился выполнять команду.

Через минуту появился тайный советник. Он был в халате с бранденбурами, из-под которого высывалась ослепительно-белая сорочка.

– Что случилось, Алексей Николаевич?

– Свидетельница, что должна была подтвердить пребывание Дуткина в Москве в день убийства, не разыскана.

– Так... Она пропала или просто съехала с квартиры?

– Съехала и никуда не заехала. Как сквозь землю провалилась. Люди Эффенбаха ищут ее третий день, но никаких следов.

– Стало быть, инобытия у Дуткина нет?

– Нет.

– Подозрительно...

– Очень подозрительно! И письмо, которое буквально губит толстяка. Оно должно находиться в бумагах Дашевского, а отыскивается все у того же Дуткина. Полагаю, тут заговор.

Дурново молча смотрел на подчиненного, что-то соображая. Потом спросил:

– Письмо Дуткину подбросили?

– Да. Но не на квартире, а сунули в конфискованные у него бумаги. Уже в департаменте.

– Что?! – опешил тайный советник.

– Именно так, – тихо подтвердил Лыков.

Дурново встал и возбужденно зашагал по комнате. От его маленькой крепкой фигуры исходили волны энергии. Вдруг он остановился перед вытянувшимся во фрунт Лыковым.

– Вы уже кого-то подозреваете? Из своих.

– Почему только из своих? В департаменте сто тридцать человек сверхкомплектных!

– Да, вы правы. Среди них могут быть разные, в том числе и случайные, и продажные. И что делать?

– Я должен поехать в Москву. Попробую сам найти эту Клотильду, живую или мертвую.

Дурново в сомнении покачал головой:

– Эффенбах со своим войском не нашел, а вы отыщете?

– Я стану искать там, куда его люди не проникают.

– Значит, вы уверены, что Дуткин не причастен к убийству?

Лыков поморщился. Ох уж эти начальники... Как будто в сыске можно быть в чем-то уверенным!

– Я считаю, что убийцу и заказчика надо искать всеми средствами. В виновности финансиста сомневаюсь.

Дурново решил:

– Быть по сему. Езжайте. Сколько вам понадобится времени?

– Два-три дня.

– Так быстро все узнаете? – удивился директор департамента.

– Есть мысль. Помните, я сказал, что француженка как сквозь землю провалилась? Возможно, там ее и надо искать. Мертвую.

– Поясните! – с раздражением потребовал Дурново.

– Снулый шесть лет ловил по Москве темных людей. Он там все и всех знает. В том числе куда обратиться, если надо спрятать труп.

– И что?

– Самое надежное место – Даниловские каменоломни. Давний способ. Говорят, там лежат тысячи...

– Это те пещеры, где вы чуть было не погибли?^[39]

– Они.

Тайный советник поежился:

– Бр-р... Три дня сидели?

– Четыре.

– Черт! Я бы застрелился. Или свихнулся. Охота вам снова туда нос совать?

– Неохота. Но надо. Я ведь тоже знаю, куда обратиться. Поэтому Эфенбаху не ответят, а мне ответят.

Дурново понимающе кивнул:

– Да, ваши приятели-рогожцы помогут. Когда едете?

– Прямо сейчас. Однако эта моя вылазка должна оставаться в тайне. От всех, и особенно от моих сотрудников. Они ведь первые на подозрении, вы правы.

– Я утром издам приказ о командировании вас в Либаву. Там убит таможенный служащий. Полицмейстер просил содействия.

– Очень хорошо. Постараюсь обернуться как можно быстрее. Разрешите идти?

Тайный советник вместо ответа втянул ноздрями воздух.

– Пойдите-ка! Чем это таким вкусным от вас пахнет?

– Попил чаю с молодой богатой вдовой.

Дурново, известный юбочник, сразу загорелся любопытством:

– И как она? Хороша?

– Магнетическая женщина, – ответил Алексей. – Предложила мне пять тысяч, если я поймаю убийцу, но только чтобы это был не Лерхе!

– Ого! А другого она вам ничего не предлагала?

Сыщик промолчал, и Дурново вздохнул:

– Эх, где мои годы, где мой кортик... Ну, с Богом!

Перед тем как ехать домой, Лыков опять заглянул на Вознесенский проспект. Он спросил Василия Лукича, нет ли в доме фотографического

портрета его хозяина. Тот вынес из спальни карточку в рамке.

– Вот... на Масленую снимался...

Дуткин был в дорогом рединготе, самодовольный и щекастый. И не подозревал человек, какие испытания его ожидают...

– А той француженки?

Старик, бранясь под нос, открыл ящик бюро.

– Вот она, шельма! Сколь средств из нашего дуралея выманила...

Клотильда Лавинэ действительно оказалась молодой и красивой. На обороте портрета обнаружилась надпись: «Котику от ево киски». Лыков стал засовывать добычу в карман, когда Василий Лукич обратился к нему:

– Ваше высокоблагородие! Правду говорят, что, ежели эта шалава не отыщется, барину каторги не миновать?

– Увы, правда.

– Вы уж сыщите ее! Я за вас весь остатний век Бога молить стану, только ослобоните Илидора от каторги! Он же мухи сроду не обидел, какое тут может быть убийство? В одном только и виноват, что доверчив. А такие люди Господу более других угодны!

И старик зарыдал в голос, бормоча бессвязно:

– За ним в каторгу пойду... Пропадет Илидорчик без меня, пропадет! Сыму домик напротив темницы и стану барина соблюдать... Найдите супостатов, не дайте злу свершиться! Найдите, Христом-Богом молю...

Лыков ушел с тяжелым сердцем.

В четыре часа пополудни он ступил на московский дебаркадер. Эх, Первопрестольная! Все те же суета да грязь. Нет в тебе столичного лоска...

С вокзала Алексей направился в Никитниковский переулок. На втором от угла доме, по правой стороне, красовалась подновленная вывеска: «Мастерская ретирадников привилегированных систем». Сыщик стукнул в раму два раза. Дернулась занавеска – кто-то разглядывал его изнутри. Затем дверь распахнулась, и раздался радостный голос:

– Заходи, редкий гость, гость дорогой!

Лыков шагнул в дом и попал в объятия крепкого мужика серьезной наружности. Это был Антон Решетов, помощник Степана Горсткина.

– Будь здоров, Антон Иванович. Где сам? Дома ли?

– Чаевничает. Будешь себя хорошо вести, и тебе нальет...

Горсткин был начальником секретной службы поповцев австрийского согласия, иначе именуемых рогожцами. Это самый богатый в империи старообрядческий толк, и капиталы там огромные. А где большие деньги, случаются большие неприятности. Степан и его люди призваны их

разрешать.

Год назад с Горсткимым приключилась беда. Мишка Мазурин, непутевый сын владельца Реутовской мануфактуры, нанюхался кокаину. И решил пристрелить папашу, а потом и себя. Неизвестно, что померещилось балованному крестину после «кикера». Но Мишка приставил к голове отца револьвер и долго объяснял ему, почему тот должен умереть. Полицию Мазурин-старший умолял не звать, поэтому послали за Горсткимым. Горсткий зашел, увидел жуткую картину и начал убалтывать кокаиниста. А сам незаметно подвигался к нему от порога. Ему оставалось всего ничего, как вдруг парень выстрелил. То ли Степан что-то не то ляпнул, то ли сдали траченные нервы. Пуля попала Горсткому в голень левой ноги и раздробила кость. Больше Мазурин-младший сделать ничего не успел. Горсткий, уже теряя сознание, выбил у него револьвер, а подоспевший Антон окончательно щенка обезвредил. Но Степану отняли ногу по колено, и теперь он ходил на костылях. Мазурин-старший отблагодарил его большой суммой, а непутевого сына отослал учиться в Лондон. Где тот вскоре и кончил жизнь вследствие усиленной морфинизации...

Степан крепился, быстро выучился ходить с палками и вообще мало изменился после несчастья. Лыков, когда узнал о случившемся, испугался, что калеку выкинут со службы. Но могучий клан Морозовых отстоял Горсткого. Он сохранил должность, разве что стал реже гоняться за всякой шушерой.

Увидев гостя, инвалид попытался встать, но не успел: Лыков по-свойски уселся напротив.

– Чашка лишняя найдется?

– Да была где-то... сколотая. Как раз для таких, как ты. Чего телеграмму не дал?

– Все очень быстро случилось. Дело необычное. Мне надо получить справку из одного места.

– Из какого? Для Лешки Лыкова расстараясь!

– Хочу узнать у подземных людей из Даниловки, не привозили ли им на той неделе мертвую барышню.

Степан так и застыл с чашкой у рта. Посидел молча, потом отставил посуду и сердито сказал:

– Дурак! Ты отудова еле ноги унес! Девять годов прошло, я думал, ты за это время поумнел. А выходит, наоборот, поглупел!

– Степан, ты на меня не ори... Просто так туда не ходят. Мне надо.

В комнате стало тихо. Горсткий возмущенно сопел, но – Алексей видел – уже думал, как сделать. Решетов сидел безмятежно. Под землю так под

землю...

– Кто там сейчас «губернатором»? – спросил Степан у помощника.

– Шайтан-оглы.

– Да вы что! – обрадовался Лыков. – Я ж его знаю! Может, и он меня не забыл?

– Если не забыл, так даже хуже, – осадил сыщика Антон. – Ты ведь когда с ним говорил, фартовым прикидывался?

– Не совсем фартовым. Вольным человеком, что ищет двух мошенников.

– Какая разница! Не сыщиком, правильно?

– Ну...

– Вот обидится на тебя Шайтан-оглы за тот обман и захочет наказать!

– Ты чего меня стращаешь! – воскликнул Алексей. – И без тебя страшно.

– Боишься все-таки? – обрадовался Горсткин. – А я думал, совсем с катушек съехал...

– Есть маленько, – признался надворный советник. – Хотя за что подземным жителям меня казнить? Зла я им не делал. В полиции служу? За такое не убивают. Хочу получить справку и хорошо за нее заплачу. Им одна выгода!

Горсткин задумался, рисуя пальцем на скатерти какие-то знаки. Сыщик подыграл ему:

– Опять же, если за меня попросят такие люди, как вы!

– Ишь как запел. Чуешь, куда клонит? – покосился на своего помощника Степан.

Решетов рассудительно ответил:

– А давай я съезжу и передам.

– Вместе поедem, – строго сказал начальник секретной службы. – Вели закладывать.

Антон вышел распорядиться, а Горсткин обратился к сыщику:

– Тебе, как всегда, срочно?

– Да. В Петербурге человек невинный в тюрьме сидит.

– Шайтан-оглы сейчас в осаде. Ищут его твои друзья-приятели со всей сноровкой, да никогда не найдут. Он из-под земли уже год не вылезает. А если вылезает, то так, чтоб о том никто не знал. Мы с Антоном сейчас поедem в Даниловскую слободу. Там встретимся с управляющим салотопенным заводом, обскажем ему твою просьбу. Тот передаст дальше по команде. Через несколько рук дойдет до «губернатора». А уж он как решит...

– Когда мне ждать ответа?

– Думаю, завтра к вечеру. Теперь изложи слово в слово, что именно требуется и сколько ты за это платишь.

– Сообщи «губернатору» так: известный ему Лыков, нынче чиновник Департамента полиции, просит о справке. Привозили ли им несколько дней назад покойницу, молодую девку? Некто Агейчев, бывший сыщик. Пусть только скажет, да или нет. Плачу за справку две сотни независимо от ответа.

– Ишь, две сотни! Начальство тебе такие деньги доверяет? – усмехнулся Степан.

– От него дождешься! – в тон ему ответил Лыков. – Кучу бумажек надо заполнить, чтобы червонец с мелочью получить. Я плачу из своих.

– Пошто? – удивился Горсткий. – Человека из тюрьмы вызволить? Он тебе сват-брат?

– Нехорошо, когда люди зря страдают.

– Так мир устроен, не тебе его менять, – нравоучительно объявил Степан. – Попал в темницу – значит, Богу оно потребовалось. Дух укрепить или за грехи наказать. Не суйся в Божий замысел!

– Степа, шел бы ты... в Даниловскую слободу, – ласково послал товарища сыщик. – И не вздумай там торговаться!

Тут вернулся Решетов.

– Готово.

Рогожцы укатали, а Лыков пешком отправился на Солянку. Игумнов, владелец дома, из которого съехала француженка, ему не обрадовался.

– Опять двадцать пять! Неделя меня мурыжат, про одно и то же спрашивают! Сколько можно? Всех жильцов мне распугали!

Игумнов проживал на первом этаже старого послепожарного дома, а второй сдавал внаем.

– Мне нужно узнать, был ли у вас пятого июня, в воскресенье, вот этот господин, – Алексей протянул хозяину карточку Дуткина. – Взгляните, он приметный.

Но Игумнов отказался даже бросить взгляд.

– Я все уже рассказал. А вы меня куда впутываете? Думаете, не знаю, чем кончится? Коготок увяз, всей птичке пропасть! Замучишься потом от вас откупаться...

Лыков хотел рывкнуть как следует, но вспомнил повадки Снулого и сдержался. Ведь Эффенбах его такого шесть лет терпел! Сами виноваты, что люди с нами говорить не хотят. И сыщик сказал просительно:

– Этот человек сейчас сидит в тюрьме в Петербурге. За то, чего не

совершал. Посмотрите, пожалуйста. Вы можете помочь, по-христиански.

Домовладелец, видимо, никогда не слышал от полиции таких речей. Он смутился и ответил:

– Да-да, конечно. Давайте. Грех не помочь. Надо еще Гаврилу-дворника позвать. Он хоть и пьяница у меня, но ум пока не пропил. Всех помнит. Гаврила!

Явился веселый парень с испитым лицом.

– Чево?

– Вот, глянь. Был у нас такой?

Дворник взял карточку и тут же уверенно сказал:

– То ж господин Дуткин! Петербургский житель. Большой человек!

Цере... море...

– Церемониймейстер, – подсказал Лыков.

– Вот и я говорю: цереморемесер. Частенько у нас бывает! Завсегда мне целковый дает, когда я ему калитку отворяю.

– Вспомни, а в воскресенье пятого июня он тоже приезжал?

Гаврила наморщил лоб:

– В воскресенье? В позапрошлом? Был! Не с самого утра, но был.

– Точно?

– Точно. Я почему запомнил? Рупь он мне дал, да рваный. Я его потом в лавке обменял.

– Так-так. В котором часу прибыл, не помнишь?

– Хм... Давно, барин, дело-то было... Ага! Приехал напримерно к обеду, часам к двум. А уехал в восемь. Я ему еще извозчика до Николаевского вокзала рядил. Снова рупь заработал!

– Кто-то может это подтвердить?

– Анфису спросите, она Клотильде всегда прислуживает.

– Анфиса – моя горничная, – пояснил Игумнов. – Наверху убирается за отдельную от жильцов плату.

– Будьте добры, позовите ее, пожалуйста.

Пришла толстая рябая девка с хитрыми глазами и все подтвердила. Да, приезжал вот этот барин. Раз в месяц появляется. Богатый! В позапрошлом воскресенье тоже был, точно. Она его в щелку меж занавесок наблюдала. Полдня прокувыркался с Клотильдой да и уехал.

Алексей забрал дворника и горничную и повез их в Гнездниковский переулок. Там чиновники сыскной полиции записали их показания, после чего Лыков нанял извозчика отвезти свидетелей обратно. Перед этим он еще раз расспросил Гаврилу с Анфисой. Они хором заявили, что Клотильда была чем-то сильно напугана. Торопилась съехать и адреса нового не

сказала, хоть они и спрашивали. Бранилась, что ломовик запаздывает. Никогда они доселе французенку такой не видели... Надворный советник показал им фотопортрет Ефима Цыферова и словесно описал Агейчева, но прислуга их не опознала.

Закончив дела, Лыков напился чаю в кабинете у Эффенбаха и условился с ним об ужине. Про встречу с «губернатором» Даниловских пещер он не сказал ни слова. Чтобы не расстраивать главного московского сыщика...

Наскоро перекусив в буфете градоначальства, Алексей поехал на Волхонку. Здесь в собственном доме жила Полина Аркадьевна Ратманова. Вдова Буффало так и не вышла замуж и воспитывала сына в одиночку. Саше исполнилось уже одиннадцать лет! Как быстро летит время...

Полина Аркадьевна обрадовалась Лыкову. Они давно не виделись, было о чем поговорить. Алексей под большим секретом передал вдове поклон от ее второго, приемного сына. Федор Ратманов-младший по прозвищу Буффаленок связал свою жизнь с военной разведкой. Сейчас он под чужим именем обретался где-то на Дальнем Востоке^[40]. Лишних сведений сыщик не выдал, но сказал главное: жив, здоров и молится за вас. Когда вернется, неизвестно... Если честно, Лыков и сам ничего не знал о Буффаленке. Барон Таубе строго-настрого запретил ему всякие расспросы. Они с Федором расстались три года назад, и с тех пор как отрезало. Но сыщику хотелось утешить приемную мать друга, пусть даже и немного приврав.

Посидев больше часа у Ратмановых, он отправился в «Патрикеевский трактир». Знаменитый Тестов держал заведение отменно. Лыков с Эффенбахом хорошо там назюзюкались. Был Петровский пост, поэтому сыщики ударили по рыбе. Начали с бостонского супа по-американски, с картофелем, сладким перцем, шпиком и сельдереем. Блюдо нерусское, но у Тестова все выходит вкусно! Дальше пошли холодные котлеты из севрюги с подливой кумберленд, раковый плов, волховские сиги по-архиерейски, заливное из ершей и паровая стерлядь. Отведали и трюфелей, собранных по соседству, во Владимирской губернии. Нигде в Петербурге так не поешь... Пили английскую горькую, крымскую очищенную и померанцевую эссенцию. Осоловевший Лыков уже за полночь вернулся в Никитники и улегся спать на продавленном диване. Утром ни свет ни заря Горсткин с Решетовым укатили по делам. Надворный советник полдня просидел в одиночестве, мечтая похмелиться пивом. Должны были сообщить, состоится ли встреча, ради которой он приехал в Москву. Сыщик прислушался к своим ощущениям и остался доволен. Встреча его не

пугала. Убивать чиновника полиции уголовным незачем. Шайтан-оглы может отказаться от беседы. А может прийти и не сказать ничего важного. Ведь то, что труп Клотильды Лавинэ снесли в каменоломни, только догадка Алексея. Снулый мог утопить его, например, в Богоявленском пруду. Жители соседних деревень с характерными названиями Верхние и Нижние Лихоборы – мастаки на подобные дела. Или тело француженки закопали в оврагах вдоль Варшавского шоссе – тоже старое разбойничье место. Да где угодно можно спрятать покойника! Просто Даниловские копи всего надежнее. А Снулый однажды уже обжегся, пытаясь избавиться от трупа лакея. И теперь наверняка подстраховался. Он не мог даже и представить, что у начальника Особенной части Департамента полиции есть знакомства под землей...

В три часа рогожцы вернулись и отпустили гостя в ближайшую пивную. Чуть позже появились долгожданные вести. Шайтан-оглы согласился на встречу. Она должна состояться в полночь у главного входа в Долгую пещеру. Пещера находится между окраиной Живодерной слободы и татарским холерным кладбищем; места все зловещие. Из Долгой то ли шесть, то ли семь выходов, и одним концом она соединяется с общей системой Даниловских каменоломен. Поймать там ночью местного обитателя невозможно. Главное условие встречи – Лыков должен быть один.

Сыщик прибыл в Живодерную слободу загодя. Москва не Питер, здесь ночью темно! Антон Решетов вывел его за околицу, ткнул пальцем в горизонт и сказал:

– Тебе туда.

И ушел ждать в пролетку, которую поставил за бойней. А надворный советник заковылял к пещере.

Он простоял возле лаза четверть часа. Ровно в назначенное время из-под земли показался колоссального роста детина.

– Ты один? – строго спросил он Лыкова.

– Один.

Парень просунулся назад и негромко свистнул. Послышались шаги, и наверх выбрался Шайтан-оглы.

– Здорово, Лыков!

– И тебе здоровья!

Сыщик и «иван» пожали друг другу руки, и татарин ухмыльнулся:

– Ловко ты нас тогда объегорил! Все решили, что тебя задавило. Некоторые, как Верлиока, даже погоревали! А ты вон жив-здоров, и к тому же фараон...

– Про Верлиоку последнюю новость слышал? – поддержал разговор Алексей.

– На Сахалине он.

– Уже нет. Никифор сбежал оттуда в восемьдесят девятом в Японию. И там японцы его зарезали.

– Японцы? У нас говорили, что они некоторых фартовых с каторги скрадывали и сюда возвращали. Для каких-то своих надобностей.

– Правильно говорили. А кто отказывался, тому голову отрубали. Так и Никифору снесли.

– Жалко Верлиоку, – искренне вздохнул Шайтан-оглы. – Добрый был налетчик! Но и ты молодец. Не побоялся к волку в зубы. Одобряю храбрых. Если бы я тогда знал, что ты фараон, – не убил бы!

– Как же ты под землей-то оказался? – посочувствовал Алексей. – Скучно, холодно и сыро. Только люмбаго наживать. Может, уйти тебе из Москвы?

– Да я у своих бываю, когда захочу, – бодро ответил Шайтан-оглы. – Недавно вот в Арженовке кулачный бой смотрел. А не хочешь хоть с моим Микиткой сразиться? Силу не растерял?

Великан тут же сделал от лаза шаг к Лыкову.

– Не жалко тебе юношу? – спросил тот.

– Нет, а что? Он могутный! Ты попробуй!

– Некогда, Шайтан-оглы. Я сюда не баловаться пришел.

– Ладно, – «иван» сразу посерьезнел. – Говори, что у тебя за дело.

– Неделю назад или раньше некто Агейчев убил у вас в городе молодую женщину, француженку. Сам Агейчев – бывший...

– Знаю, – перебил Лыкова «губернатор».

– Так вот, вопрос: не просил он ваших спрятать труп? Здесь, в каменоломнях.

– Просил, – лаконично ответил Шайтан-оглы. Лыков даже растерялся: так быстро и просто он узнал правду!

– И что ваши?

– Спрятали, как он хотел, – спокойно сообщил «иван». – Есть такие места, где никто не сыщет. Сто рублей взяли с него.

Алексей помолчал, потом не удержался и спросил:

– Скажи, почему ты мне это говоришь? Фартового выдал...

– Агейчев не фартовый, а просто отрепье. Много зла тут сотворил, когда сыщиком был... А ты хоть и из «чертовой роты»^[41], но порядочный. Потом, уговора молчать не было. А мои слова к делу не пришьешь.

– Взгляни, пожалуйста: это она? – надворный советник протянул собеседнику фотокарточку француженки.

Тот взял и сказал через плечо:

– Посвети!

Микитка зажег спичку.

– Она.

Пламя тут же потушили. Осторожничают «губернатор» подземелья! Лыков полез за деньгами, вложил в ладонь Шайтан-оглы банкноты.

– Спасибо тебе!

Тот стал на ощупь пересчитывать бумажки и вдруг рассердился:

– Лыков! Ты что, в меняльную лавку пришел?! Как я тебе в темноте сдачу дам?

– Какую сдачу? – не понял сыщик.

– Такую! Договорились на полсотни, а ты сколь сунул? Двести!

– Я и Горсткину сказал: двести.

«Иван» помолчал, потом хихикнул:

– Вот черт одноногий! Решил Департаменту полиции наличность сэкономить...

Лыков пояснил:

– Это мои деньги, департамент на такое не дает.

Шайтан-оглы присвистнул:

– Ты что, товарища выручаешь? Почему сразу не сказал? Возьми соргу^[42] обратно!

– Нет, он мне не товарищ, просто человек, – поторопился внести ясность сыщик. – Посторонний. И даже не очень умный. Мне пришлось сунуть его в цинтовку^[43]. Агейчев смастерил ложные улики. Жалко.

– А... Ну, тогда это меня не касается. Сдачи не жди!

«Губернатор» сунул деньги в карман и протянул сыщику крепкую руку:

– Бывай, Лыков! Появятся лишние средства – заходи!

В крошечной тьме, спотыкаясь об кочки, Алексей вернулся в Живодерную слободу. Вот же дикое место! Не зря «люди мешка и веревки»^[44] его обожают. Жуть! Ни одного фонаря. То и дело попадают пьяные, возле кабака разгул, жарит гармоника и лежат вповалку люди. Кто-то тянет «Собачка верная, зверек, заплачет у ворот...», кто-то назло ему выкрикивает «Ланцов бежать собрался...». Сыщик старался быстрее проскочить, но его уже заметили, и трое оборванцев потянулись следом. Ребята на бойнях крепкие, к дракам привычные – не хватало еще получить от них по морде! Лыков поднажал, местные не отставали. Он хотел было задать стрелка, но невовремя вспомнил, как драпал по Газовой. Так и трусом заделаешься! Алексей развернулся и решительно шагнул к преследователям.

– Чего надо?

Ребята замялись, но самый рослый дерзко спросил:

– А ты кто такой?

Удар – и парень кубарем покатился по земле.

– Еще вопросы есть?

– Да мы так... покурить спросить...

– Брысь!

Отделавшись от шпанки, Лыков пошел искать пролетку. Возле нее тоже что-то происходило. Четверо обступили экипаж со всех сторон. Слышался спокойный, рассудительный голос Решетова:

– ...Не твоё дело, дурак, кого я здесь дожидаюсь. Вот начну сейчас тебе зубы пересчитывать да лишние и сыщу.

– Ён ещё и хамит! – возмутился абориген. – А...

Тут сзади подоспел Лыков и от души приложил ему кулаком по загривку. Остальные разбежались, лишь одного Антон сумел ожечь кнутом.

Пролетка выехала на Калужскую. Рогожец невозмутимо поинтересовался:

– Ну, вызнал что хотел?

– Да. Все как я и думал. Спасибо вам, ребята!

– Обращайся...

Они миновали ограду Нескучного сада, разошлись с полицейским отрядом возле Арестного дома. Окраина Москвы сменилась Замоскворечьем, и сталолюдно.

– У нас заночуешь или как? – спросил Решетов, когда они по Зацепскому валу въехали на Краснохолмский мост.

– Нет, мне пора на службу. Доставь меня, пожалуйста, до вокзала.

– А вещи?

– Вещи уже там.

Антон легонько тронул кобылу вожжами:

– Н-но, веселая!

На Каланчевской площади они простились. Решетов укатил, как всегда невозмутимый, а Лыков отправился выправлять билет на ближайший поезд. В кассе ничего приличного не оказалось, только третий класс. Сыщик растолкал дежурного по вокзалу, нагнал на него страху и получил в свое распоряжение целое отделение^[45] из брони МВД. Он лег, не раздеваясь, и тут же уснул.

Лыков решил не показываться ни на службе, ни дома. Ему нужно было подумать. Прямо с вокзала сыщик поехал на Тверскую. Послал коридорного в трактир за обедом, принял ванну и, сытый и чистый, сел за письменный стол. Окна конспиративной квартиры выходили на безлюдный двор. Размышлять никто не мешал.

Итак, Дуткин невиновен. Шайтан-оглы прав, его слова к делу не пришьешь. Но показания дворника и горничной – это уже документ. У Простака инобытие на ночь убийства. В полдень воскресенья он был в Москве. Ехать туда поездом из Питера четырнадцать часов, а воздушные шары в Первопрестольную пока не летают. Дуткина можно выпускать из секретной камеры. Но лучше этого не делать. Пусть Снулый с сообщниками думают, что их ход удался...

Что теперь? Остаются двое подозреваемых: Арабаджев и Лерхе. Против первого только его оголтелость, а вот дипломат всерьез намеревался пристрелить соперника. И счет у него к Дашевскому весомый. Тем не менее сыщик ставил обоих на одну доску. Но что делать с этими догадками? Никаких улик против состоящих нет. Сами они никого не убивали. Надо искать Снулого, и уже от него узнавать имя заказчика.

Ага. Найти Снулого... Легко сказать! Если в самой Особенной части измена и непонятно, кому теперь можно доверять. Кто продался, Велевачев или Шустов? Ни на того ни на другого думать не хотелось. Юрий – ученик, которого он, Лыков, долго искал. Неужели ошибся? А Шустов? Честный надежный труженик, прошедший все проверки. Служил еще в Третьем отделении! В 1880 году всемогущий тогда Лорис-Меликов упразднил лавочку и создал Департамент государственной полиции. Из семидесяти двух человек старого кадра в новый взяли только двадцать одного. В том числе Сергея Фирсовича. Молчун, вся жизнь которого ушла на содержание своих сестер – старых дев. И не ропщет. А вдруг письмо в бумаги Дуткина подсунил кто-то из рассыльных? Хорошо бы так. Но начать проверку все

равно надо со своих.

Алексей вызвал коридорного и велел ему послать курьера с запиской ко вдове. В записке было сказано:

«Мария Евдокимовна, мне необходимо срочно с Вами увидеться. Сообщите, когда и где. Жду Вашего ответа.

Лыков».

Через полтора часа сыщик получил ответ:

«Я дома, приходите в любое время. Мария».

«Ишь ты, она уже Мария! Если так пойдет, то и до греха недалеко», – посмеялся про себя надворный советник. И поехал в Татарский переулок.

В этот раз вдова приняла гостя в строгом домашнем костюме без декольте и прозрачных рукавов. И без вишневого кагора.

– Что случилось, Алексей Николаевич? Вы нашли, кого искали?

– Заказчика убийства? Пока нет. Но я выяснил, что это точно не Дуткин. Круг таким образом сузился до двух человек.

– До одного! – топнула ножкой хозяйка.

– До двух, Мария Евдокимовна. Увы, до двух. Давайте смотреть правде в глаза.

– Но...

– Успокойтесь и выслушайте меня.

Голендеева села, но глядела на Лыкова недобро.

– За этими людьми целый шлейф крови, – начал тот. – Убит ведь не один Дашевский! Зарезан его лакей Петров. Во время стычки на Гутуевском острове я легко ранил сообщника Снулого, и тот немедленно его добил. А вчера достоверно выяснилось, что в Москве погибла молодая девушка, на которой держалось инобытие Дуткина. Итого уже четыре жизни, а возможно, и пять.

– Какое отношение это имеет к Викентию Леонидовичу? – выпятив подбородок, спросила вдова.

– А вы действительно готовы выйти замуж за Лерхе, даже если он связан с перечисленными смертями?

– Он не связан!

– Ну хорошо, – решил зайти с другого бока Лыков. – Вы верите в невиновность Лерхе...

– Да, верю!

– Тем лучше. Тогда помогите мне разоблачить Арабаджева. И подозрения с вашего жениха снимутся сами собой.

Вдова сверкнула глазами:

– А вот это с радостью!

– Вы общались с Лерхе?

– Нет... Никак не могу написать правильное письмо. Получается все ерунда, дневник гимназистки! Я виновата перед Викентием Леонидовичем. Но как мое покаяние будет выглядеть сейчас? Потеряв одного жениха, я решила вернуть предыдущего? Что он обо мне подумает? Ужасно! Я не знаю, как мне быть.

– Я знаю. Не надо ничего писать. Через три-четыре дня все станет ясно. И я сам сообщу Викентию Леонидовичу, как вы помогли мне восстановить его доброе имя.

– Вот это славно! – вдова даже захлопала в ладоши. – Давайте быстрее! Что я должна сделать?

– Секунду, Мария Евдокимовна, – сыщик прекратил аплодисменты взмахом руки. – Вы должны отдавать себе отчет. Все очень серьезно.

– Какой отчет?

– Такой! Ведь если Лерхе виновен, то вы помогаете мне отправить его на каторгу!

– Я уже сказала: он невиновен! – отрезала вдова. – Итак, что я должна делать?

– Завтра поутру, между девятью и десятью часами приходите в Департамент полиции. На входе скажете, что у вас сообщение для надворного советника Лыкова. Дежурный служитель отведет вас в мой кабинет. Самого меня там не будет, но будут двое подчиненных: один помоложе, второй постарше. Скажете им, что после нашей с вами беседы, которая – тут не ошибитесь! – состоялась три дня назад, вы кое-что вспомнили. И пришли сообщить. Молодой ответит, что я в командировке и ожидаюсь через день-другой. И предложит рассказать то, что вы вспомнили, ему. Тогда вы как бы нехотя отдадите пакет с письмом на мое имя.

– А что за пакет? – спросила вдова.

– Мы сейчас вместе сочиним нужное письмо. Оно должно заставить сообщника Снулого искать встречи с главарем.

– Сообщника Снулого? Того самого убийцы?

– Да. Кто-то из моих людей – изменник. Надо выяснить кто. Иначе дальнейшее дознание невозможно.

– М-да... Но что же такое важное я могла вдруг вспомнить?

– Например, Устин Алексеевич перед смертью сказал вам, что опасается Дуткина. Тот очень обижен за одну его злую шутку. И грозился нанять... тут запишите слово в слово.

Голендеева схватила карандаш и полуторалист почтовой бумаги.

– ...нанять таких людей, которые наказывают наглость, – продиктовал надворный советник. – Эти люди есть в Москве, и Дуткин готов туда выехать. Если не получит удовлетворения.

Вдова старательно записала.

– Далее. Отдавая письмо, незаметно уроните на пол перчатку. Но чтобы ее не увидели тут же! Затолкайте ногой под стол, или как-то так... И уходите.

– Совсем? – удивилась вдова. – А моя перчатка?

– Выйдите на две-три минуты, а потом неожиданно вернитесь. Скажете, что за своей вещью. Обнаруживаете ее и удаляетесь уже окончательно. Я буду ждать вас в закрытом экипаже за Пантелеймоновским мостом. Опишете мне подробно, что вы увидели.

– Увидела, когда вернулась в кабинет?

– Да. Тот, кто честный, пакетом не заинтересуется. А вот предатель постарается вскрыть и прочитать письмо. Конечно, шансов вот так, с ходу, разоблачить его у нас немного. Но вдруг! Следите за выражением их лиц, кто где стоял и что делал, когда вы вернулись. Если наша уловка ничего не даст, что очень даже вероятно, – станем придумывать новые. А сейчас пишите текст.

Так Лыков перешел в столице на нелегальное положение. Из-за этого он вынужден был повременить с освобождением несчастного Дуткина. Пусть все считают, что надворный советник застрял в Либаве.

Утром следующего дня Алексей из закрытой пролетки наблюдал за входом в Департамент полиции. Он был загримирован артельщиком средней руки. На козлах сидел особенный извозчик, отставной бомбардир со склонностью к приключениям. Лыков нанимал его время от времени для полузаконных дел.

Голендеева несколько минут назад вошла в здание и вот-вот, по ожиданиям сыщика, должна была выйти. Вдруг вместо нее на подъезде появился Валевачев. Странно... А может, это хорошая новость? Губернский секретарь беззаботно двинулся по набережной в сторону Невского проспекта. Следом показалась вдова. Огляделась, заметила экипаж и направилась к нему. Когда Голендеева села в пролетку, лицо ее пылало.

– Уф! Как страшно, оказывается, быть лазутчиком! – воскликнула она. – А ведь я ничем не рисковала. Просто боялась сделать что-нибудь не так.

– Рассказывайте.

– Как вы и велели, я вошла, объяснилась и отдала конверт молодому. Он довольно небрежно бросил его на пустой стол, возможно на ваш. Около

окна. Тут я уронила перчатку. Это оказалось непросто, потому что второй, который постарше, все время на меня пялился. Будто красивой женщины никогда не видел...

– Но вы изловчились?

– Да.

– Отлично. Что было дальше?

– Дальше я удалилась, как мы и договаривались. Почти тут же следом вышел и молодой. Интересный юноша! Когда войдет в возраст... знаете, мужчина особенно хорош после двадцати пяти и до сорока пяти...

– Мария Евдокимовна!

– Простите! Так вот, этот красавец предложил подвезти меня куда нужно. Сказал, что ему сейчас на Офицерскую, но он может сделать крюк, чтобы я не смущалась этим обстоятельством. По-моему, я ему понравилась!

– Не удивлен! Но не отвлекайтесь, пожалуйста.

– Хорошо, не буду. Так вот. Возле лестницы я «вспомнила», что забыла перчатку, простилась и отправилась обратно в кабинет. И знаете, что я вам скажу? Изменник – тот, второй!

– Почему вы так решили?

– Когда я вошла, неожиданно, без стука, он застыл возле стола с конвертом. Весь... обескураженный. Совершенно очевидно, что он читал письмо! Но услышал шум и успел бросить его перед собой.

Лыков слушал вдову, не сводя глаз с подъезда департамента. Вдруг он увидел, как из неприметной боковой двери вышел Шустов и направился в сторону Литейного проспекта. Ключет!

– Мария Евдокимовна, вы большая умница и молодец, – торопливо сказал сыщик. – Я так и сообщу Лерхе. А сейчас возвращайтесь домой и никому не говорите о сегодняшнем фокусе. Фрол, отвези барыню!

Голендеева хотела что-то возразить, но сыщик уже выскочил из пролетки и отправился за Шустовым.

Слежка, однако, продолжалась недолго. Пересекая родную Моховую, Алексей заметил за собой хвост. Дюжий парень в обдергайке^[46] и фартуке шел в двадцати шагах сзади. В отражении в витрине сыщик разглядел характерный нос картошкой. Ефим Цыферов! Вот кто прикрывал изменника со спины. Пришлось немедленно уходить в боковую улицу.

Алексей спокойно отпустил своего чиновника для письма. Теперь он знал, кто предатель, а кто честный человек. Кроме того, он получил сразу ответ и на главный вопрос. Если бы купили Валевачева, варианты бы еще оставались. Юрий – помощник Лыкова, он присутствовал при допросах, ездил по участкам с приметами Снулого. Но кто знал, что Сергей Фирсович

Шустов служит в Особенной части и пишет за начальника все рапорты? Сведения эти секретные, дипломату Лерхе недоступные. А вот чиновник Департамента общих дел МВД Арабаджев к ним допущен. В инспекторском отделении департамента лежит временный штат части с указанием всех фамилий.

Лыков был очень доволен своим открытием. Как гора с плеч! Главное, Юрий честен. Да и Лерхе вызывал симпатию, в отличие от вероотступника и карьериста Арабаджева. Теперь можно продолжить дознание. У надворного советника уже был план, в котором Валевачеву отводилась важная роль. Надо срочно его найти. И Алексей отправился на Офицерскую.

Он ехал и думал. Теперь стала понятна необычная инициатива Шустова с поиском мирового судьи. Это был ловкий шаг Василия Мансуровича. Он ведь не заготовил заранее никаких уловок, кроме как подставить лакея. Рассчитывал, что полиция подумает на пропавшего и сосредоточит все силы на его поиске. Случайное открытие трупа спутало карты. Лыков сразу стал подозревать состоящих в должности. И Арабаджев пошел на риск. Он нарочно привлек к себе внимание сыщика, сам сунул голову в луч света. Для чего? Для того чтобы пройти чистилище первым. Покаяться в маленьком грехе и отвести подозрение в большом. Ну, вредил репутации Дашевского... Зато другие-то, другие! Лерхе дуэлью грозил, у него невесту увели. Дуткина подло обманули, да еще и обокрали. Вот где настоящие мотивы!

Так, это понятно. А письмо Илиодора Ивановича? Вероятно, когда Дашевского убивали, оно лежало на виду. Зарезав хозяина, Снулый обшарил дом и обнаружил послание. Бывший сыскной агент оценил, какая важная вещь попала к нему в руки, и прихватил на всякий случай с собой. И в нужное время дал ей ход.

На Офицерской было, как всегда, людно. Лыков прошел на третий этаж, в сыскную полицию. Знакомые агенты и чиновники сновали вокруг, не обращая на него внимания. Вдруг из коридора вывалились Шереметевский с Валевачевым. Надворный советник загундосил:

– Ваши благородия, где мне тут енерала найти?

Шереметевский заржал, как конь, и ответил:

– Леш, где я тебе генерала возьму? С тех пор как уволился Путилин, их у нас и нету.

Губернский секретарь отступил на шаг, взгляделся и ахнул:

– Алексей Николаевич! А нам сказали, вы в Либаве!

Лыков обратился к приятелю:

– Леня, ты у нас глазастый. Но меня не видел. Договорились?
– Запросто! Либава, так Либава...
– Вот! Юрия Ильича я у тебя конфискую.
– Я ж покладистый, – ответил коллежский ассессор. – И на это согласен!

Лыков отвез помощника на конспиративную квартиру. Валевачев оказался здесь впервые и не преминул ее обойти. Красота! Жить можно! Пять комнат, бронзовая ванна, ватерклозет, самовар на кухне, полный набор посуды, постельные принадлежности...

– Кто за все это платит?
– Департамент полиции. Таких квартир у нас еще четыре, но они в распоряжении Секретного делопроизводства.

Надворный советник усадил помощника подальше от окна и огорошил:

– Шустов – предатель.
– Как это? – растерялся Юрий.
– А вот так. Сейчас он пробирается в убежище к Снулому. Хочет сообщить ему сведения, что передала вам сегодня вдова Голендеева.
– Да, вы, оказывается, отыскали ее! Красивая женщина...
– Ты для нее слишком молод. Вот после двадцати пяти, если захочешь... А пока слушай и не отвлекайся на баб!

И Лыков рассказал помощнику все, что успел выяснить за последние дни. Закончил он так:

– Преступление практически раскрыто. Надо взять Снулого, и он отдаст нам заказчика. Арест производим завтра.

– Ух ты! А как производим? Надо жандармов вызывать! Там без боя могут и не сдаться.

– Может, тебе еще и артиллерийскую батарею выписать? Обойдемся своими силами. Вечером я докладываю Дурново и получаю его санкцию. Завтра поутру тебе объявят о переводе в Секретарскую часть. Временно, до моего возвращения из Либавы. Ты узнаешь об этом в присутствии Шустова, выходишь из кабинета – и летишь на Офицерскую. Извозчик будет ждать у Пантелеймоновского моста, его зовут Фрол. В гримерном депо сыскной полиции тебя быстро переодевают и клеят усы. Цыферов мог тебя видеть, поэтому нужна маскировка.

– Цыферов?
– Слушай дальше. В твое отсутствие в кабинет приходит курьер от Воцинина. Он объявляет Сергею Фирсовичу, что сыскная полиция выяснила место жительства разыскиваемого Агейчева. Шустов берет пакет,

расписывается в получении – и опять бежит к Снулому, с очередной важной вестью. Я слежу за ним, Цыферов – за мной, а ты – за Цыферовым. Так вчетвером и гуляем. Я делаю вид, что не замечаю хвоста. А ты постарайся, чтобы отставной егерь не обнаружил тебя. Когда дойдем до явки Агейчева, я захожу туда следом за Шустовым. Или меня за ворот тащит Ефим. Ты ждешь четверть часа и, если оттуда никто не выходит, бежишь за подмогой.

– Как это? А вы останетесь у них в лапах? Я буду штурмовать!

– Нет. Ты человек без боевого опыта. Зови наряд городских, один на рожон не лезь.

– Когда-нибудь надо же начинать! – воскликнул Валевачев. – А то так и уйду на пенсию без боевого опыта!

– Сядь! – рывкнул Лыков. – И не кудахтай. Я запрещаю тебе входить внутрь, и это не обсуждается. Поясню. Их там должно быть совсем немного. Двое или трое. Третий, скорее всего, Васька Питенбрюх. Он барыга, а не кулачный боец. И ребята, как это обычно бывает, меня недооценят. Так что, вероятно, я минут через пять выйду на крыльцо и махну тебе рукой. Но револьвер все-таки возьми.

– У меня нету.

– На, – Лыков протянул помощнику свой «веблей», подарок покойного Буффало.

– А вы?

– У меня дома лежит специальный «смит-вессон» с укороченным стволом. Остался от товарища... Вечером зайду и вооружусь.

Надворный советник показал помощнику, как взводить револьвер и как ставить на полувзвод. Валевачев попросил добавить ему патронов, но начальство только рассмеялось.

– Ты что, воевать там собрался? В барабане шесть штук, хватит тебе.

Юрий сунул «веблей» в карман, и тот сразу же заметно оттопырился. Переложил за ремень – и оружие с грохотом выпало из-под сюртука. Лыков ругаться не стал.

– Ничего, так со всеми бывает в первый раз. Поехали ко мне домой, выдадим тебе укороченную модель.

Они сели в пролетку к отставному бомбардиру. Лыков познакомил помощника с возницей, сказав:

– Завтра именно Фрол будет возить тебя в сыскную и обратно.

На Моховой, по счастью, никого не было. Все, кроме кухарки, ушли по гостям. Швейцар не хотел пропускать незнакомого «артельщика». Но прилично одетый Валевачев сказал, что этот человек при нем и нужно

оставить хозяину важное сообщение.

В кабинете надворный советник протянул помощнику небольшой револьвер. Длина ствола – всего два с половиной вершка!^[47] Такие изготавливают малыми партиями в Туле по заказу сыскной полиции для скрытного ношения. Юрий сунул «смит-вессон» в карман брюк. Лыков осмотрел его – незаметно!

Вооруженный, губернский секретарь поехал на службу. Алексей особо предупредил его: ни словом, ни взглядом нельзя выказать Шустову, что знаешь о его предательстве. Все должно быть как обычно: чай, разговоры, то да се...

Алексей, велев кухарке помалкивать, вернулся на Тверскую. Ему надо было убить время до вечера. Мелькнула мысль: не съездить ли к Анютке? Вдруг муж еще покупает свою машину? Но сыщик не решился. Завтра его будут убивать. Эффенбах писал, что Снулый и силен, и опасен. И всегда до сих пор побеждал. Это даже хорошо: такие люди не привыкли к тому, что соперник может оказаться сильнее. Их легче спеленать. Но нужно быть во всеоружии, и силы лучше поберечь.

В одиннадцатом часу ночи Лыков в том же обличье артельщика приехал к Дурново. Увидев незнакомца, «привратник»-жандарм загородил проход.

– Вы к кому?

– Гаврилов, пропусти. Это я, Лыков.

– Батюшки, ваше высокоблагородие! Не узнал!

– Петр Николаевич у себя?

– Они нынче в театре. Вы подождите в нашей комнате!

Делать нечего... Сыщик посидел с другими жандармами, перекинулся с ними в шашки и проиграл сорок копеек. Через три четверти часа его вызвали наверх. Дурново, во фраке и белом галстуке, ждал в кабинете.

– Алексей Николаевич, что за маскарад? – удивился он.

Дурново любил, когда его называют по имени-отчеству, но Лыков счел нужным принять официальный тон.

– Ваше превосходительство! Убийство коллежского асессора Дашевского раскрыто. Имеются важные новости.

Он подробно изложил ход дознания и свои соображения. Дурново задавал уточняющие вопросы.

– Значит, заказчик убийства – Арабаджев? – резюмировал директор департамента.

– Да. Но улики против него может сообщить только Снулый-Агейчев.

– Захочет ли он сообщать – вот вопрос!

- Пока не допросим – не узнаем.
- А Шустов может быть связан с заказчиком?
- Маловероятно, Петр Николаевич. Зачем тому лишний свидетель?
- Стало быть, с арестом Снулого дело не будет закончено?
- Конечно. Непосредственный убийца, если заупрямится, может вообще замолчать. И не назвать нанимателя. Тогда для общегражданского суда Арабаджев будет недоступен. Улик нет! Но вот церемониймейстером ему точно не быть. Графу Воронцову-Дашкову, да и нашему министру, на доказательства плевать. Им хватит того, что нам уже известно. Василия Мансуровича выкинут и из состоящих в должности, и из МВД. Пусть возвращается в свой аул и вновь принимает магометанство.
- При чем тут магометанство? – удивился тайный советник.
- Да ни при чем, – ответил Лыков. – Хорошая вера, я знаю много приличных людей среди мусульман. Просто не люблю вероотступников. Где родился, там и сгодился, по-моему. Я ведь его с самого начала на первое место поставил среди подозреваемых. Из-за карьеризма!
- Ладно, это пусть их Аллах решает. Но как быть с Шустовым? Станем выносить сор из избы?
- А что делать? Ему за соучастие полагается двенадцать лет каторжных работ. Даже жалко Сергея Фирсовича, но измена есть измена...
- Решим позже, что с ним делать. Сначала надо произвести аресты. Вам точно не понадобится силовая поддержка? Возьмите еще людей!
- А если Цыферов их заметит? Нет. Их там всего трое, мы с Велевачевым справимся. Бог нам в помощь.
- Да уж, – серьезно ответил Дурново. – Как говорил Тютчев? «Надо сознаться, что должность русского Бога не синекура». Вы уж там завтра... поаккуратней.
- Ждите хороших вестей!

Все пошло точно по плану Лыкова. Он держал дистанцию в двадцать саженей позади своего чиновника для письма. Примерно на том же расстоянии от сыщика шел отставной егерь. Велевачев изредка отсвечивал в витринах. Он следовал инструкции начальства и вел наблюдение издалика.

Так они и двигались вчетвером к Литейному проспекту. На углу Шустов сел в вагон конки, идущей к Семеновскому плацу. Остальные повторили его маневр. От плаца изменник пересел в другой вагон, конечной остановкой которого значилась Расстанная улица. Лыков предположил, что коллежский регистратор метит в Волкову деревню. Там

на огромной площади раскинулось сразу пять кладбищ: православное, единоверческое, старообрядческое, лютеранское и еврейское. Место тихое и в стороне – хорошее укрытие для шайки Снулого. Однако, выйдя из конки, Шустов двинулся куда-то в обход. Он обогнул могильную рощу, прошел насквозь всю деревню и через Волково поле наострился на юг. Куда это он? Городская черта скоро кончится. Впереди, хорошо различимое, лежало еще одно кладбище – мусульманское. Неужели логово убийц там?

Если да, то Снулый и впрямь очень хитер. Тракт от деревни до кладбища просматривался по всей длине в две версты. Ни кустика, все как на ладони! Наблюдателю видно любого гостя издалека. Такого оборота сыщик не ожидал.

Между тем Шустов торопливо и неутомимо шагал по дороге. За все время он ни разу не оглянулся. Лыков увеличил дистанцию до ста саженей, и все равно его маскировка выглядела теперь нелепо. На всем пространстве Волкова поля их было лишь трое: Сергей Фирсович, следом сыщик и в самом конце Ефим Цыферов. Как же спрячется Юрий? Скорее всего, он сместится вправо к речке Волковке, где заросли кустарника. Но это сильно замедлит его появление на кладбище! Сыщику придется шагнуть прямо в пасть одному, без прикрытия.

Мусульманское кладбище... Лыков за всю свою службу в столице никогда здесь не был. Он пытался вспомнить, что слышал про это место. Заложили его в первые годы царствования Николая Первого для погребения татар-суннитов. Вскоре сбоку прирезали участок, где хоронили персов, исповедующих шиизм. В эпидемии холеры 1831 и 1848 годов рядом закопали множество умерших без разбора исповедания. Ограниченный с одной стороны рекой погост разросся. Город подступал все ближе, и в 1871 году мусульманское кладбище закрыли. Однако уже очень скоро там появились новые могилы. Сюда стали свозить умерших без церковного покаяния: бродяг, самоубийц, безымянных покойников. Молва приплюсовывала к ним и казненных государственных преступников. А в Русско-турецкую войну начали хоронить и умерших в Николаевском сухопутном госпитале нижних чинов. Такой комбинат^[48] – магометане, холерные и самоубийцы – создал этому глухому месту недобрую славу. Следовало признать, что Агейчев выбрал идеальное укрытие.

Между тем развязка приближалась. Лыков шагал и невольно любовался идиллическим пейзажем. Тихая речка с каймой из камыша, цветущий луг... На том берегу чадит поезд Царскосельской железной дороги. За ним вдали виднеются постройки Большого порохового погреба.

Поют невидимые птицы. А через пять минут он войдет вон в те ворота, и его станут кончать. Эх, еловая голова! Почему он предположил дом или квартиру, а не эти флешы? Мусульманское кладбище вместо забора было огорожено земляным валом, из-за чего смахивало на укрепление. Подобраться сюда незаметно можно лишь ночью, и то ноги переломаешь. Лучше бы Юрий сейчас бежал за подмогой, а не крался следом. Все равно к сшибке не успеет.

«Не дрефь, – одернул сам себя сыщик. – В первый раз, что ли? Скулил, что закис от кабинетной работы. Вот и разомнись! Обычная ситуация: ты один, и помощи не будет. Надо грамотно распорядиться единственным козырем. Ребята не понимают, с кем связались. Главное, чтобы не вынули ножи. А там еще поглядим, чья возьмет...»

Шустов почти вбежал в ворота и сразу исчез из виду. Алексей поднажал; позади него слышались торопливые шаги. Обернуться он не успел. Крепкая рука схватила сыщика за ворот, в бок уперлось лезвие финки.

– Ну-ка, дядя, айда со мною, – внушительно произнес отставной егерь. – Расскажешь нам, чё сюда приперся.

И потащил надворного советника в сторожку. Тот не сопротивлялся и не скандалил. Цыферов оказался плечистым детиной с мощной грудной клеткой. Если они все там такие, придется попотеть...

От сильного толчка сыщик влетел в комнату и увидел следующую картину. У окна сидел и читал бумагу мужчина атлетического сложения. Лицо каменное, глаза вялые, безжизненные. Агейчев собственной персоной! Перед ним в почтительной позе замер коллежский регистратор. Возле печи возился еще один крепыш, бритый, с мускулистой шеей. На барыгу он совсем не походил, скорее на кулачного бойца. Трое! Их действительно трое, но все здоровые...

– Вот, – объявил вошедший следом Цыферов, – прилип от самого Департамента полиции.

Главарь нехотя поднял голову, посмотрел на Шустова.

– Ты кого привел, полудурок?

Потом скосил взгляд на сыщика.

– Назовись, мил человек. Чтобы мы знали, что на твоей могилке написать.

Алексей пошел к столу, сел на свободный табурет.

– Здорово, Снулый! Вот и свиделись!

Шустов отскочил, словно его ошпарили кипятком.

– Лыков! Это Лыков! Я пропал, пропал!!!

Цыферов и третий гайменник немедленно встали по бокам, готовые схватить сыщика. Но тот, казалось, и не думал сопротивляться.

– Ты ж говорил, что Лыков уехал! – рявкнул маз на своего осведомителя.

– А-а!!! – продолжал вопить чиновник для письма. Он глядел на начальника как на привидение.

– Здорово и тебе, иуда! – сказал ему Лыков.

– Не могу здесь! Делайте что хотите, а я не могу! – взвизгнул Шустов и опрометью выскочил на улицу.

– Вернуть его? – спросил бритый.

– Нет, – ответил Агейчев. Лицо его сделалось вдруг живым и пугающе-зверским. – Ты, Серега, зырь в оба глаза. Говорят, он очень сильный.

В сторожке стало тихо-тихо. Убийцы нависли над сыщиком, готовые напасть. Но маз не давал команды – его сбивало с толку спокойствие жертвы.

– Ефим, за тобой никто не шел?

– Нет. Здесь же все за версту видать. Не успеют они.

Тогда Снулый ослабился.

– Как там у господ говорится? Делать хорошую мину при плохой игре? А, Лыков? Не успеют, ох не успеют...

«Только бы не вынули ножи», – опять подумал Алексей, а вслух сказал:

– Ребята! Это не вы урядника в Волковке утопили? По весне. Напоили насильно, а потом в воду бросили. А урядник-то был непьющий!

Гайменники озадаченно переглянулись. Снулый шагнул к гостю, склонился над ним и скомандовал:

– Расскажи про урядника!

– Да я уж все изложил, – пожал тот плечами. – Бешенцев, сказали, утонул. Вскрыли – полный желудок водки... Да ты сам знаешь лучше меня!

Главарь подумал секунду-другую, потом скомандовал:

– Держи его крепче!

Сыщика схватили за руки. Снулый пошарил под столом, извлек початую бутылку очищенной и больно защемил Алексею нос.

– Ну-ка, пей!

Пора! Лыков так пнул главаря в колено, что тот рухнул ничком. Затем сыщик сгреб в охапку своих обидчиков – те закричали от боли – и отнес к печке. По очереди сильно приложил их головами об кирпичи. За спиной послышалась ругань. Он вернулся к столу. Снулый пытался подняться,

одновременно вытягивая из кармана револьвер. Бац! Кулак сыщика быстро описал дугу и впечатался мазу в шею. Раздался грохот падающего тела, и опять стало очень тихо, как минуту назад. В этой тишине отлетела дверь, и с улицы ворвался Валевачев с перепуганным лицом. Не разбираясь, он бабахнул в потолок из «смит-вессона» и заорал дурным голосом:

– Полиция! Перестреляю всех на хрен!

Потом осмотрелся и спросил у Лыкова:

– Что с ними?

Тот пожал плечами:

– Фик-фок на один бок. Скажи лучше, ты Шустова не встретил?

– Пробежал мимо меня. Я понял, что дело плохо, и сюда! Неужто не успел? Черт!

Тут от печи слышались стоны на разные голоса.

– Нет, ты очень кстати. Найди веревку, будем их вязать.

Произвести арест оказалось делом затруднительным – из-за удаленности места. Валевачеву пришлось бежать к будке путевого обходчика. Тот по требованию губернского секретаря остановил первый же поезд, идущий в город. Юрий передал машинисту записку для вокзальных жандармов. Через час на дороге поднялся столб пыли, и вскоре у сторожки заржали взмыленные кони. На нескольких экипажах примчались чиновники департамента, пристав второго участка Александро-Невской части со своими людьми и следователь Добужинский.

За это время Лыков успел познакомиться с пленниками. Те вели себя пришибленно и сопротивляться не пытались. На вопросы, правда, отвечали неохотно и все время косились на главаря. Сыщику пришлось вытащить Снулого наружу и положить под забор. Похоже, у маза было выбито колено: он лежал весь в холодном поту и выл от боли. Ефим с Серегой отделались сильными ушибами головы и в медицинской помощи не нуждались.

Допрос по горячим следам не удался. Парни перепугались и ушли в молчанку. Агейчев был просто раздавлен. Сильный и смелый человек, он, видимо, привык всегда побеждать. Но тут явился какой-то Лыков, на полголовы ниже его, и отчехвостил всю команду... Только что главарь решал судьбу незваного гостя, и все было в его руках. А теперь он лежит беспомощный и ждет отправки в тюрьму. Как же это вышло?

Зато обыск дал важные улики. Под половицей обнаружили дворянский паспорт Дашевского и временный вид лакея Петрова. Очевидно, убийцы собирались их использовать. Рядом, завернутые в

тряпицу, лежали серьги с бриллиантами. Точь-в-точь такие, как в ушах у Клотильды Лавинэ на фотографическом портрете. Алексей предъявил находки следователю, и Федор Петрович с чувством произнес:

– Узнаю школу Благово! И быстро, и доказательно.

Вечером у себя на квартире был арестован Шустов. Он не пытался скрыться, сидел и ждал, когда за ним придут.

Дурново ходил гоголем. О запутанном убийстве обладателя придворного звания не забыли в верхах. Воронцов-Дашков требовал объяснений, и «большой» Дурново торопил... И вот преступление раскрыто!

Был доволен и Лыков. Особенная часть не ударила в грязь лицом. Еще больше Алексея порадовал его помощник. Валевачев достойно выдержал проверку в боевой обстановке! Когда он увидел, что начальник в опасности, то нарушил приказ и пошел на штурм. И хотя помощь Юрия Лыкову не понадобилась, его поступок был правильным. Значит, губернский секретарь способен, когда надо, действовать самостоятельно. Даже вопреки запретам руководства. Самостоятельных Лыков любил. И окончательно утвердился в мысли, что будет растить из Валевачева

крепкого сыщика и будущего сменщика.

Как всегда бывает, на другой день фанфары смолкли. Подручные Снулого, несмотря на улики, все отрицали. Знакомая ситуация. Выход из нее простой, но трудоемкий: многочасовые допросы без сна и отдыха. В конце концов парни сломаются. Очные ставки надо проводить так, чтобы Серега с Ефимом поняли: им следует объединиться и топить главаря. Тогда ребята быстро дадут обвинительный материал на Агейчева. Затем их следует натравить друг на друга под вопросом «на ком больше крови?». И в итоге картина преступлений будет вся на виду. Но Лыков поступил по-другому.

Он вызвал Ефима Цыферова и спросил:

– Ты знаешь, как погиб твой брат?

Отставной егерь нахмурился:

– Знаю! Ваши убили, на Гутуевском.

– Это тебе Снулый так сказал?

– И Снулый, и Серега.

– Поехали со мной.

Сыщик с арестантом сели в дежурный экипаж и направились с Фонтанки на Офицерскую. Они ехали не спеша. Ефим жадно вдыхал воздух города, воздух свободы... Когда прибыли на место, Лыков повел парня в морг при Казанской части. Им открыли ледник и показали невостребованные тела.

– Простись с братом.

Сыщик вышел и вернулся через пять минут. Ефим беззвучно плакал и гладил Ивана по заиндевевшим волосам. Как они похожи!

– Ваше высокоблагородие, а куда его дальше?

– Похоронят. Хоть умер он без покаяния, я распоряжусь, чтобы положили в ограде. И отпевание будет. Хочешь присутствовать?

– А можно?

– Я разрешаю. Только дай слово, что не попробуешь сбежать.

– Святой истинный крест! Век не забуду вашей доброты! Братка ведь...

– Теперь, Ефим, погляди вот сюда. Для чего я тебя привез? Чтобы ты понял, кто убил твоего брата. Видишь маленькое пятно в ляжке? Это и есть моя пуля. После того как Иван дважды выстрелил в меня картечью, я ответил.

Егерь слушал молча, не понимая, и ждал разъяснений.

– Вот. Целил я ближе к земле, чтобы попасть в ногу. Эта пуля Ивана только ранила, причем легко. Но он захромал, и Снулый испугался.

– Чего? – напряженным голосом спросил Ефим.

– А зачем ему раненый сообщник? В больницу его везти нельзя. Одна обуза. И он убил твоего брата ударом ножа в сердце. Вот, смотри. Видишь? Понимаешь разницу между пулей в ноге и клинком в сердце?

Цыферов долго молчал, колупал пальцем рану на груди брата.

– Убедился теперь? Я был сзади. Если бы догнал Ивана, то взял бы его живым. Зачем он мне мертвый? И никуда бы твой брат не делся. Вас вон трое было в сторожке, а я один всех повязал. Помнишь?

– Да уж...

– А твой Снулый на расправу крут. Где Васька Питенбрюх? Наверняка он и его прикончил, чтобы следы замести! Так?

Но отставной егерь еще сомневался. Тогда сыщик сказал:

– Поехали обратно. Вызовем Серегу, и спросишь у него, как было на самом деле на Гутуевском.

Они вернулись в департамент, и Лыков велел привести Серегу. Это оказался дезертир гвардейского саперного батальона по фамилии Халдеев. В прошлом году, находясь в увольнении, он изнасиловал и убил купеческую дочь и с тех пор числился в розыске. По подложному виду Халдеев устроился сторожем на мусульманское кладбище. С того времени в Волинкиной и Тентелевой деревнях случилось несколько ограблений. Жертвы были сильно избиты, один человек потом умер в больнице. Выживших сейчас искали люди Воцинина. Дела Сереги были плохи, но он пока не сознавался.

Ввели дезертира. Он посмотрел в мрачное лицо Цыферова и сразу съежился.

– Скажи, как погиб брат.

– Да я в лодке сидел, там темно было...

– Ты говорил мне, что его застрелили сыскные.

– Ну, там пальба была... И не видно было ни лешего, ночь же!

– Не ври. Сейчас ночи светлые.

Халдеев молчал.

– Серега! Я только что из покойницкой! Видал мертвого Ивана, его ножом в сердце зарезали. Это ты его?

Цыферов шагнул к дезертиру и схватил его за ворот. Сыщик даже не пошевелился.

Халдеев побледнел и выдавил хриплым голосом:

– Это Снулый...

– А ты? Ты что молчал?

– Он велел сказать на сыскных, я и подтвердил. Спужался. Ты ж его

знаешь... Брату твоему пуля в ногу попала, он охромел. Я сразу-то и не понял. Только стон раздался... И плеск: Снулый тело в воду столкнул. Потом сиганул в лодку ко мне и кричит: «Сгреби!» Еле-еле уплыли...

– Ну?

– В Чекушах осмелился я спросить, что с Иваном. И Снулый велел: «Ефиму скажем, что попали в засаду. Фараоны его и застрелили». Иначе, мол, придется другого сторожа на кладбище искать. Я и сдrefил...

Егерь отошел к стулу, брезгливо вытер руки об куртку.

– Сволочь... Ну вас всех к такой матери! Я даю показания. Расскажу как есть, никого не пожалею. Брата убили, теперь ответите! Я-то поверил! А вы!

С Ефимом началась истерика. Он бился головой об стену и рвал на себе волосы. Пришлось отпаивать его водой. Успокоившись, Цыферов заявил:

– Хочу показать место, где закопали Ваську Питенбрюха! Это там, в холерном ряду.

– Эх! Тогда и я сознаюсь! – не выдержал Халдеев. – Пишите, ваше высокоблагородие! Все как на исповеди...

И Серега с Ефимом дали полные признательные показания. Они наговорили Снулому на бессрочную каторгу, а себе – на первый разряд^[49]. К вечеру по их наводке раскопали труп барыги, и на Агейчеве теперь числилось пять убийств. Можно было начинать с ним работать.

Подручные Снулого содержались во внутренней тюрьме Департамента полиции. Маза пришлось положить в госпиталь Дома предварительного заключения. Надзор там слабый, но это никого не беспокоило. На одной ноге далеко не убежишь! Во время схватки в сторожке Лыков расколол ему пополам надколенник. Снулому закрепили ногу в гипсовой лангете и велели месяц не шевелиться.

Алексей зашел в палату. Агейчев лежал, как всегда, с сонным видом. При появлении сыщика глаза его не подобрели.

– На, читай! – сыщик швырнул мазу на грудь кипу исписанных листов. Тот начал смотреть, но скоро отложил бумаги. И так все ясно.

– Погонянка^[50] тебе светит, Спиридон. Пожизненная!

– И в аду обживешься, так и ничего, – философски сказал арестант. – Заслужил – отвечу.

– А не хочешь компанию завести? Скучно одному в каторге!

– Компанию? Из этих, что ли? – Снулый харкнул на идеально выскобленный пол. – Не люди, а вши! Обгадили меня, думают, это им

поможет...

– Я говорю о твоём заказчике, об Арабаджеве.

– Не знаю я никакого Арабаджева!

– Брось, Спиридон. Для чего ты его выгораживаешь? Думаешь, он тебе туда деньги будет высылать? Василий Мансурович сам гол как сокол!

– Говорю же: я такого не знаю. Чего его спасать? Знал – сказал бы. Я имел дело с посредником.

– Назови посредника!

– Полячок один, по фамилии Янович-Яновский.

– Где его найти?

– В Седьмой Рождественской улице, номер дома не помню. Там внизу кухмистерская.

– Расскажи мне о поляке.

– Ну, он пришел к Питенбрюху, сказал: надо сложить одного. Дерьмовый такой. Живут вдвоем с лакеем, больше на квартире никого нет. Лакей дурак, через него можно подобраться. Тут они стали спорить о деньгах.

– Не сошлись, что ли?

– Сначала не сошлись. Мой преysкурant – пять тысяч, а заказчик давал только три с половиной. Я отказался. По мокрому делу возни много, оно дешево стоить не может... К тому же заказ особенный: не просто кончить, а еще чтобы ложный след был – того же дурака-лакея подставить в убийцы. Ну, прошел чуть не месяц, поляк снова явился в «Малинник». Там я его и увидел впервые. Он сказал: цена та же, три с половиной. Больше нет. Но тот хлюст разжился деньгами. Что в доме найдете, все ваше. Я подумал и согласился. Иван Цыферов взялся лакея обработать. Он языкастый был, не то что Ефим. Уболтал дурака. Сходили они пару раз в портерную и стали лучшие друзья. Иван сказал, что будто бы нашел ему другое место. Ну и явились к новому хозяину представляться. Представился, халдей! Я тогда полдома снимал на Пороховых, там его и сложили. Поехали сразу на Кабинетскую. У нас уж ключи были, с лакея сняли. Зашли с черной лестницы... Хлюст так ничего и не услышал. Быстро помер, можно сказать, в один миг. Ну, посмотрели мы вещи... Поскольку задумали на алёшку ^[51] повесить, то делали все аккуратно. словно бы он сам шарил. И купон ему под кровать подбросили для верности. Поиск удался: нашли мы в бюро две с лишним тысячи, все новыми билетами! Не обманул заказчик. Вышли так же тихо, как и вошли.

Словом, начало было удачливое. Это потом вдруг фортуна стала рожу кривить. Приплыли мы на костеобжигательный завод, а вы нас там уже

ждете. Как хоть узнали-то, ваше высокоблагородие?

– Кочегары в кабаке между собой говорили, а сыскной агент подслушал.

– Вон как... Эх! Всегда я из-за дураков страдал! Если бы можно было одному такие дела проворачивать – ей-ей, сам бы все делал! Никому ведь нельзя верить!

– А почему же ты с кочегарами стал договариваться, а не с хозяином завода? Или хоть со сторожем. Кочегары-то – самый никчемный народ!

– Это не я, а Васька. С него, паскуды, все началось. Решил, дурак, деньги сэкономить! Кобозев-де много возьмет, а мужики десяткой довольны будут. Вот и наэкономил, мразь!

– Ладно, дальше валяй.

– Дальше уж вы знаете. Еле я ноги с Гутуева унес. Пришлось товарища добить. Хотя какой он мне товарищ? Лапоть, сор земной, как все они. Ну, вижу, дело плохо, надо все нитки рвать. Главная нитка – Васька-барыга. Забрал я его на магометанское кладбище, вроде как спрятаться, да там же и закопал. Чтоб не экономил больше, сволочь... А дознание-то идет! Мне посредник пеняет: с лакеем не вышло, полиция вот-вот заказчика в подозрение возьмет! Хотел я их обоих послать куда подальше, дело-то уже сделано и деньги получены. Но поостерегся. Себя надо спасать! Ложный след и мне нужен, не только заказчику. Тут вспомнил, что письмо тогда со стола у Дашевского забрал, от какого-то Дуткина. Посмотрел – забавное письмо, может сгодиться. Сунул в карман... Стали мы с этого крутить.

– Кто Шустова завербовал?

– Иуду-то? Я самолично. За пятьсот рублей. Заказчик мне имя сообщил, мол, человек из команды Лыкова, все рапорты ему пишет. Я вечером на улице его подкараулил, зашли в трактир, там и договорились...

– Из своих денег отдал? – не поверил Лыков.

– Ну, хотел эту сумму в счет вставить, но потом она окупилась.

– Каким образом?

– А когда сложили в Москве шалаву, при ней денег оказалось до тысячи рублей, да еще серьги с бриллиантами. Выгодно скатались!

Сыщик спросил обескураженно:

– Что, прямо так легко Сергей Фирсович меня и продал?

– А ему деньги были нужны. У сестры базедову болезнь нашли. Лечение дорогое. Он и согласился.

– Янович-Яновский с Шустовым встречался?

– Нет, через меня все шло.

– Не может быть, – усомнился Лыков. – Иуда нарочно подсунул мне

мысль явиться в мировой суд!

– Правильно. Янович мне сказал, я передал иуде.

– Но ведь это было, когда я еще Арабаджева не подозревал!

– Лакея-то уже нашли, – пояснил Агейчев. – И заказчик понял, что вы скоро догадаетесь.

– О чем?

– Что место не поделили... И решил, как я кумекаю, в опережение высунуться. Умный, видать, собака!

– Как вы узнали, что Дуткин в воскресенье ездил в Москву? Да еще к французенке.

– Янович сообщил. Он и адрес дал.

– А он откуда выяснил? – не унимался Алексей.

– Черт его знает. Я показал ему письмо Дуткина, он сбегал, доложил по команде и принес имя и адрес. План был толковый: загодя развалить инобытие. Ясно же, что вы скоро ту девку разыщете. А уберем ее – Дуткину крышка.

– Ну ладно, пусть так. Расскажи, что в Москве было.

– Вам Цыферов все уж написал!

– Я хочу от тебя услышать.

– Чего рассказывать? Приехал я, напугал девку. Твоего, мол, кредитного в тюрьму посадили, за убийство. Того, из Питера, с большими усами. Скоро и за тобой явятся, отправят в столицу. Он-де тебя оговорил как потатчицу. В столице шутить не станут, в каторгу сошлют. Им гулящую не жалко, а для отчета годится. Спасайся! Она и всполошилась. А как съехала с квартиры, тут я ее и... Прямо в экипаже. Извозчик-то мой был, старый знакомый, налетчик из Андроновки. Он помогал.

– Где этот сообщник сейчас?

– Не ищите. Я его задавил для пользы дела.

– Куда дели труп Клотильды Лавинэ?

– Куда дели, оттуда справок не дают, – уклончиво ответил Снулый.

– Да? А мне дают, – огорошил его надворный советник. – Поклон тебе от Шайтан-оглы!

Убийца не поверил своим ушам.

– Вы что, виделись с ним?

– Вот как с тобой.

– Он же в розыске!

– Для меня сделал исключение. И все рассказал.

Агейчев был сражен. Он долго молчал, потом пробормотал:

– Сволочь... А деньги взял!

– Ты, Спиридон, много зла наделал в Москве. Люди тебя ненавидят, потому нет тебе нигде укрытия.

Допрос прервало появление доктора. Тот осмотрел калеку. На жалобу, что нога под гипсом сильно чешется, ответил:

– Надо терпеть!

– Он будет ходить? – спросил эскулапа Алексей.

– Будет, только на костылях.

– То есть вылечить до конца нельзя?

– Травма тяжелая. Будто кувалдой дали! Нога лишилась возможности сгибаться в колене, и это неизлечимо.

– Ну, Спиридон, повезло тебе! – порадовал маза Лыков. – На Сахалин не поедешь.

– А куда меня тогда?

– С таким увечьем каторгу не дают. Оставляют в местной тюрьме общего содержания. Будешь сидеть в Семибашенном^[52]. Там хорошо, баня каждый месяц!

– Сколько мне предстоит?

– Как суд решит. По твоим грехам полагается бессрочная каторга. Ее заменят на двадцать пять лет. Манифесты с амнистиями на тебя не распространяются. Значит, выйдешь на волю уже в следующем веке. Если точно, то в 1917 году.

Агейчев сделался мрачнее тучи.

– Да ладно! – подбодрил его сыщик. – Все лучше, чем в Воеводской пади уголь добывать! Там ведь долго не живут. А тут столица, доктора... Вас, сволочей, еще и лечить станут, вместо того чтобы удавить.

– Кому я буду нужен в 1917 году?! – в отчаянии выкрикнул Снулый. – Да с негнущейся ногой!

– Кто знает, что тогда будет? Через двадцать пять лет другая Россия появится, цивилизованная, гуманная. Все-таки есть прогресс или нет? Так что терпи. Скажи лучше, твои встречи с поляком при свидетелях проходили?

Снулый впервые повеселел:

– Нет, завсегда глаз на глаз. По трактирам да меблирашкам, и никогда два раза в одном месте.

– Плохо.

– Да уж чего хорошего!

Действительно, в деле обнаружилось препятствие. При таком обороте поляк никогда не сознается. Зачем? Чтобы получить каторгу за соучастие? Очная ставка бесполезна: Янович скажет, что Снулый его оговорил.

Свидетелей нет. Значит, безнаказанным останется не только посредник, но и тот, кто стоит за ним. Заказчик убийства Арабаджев.

Так дознание зашло в тупик. Случилось то, чего каждый раз опасался Благово: полиция все знает, но доказать не может. Алексей передал собранные улики следователю и остался на вторых ролях.

В эти дни ему пришлось решить несколько вопросов. Сначала сыщика вызвал к себе Дурново и показал запрос из Экспедиции церемониальных дел. Князь Долгоруков в вызывательном тоне требовал разъяснить, кто из состоящих в должности под подозрением у Департамента полиции. Лыков рассказал начальству, как придворный самодур затруднил ему дознание. И даже отказался выполнить Высочайшее распоряжение! Петр Николаевич возмутился:

– Что ж вы сразу не доложили?

– Сам государь не помог; а вы что бы сделали?

– Князек – известный интриган. Но так хамить моим сотрудникам! Сейчас я его проучу...

Он вызвал Зыбина и приказал:

– Пишите: «В Экспедицию церемониальных дел»...

– На чье имя?

– Ни на чье. Без предиктов и титулований. «На ваш номер такой-то сообщаю следующее. До завершения следствия никаких назначений на должность церемониймейстера не производить». И моя подпись.

– Так прямо и написать? – опешил секретарь.

– А что вам не нравится? – сощурился директор.

– Князь Долгорукий – важная персона. И никак вам не подчиняется. А вы ему будто бы приказ!

– Пусть только попробует не выполнить! Я ведь не государь, у меня разговор короткий!

– А если его сиятельство спросит, когда завершится следствие?

– Ответить: читайте газеты.

Смущенный секретарь удалился, а Дурново продолжил разговор с Лыковым:

– Значит, заказчик убийства – Арабаджев?

– Да.

– Но доказать это мы не в силах?

– Пока да. Однако есть одно соображение...

– Ну-ка, излагайте!

– Дать показания на Арабаджева может только Янович-Яновский. Но он считает, что это ему невыгодно.

– Правильно считает, – согласился тайный советник. – Что, он сам себе срок наговорит?

– Если приспичит, то и наговорит.

– А с чего ему приспичит?

– Янович на самом деле вляпался. Только еще не понял во что. Поляк – единственный свидетель причастности Арабаджева к убийству Дашевского. И зачем он тому живой?

Дурново задумался, а Лыков продолжил:

– Пан полагает, что у него выбор: или идти в каторгу, или оставаться на свободе. И потому молчит. В действительности его выбор другой: или идти в каторгу, или умереть.

– Вы сами верите в это?

– Убежден! Арабаджев только кажется обычным петербургским чиновником. Коллежский асессор, кандидат права, состоит в должности церемониймейстера. А на самом деле он зверь! Дикий абрек! Ни оскорбленный Лерхе, ни обворованный Дуткин так и не решились на то, что легко позволил себе этот господин. Для того лишь, чтобы занять понравившуюся должность. Сейчас речь идет уже не о месте, а о его свободе и самой жизни. Думаете, он чем-то смутится? Нет, конечно. Арабаджев нанесет удар. И на этот раз своими руками, поскольку другого исполнителя ему не найти. Так что на месте Яновича я бы ходил по улице и оглядывался. Сомневаюсь, что его надолго хватит. Знаю по себе, что ожидание смерти очень удручает...

– Ну-с, попробуйте разъяснить пану все эти соображения. И заканчивайте с этим придворным убийством. Вы свое дело сделали. Пусть теперь ломают головы следователь и прокурор.

Лыков вызвал Яновича-Яновского на беседу. Кудрявый смазливый мужчина на вопрос о роде занятий ответил: «Меценат». Алексей знал по пребыванию в Варшаве, что так именуют себя все бездельники. Беседа закончилась ничем, так же как и очная ставка с Агейчевым. Поляк от всего открестился, а Снулого назвал лжецом и шизофреником... Выждав день, сыщик снова пожелал увидеть мецената. Того пришлось вести на Фонтанку под конвоем городских. Янович запел было свою прежнюю песню, но Лыков быстро его оборвал. На этот раз он не проявлял вежливости и не скрывал презрения к собеседнику. Жестко и грубо надворный советник описал пану перспективы его запирательства. Речь он заключил тем тезисом, который изложил Дурново.

– Ваш выбор очень прост. Или Арабаджев вас убьет, или вы упреждаете его и выдаете, после чего идете на каторгу. Но хоть живы

останетесь! Защищать вас от покушения полиция не станет. Одним мерзавцем меньше...

Янович пытался храбриться. Алексей подал ему лист бумаги:

– Распишитесь и идите вон, мне тошно в вашем присутствии.

– Что это?

– Приказ о помещении вас под гласный полицейский надзор. Дважды в день будете отмечаться в своем участке.

– Но мне нужно срочно ехать в Варшаву!

– Постановлением следователя вам запрещены любые отлучки из Петербурга.

– Это несправедливо! Я буду жаловаться!

– Жалуйтесь. Но не забывайте отмечаться.

Янович-Яновский удалился в благородном негодовании, а его место занял Лерхе. Викентий Леонидович, как всегда, был хмур и задумчив. Алексей и ему подсунул бумажку.

– Распишитесь. Это извещение, что с вас снята подписка о неотлучке с места жительства.

Дипломат поставил изящный автограф и лишь после этого спросил:

– Что сие означает?

– Сие означает, что подозрения с вас сняты. Мы установили преступников. Непосредственный исполнитель убийства сидит в тюрьме.

– А заказчик?

– Увы. Против него нет прямых улик. Он общался с убийцей через посредника, а тот пока молчит.

Лерхе чуть подумал и спросил:

– Это Арабаджев?

– Да.

– Я так и предполагал. Но как вы его разоблачили?

– Мне помогла госпожа Голендеева.

– Мария Евдокимовна? – поразился Лерхе. – Как она влезла в это дело?

– Вас спасала.

– Поясните!

Лыков описал подвиги вдовы, несколько преувеличив их значение. Закончил он так:

– Госпожа Голендеева не решилась вам написать. Сказала: я виновата перед ним, но как сейчас будет выглядеть мое раскаяние? Ну, вы понимаете...

– Понимаю.

– Я сообщил больше, чем требуется умному человеку. Решение за вами.

– Мне надо подумать. Так, значит, она сразу отвергла подозрения в мой адрес?

– Да. Я предупредил Марию Евдокимовну, что, если заказчик убийства вы, она помогает отправить вас на каторгу. Но она отрезала: «Викентий Леонидович невиновен!» И оказала дознанию важное содействие.

Лерхе веселел на глазах.

– Кстати, – продолжил Алексей, – на место церемониймейстера осталось теперь лишь два претендента: вы и Дуткин. Ваши шансы повышаются.

– Я решил отказаться от придворной карьеры!

– Что так?

– После нашей первой беседы меня вызвал Ламздорф. Граф всегда симпатизировал моей скромной персоне. И вот, узнав от вас, что я подал прошение министру Двора, он посоветовал отозвать его. И не уходить с дипломатической службы. Своим добросовестным трудом, сказал Владимир Николаевич, я заработал себе право на хорошую должность. И предложил место второго секретаря в Риме!

– Да, граф вас очень хвалил. И сокрушался, что вы сами портите свою карьеру излишней скромностью. Я чуть было не сказал ему: так сделайте за него первый шаг! Рад, что Ламздорф умеет услышать несказанное.

– Получается, Алексей Николаевич, что я должен быть вам благодарен!

– За что? – удивился сыщик.

– Вы так провели дело, что я получил долгожданное место. А возможно, и жену. Хотя, должен признаться, вы сильно не нравились мне в наши предыдущие встречи...

– Рад за вас, Викентий Леонидович. Понимаю, неприятно слышать, что тебя подозревают в соучастии в убийстве! Но у меня такая служба. Кто-то же должен найти злодея. А приобретениями этими вы обязаны не надворному советнику Лыкову, а своим порядочности и трудолюбию.

Они расстались по-дружески, и вскоре в кабинет явился Дуткин. Он похудел, на висках открылась седина. Прежнее добродушное выражение лица исчезло. Финансист смотрел теперь настороженно, словно ожидал новой обиды.

Лыков вручил ему отобранные в интересах дознания фотопортреты. При этом пояснил:

– Клотильда Лавинэ убита и тайно погребена в Даниловских

каменоломнях.

– Как! Бедная... Но зачем?

– Чтобы лишить вас алиби в ночь убийства Дашевского.

Илиодор Иванович долго думал, потом до него дошел смысл сказанного.

– Против меня действительно был заговор? Как вы и предполагали?

– Да. Настоящие преступники хотели навести подозрение полиции именно на вас. Опрометчивое письмо, сложные отношения с убитым... Отсутствие алиби стало бы для вас приговором.

– Боже... Как же я страдал в вашей темнице!

– Но теперь все благополучно разрешилось. С вас сняты подозрения, подписка отозвана. Когда у вас отпуск? Съездите куда-нибудь, в Париж или Ниццу. Отдохните, укрепитесь духом. А осенью напомните о себе министру Двора. Вы остались единственным кандидатом на место церемониймейстера!

– А Викентий Леонидович?

– Он решил отказаться от придворной карьеры. Ему обещана должность в перворазрядном посольстве в одной из европейских стран.

Дуткин сделал важное лицо.

– Я... меня тоже посетили сомнения.

– Какие?

– Мои мучения – это кара за тщеславие и гордыню. Она обрушилась на меня, когда я возжелал придворного блеска! И наказан... Все суета сует. Надобно жить, заботясь о душе, а не о мирских соблазнах. И потом, я молод, богат, умен... Что еще нужно? Зачем искушал я Вседержителя?

Лыков пытался успокоить разбушевавшегося проповедника:

– Помилуйте, Илиодор Иванович! Вы просидели пять дней в дворянской камере, с удобствами и на ресторанных харчах. Какие же тут испытания? Они случились бы, если б я не сумел доказать ваше инобытие.

– Но меня лишили свободы! – гневно выкрикнул толстяк. – Мое имя замарали подозрениями, страшными подозрениями!

– Скажите спасибо, что легко отделались. И Вседержителя не поминайте всуе. Люди рисковали жизнью, чтобы спасти вас. А вы в это время, после всех совершенных вами глупостей, кушали пулярку.

Но Дуткин, больше других обязанный Лыкову, ушел раздраженный. И даже обещал подать жалобу на Высочайшее имя за беспричинный арест! Вот болван...

Последним Лыков принял Арабаджева. Они беседовали с глазу на глаз. Сыщик объявил:

– Официально извещаю вас, что дознание убийства Дашевского закончено, дело передано следователю по особо важным делам Добужинскому. С Лерхе и Дуткина подозрения сняты, подписки об их неотлучке отозваны.

– А моя?

– Остается в силе.

Глаза у Арабаджева сделались как у гюрзы: злые и немигающие.

– Это что значит?

– Это значит, что вы – главный подозреваемый. Мне известны все подробности. Снулый арестован и признался в пяти убийствах. Янович-Яновский пока все отрицает, но это лишь дело времени. Вы преступник. И виновны в том, что заказали смерть Дашевского за три с половиной тысячи рублей.

– Я не знаю никого из тех, чьими именами вы козыряете!

– Снулого действительно не знаете. А вот Яновича – очень хорошо. Он ваш сообщник и был посредником в этом преступном деле.

– Где доказательства, Лыков?

– Скоро будут.

– А вы меня не интимизируйте!^[53] Вот когда будут, тогда и обвиняйте!

– Немного потерпите. Недолго осталось. Кстати, для Дворцовой полиции того, что я выяснил, достаточно. Это суду нужны доказательства, а Черевину с Ширинкиным нет. Вас уже вычеркнули из ведомости рассылки приглашений ко Двору. Сейчас готовится отношение к Воронцову-Дашкову о лишении вас придворного звания. Со службы тоже выкинут. Вы зря погубили столько людей, Арабаджев. Вам никогда не стать церемониймейстером.

Бакинец молчал, гоня желваки по лицу, а Лыков не унимался:

– На Сахалине попадете в древотаски. Знаете, как это делается? Обязательно зимой, я сейчас объясню почему. Отбирается артель и назначается в лес. Возле тюрем он уже всюду сведен, и требуется уходить в тайгу верст на восемь-девять, а где-то и дальше. Так вот. Артель выбирает подходящее дерево и валит его. Причем ствол должен быть не менее установленной длины! Если он окажется мал, то приходится валить новое дерево. Когда нужный ствол спилен, вся артель справляет на него малую нужду. Теперь понятно про зиму? Подмерзшую лиственницу тащат волоком по снегу до тюрьмы. Даже самые сильные не могут долго протянуть на такой работе... Зато летом отдохнете! Картошку сажать да рыбу ловить много проще.

Тут коллежский ассессор обернулся на закрытую дверь и злобно

прошипел:

– Я тебя зарежу, Лыков! И детей твоих, и жену! Всех зарежу!

«Ну чистый абрек, – подумал Алексей. – Куда девался весь лоск цивилизованности?» А вслух хладнокровно ответил:

– Попробуй. Только таких уже много было, и ни у кого не вышло. Бог правду видит. Если попытаешься – обещаю тебе ускоренное судопроизводство. Сильно ускоренное! А теперь пошел вон!

На всякий случай Лыков рассказал Дурново об угрозах бакинца. Тайный советник отнесся к этому со всей серьезностью. Арестовать подозреваемого было пока не в его власти – прямые улики отсутствовали. Поэтому к семейству Лыковых приставили охрану. Теперь в подъезде дома на Моховой постоянно дежурил, помимо швейцара, крепкий молодец из служительской команды.

Разобравшись с подозреваемыми, бывшими и настоящими, Алексей явился во внутреннюю тюрьму. Ему хотелось поговорить по-человечески с Шустовым. Как он вдруг стал изменником? Но беседа не состоялась. Сергей Фирсович отказался общаться. С непривычной твердостью он заявил бывшему начальнику:

– Уйдите, Алексей Николаевич! Я кругом виноват перед вами, мне нет прощения, но – уйдите.

И надворный советник вынужден был удалиться.

Дело Дашевского вступило в завершающую фазу. Алексей оформил акт дознания и направил его следователю. Он ждал, когда у Яновича-Яновского сдадут нервы. Понимание огромной опасности должно было вскоре прийти к поляку. Не чужие слова, а бессонница и озноб по коже...

Но меценат, вместо того чтобы явиться с повинной, подал прошение прокурору. Он требовал отпустить его в Варшаву. Там умирала тетка поляка, решался вопрос наследства, и племянник должен был присутствовать при дележе. Прокурор передал прошение Лыкову. Тот телеграфом запросил Варшавскую сыскную полицию. Его старый приятель Гриневецкий ответил, что единственная родственница Яновича умерла четыре года назад. Пан пытался подделать завещание, но попался и бежал. Его с удовольствием примут в Варшаве, чтобы засадить в Павяк^[54]... Других богатых теток у Яновича нет.

Через день неумный поляк снова побеспокоил прокурора. Он якобы опасно болен и должен срочно ехать в Москву, показаться Захарьину. Это вопрос жизни и смерти! Следователь созвал консилиум из трех профессоров. Те дали единодушное заключение, что Янович – симулянт и

его жизни ничего, кроме запущенной гонореи, не угрожает.

Лыков терпеливо ждал, но пан, к его удивлению, держался. Что-то не то! Как он ходит вечером отмечаться в участок? Сыщик послал своего помощника выяснить подробности. Оказалось, что журнал отметок на дом поляку носит околоточный! За мзду, разумеется. Сам Янович уже неделю как не покидает квартиры. Еду ему присылают из кухмистерской на первом этаже. А дворник каждый день получает от перепуганного жильца по полтиннику, чтобы внимательнее стоял на воротах.

Надворный советник приехал в участок и там снял с околоточного стружку. До самого естества... Утром поляк явился отмечаться лично. Алексей поджидал его на выходе. Наблюдать за паном было интересно. Перед тем как покинуть присутствие, тот высунулся из подъезда и долго озирал окрестности. Потом дождался выхода какого-то полицейского чина и пристроился за ним следом. Лыков укрывался в подворотне. Он пропустил Яновича мимо себя, потом бесшумно догнал и хлопнул по плечу. Раздался страшный крик! Не оглядываясь, пан кинулся к перекрестку, где дежурил городской.

Сыщик подошел, поздоровался с постовым и протянул Яновичу бланк служебной телеграммы.

– Ознакомьтесь.

Поляк осторожно высунулся из-за плеча городского.

– А, это вы... Уф! Что это?

– Ответ градоначальника Одессы на мой запрос. Я поинтересовался, были ли у Арабаджева приключения, когда он учился в Новороссийском университете. Оказалось, были! Читайте.

Янович прочитал текст телеграммы и изменился в лице.

– Видите, что это за человек? – констатировал сыщик. – За оценку чуть кишки не выпустил. Как думаете, сколько времени он вам даст? Ночи скоро станут темными...

– А что мне будет, если я... Ну, представим на минуту, что ваши домыслы справедливы?

– Про домыслы разговора нет, – отрезал надворный советник. – Вы хотели спросить, что вам будет, если вы сознаетесь?

– Да.

– От десяти до двенадцати лет каторжных работ. За чистосердечное суд может назначить по нижнему пределу: десять.

– А можно ли сделать так, чтобы мы с ним оказались в разных местах? Желательно совсем в разных.

– Запросто! Мансурыч поплывет на Сахалин, а вам назначат

Нерчинский район. Там, кстати, и климат мягче. Вы слышали про готовящуюся новацию? Скоро примут. После отбытия каторги и поселения дозвоят вернуться на родину. Пожизненное проживание в Сибири отменят.

– Я должен подумать, – мрачно заявил Янович-Яновский.

– Думайте, – разрешил Лыков. – Это ваша жизнь, а не моя висит на волоске.

Вечером сыщик опять пришел в знакомую подворотню. И увидел живописную картину: пан следовал в участок в сопровождении дворника. Тот был пьян и едва переставлял ноги. Поравнявшись с Лыковым, Янович возмущенно заявил:

– Дневной грабеж! Эта скотина потребовала у меня три рубля! А сам ни на что не годен!

Дворник рыгнул и ответил:

– Я жизнью рискую! А ён обзывается. Возьму вот завтра и не пойду! Да еще ворота распахну: заходи кто хошь!

Лыков засмеялся и ушел. Однако ему было не до смеха: пан держался и не выдавал сообщника. Как быть? Много лет назад Благово преподавал Алексею урок сыского дела. Они расследовали отравление купца его женой на пару с любовником. В этом была замешана кухарка. Именно она приготовила блюдо, погубившее несчастного. Женщине хорошо заплатили, и та отказалась выдать убийц. Дознание зашло в тупик. Тогда Павел Афанасьевич разыграл попытку отравления самой кухарки – будто бы злодеи решили от нее избавиться. Грибы, вызывающие сильную рвоту, но неопасные для жизни, агенты подложили женщине в щи. И на другой день она, сильно напуганная, явилась в полицию с повинной. Лыков подумал-подумал и пошел наклеивать бороду...

Утром следующего дня к нему в кабинет тихо вполз Янович. Вид у посредника был жалкий.

– Дворника увезли, – сказал он. – Когда я давал ему полтину, он еще держался. А с трех рублей напился до белой горячки.

– Что вы решили?

– Белая горячка, вы понимаете это? – истерично крикнул пан. – Что мне теперь делать-то?

– Да шли бы вы к чертям, – отмахнулся сыщик. – Мне все равно, зарежет вас дикий абрек или нет. Сами себя спасти не желаете, нечего тогда полицию беспокоить!

– Я хочу жить.

– Тогда пишите чистосердечное признание.

– Дайте вставку^[55] и бумагу...

– Нате. Но одного признания будет мало. Если свидетелей нет, Арабаджев скажет, что вы его оговорили. Точь-в-точь как вы про Снулого.

– Свидетелей нет, но есть его собственноручная записка.

Янович-Яновский выложил бумагу. Лыков пробежал ее глазами – вот это да! Арабаджев писал:

«Дело плохо! Надо срочно подкопать под Дуткина. Письмо годится, но только если у него не будет алиби. В то воскресенье Дуткин ездил в Москву к французской девке. Зовут Клотильда Лавинэ, проживает на Солянке в доме Игумнова. Пусть С-й летит туда. Это его вина, что с лакеем не вышло! Никаких новых денег ему не полагается, а пусть подчистит собственный огрех. Француженка должна как бы уехать. Немедля!»

– Откуда Арабаджев узнал про Клотильду, и даже с адресом? – задал Лыков давно интересовавший его вопрос.

– Я случайно осведомлен. Дурак Дуткин сам ему рассказал. Хвастал и адрес назвать не отказался!

– Да? А мне Илиодор Иваныч ничего об этом не сообщил!

– Я же говорю: дурак! Наболтал первому встречному, да и забыл об этом. А у Василия Михайловича ничего зря не пропадает.

– Ну-с, бумага хорошая, – согласился сыщик. – Суд оценит. А вы пишите по порядку. Как познакомились с Арабаджевым, как он поручил вам найти убийц, где разыскали Снулого... Все в подробностях.

– Мы были с ним знакомы по танцклассам. Год назад он попросил меня найти людей, чтобы проучили сослуживца. Тот шел в начальники, а Василий Михайлович этого не хотел. Я нанял парней с Сельдяного буяна.

– Первых попавшихся?

– Да, там с этим запросто. У них есть такие шесты с железными крючками на конце, знаете? Они катают ими бочки с селедкой. Вот этими шестами грузчики избили сослуживца Арабаджева, сильно. Пока тот лечился, место занял мой клиент.

– Понятно. Но убить – это другие люди нужны. Как вы их нашли?

– Когда Дашевский выиграл должность, Арабаджев снова обратился ко мне. И сказал, что на этот раз надо убрать конкурента вчистую. Навсегда. Он мог предложить за это пять тысяч.

– А Снулому вы сказали, что три с половиной!

– Ну надо же было мне получить за труды!

– Понятно. И вы пошли в «Малинник»?

Поляк поежился:

– Просто так туда не войдешь... Я играю по маленькой в карты, и на

одной тайной квартире мне назвали Ваську Питенбрюха. У него, мол, есть бывалый человек для всех вопросов. Направился я в «Малинник», а меня не пускают! Стоит у двери детина и говорит: шпионам ходу нет!

– Так и не пустил?

– Наотрез. Тогда я попросил вызвать Ваську. Есть, мол, к нему дело. И первый разговор у нас был на улице. Он как узнал про сумму три с половиной, сказал, что дешево. Человек не согласится. Сходил внутрь, переговорил, вышел и отказал. Я передал Арабаджеву. Про свою долю, понятно, смолчал. Прошло две недели, опять он завел старый разговор. Но уже знал от кого-то, что Дашевский разжился деньгами. И их можно взять. Я снова в «Малинник». И там впервые увидел Снулого. Он подумал немного и согласился. Надо полагать, других заказов у него не было, и он пошел на уступку. Дальше вы знаете.

– Пишите все, что сейчас рассказали.

– А меня отсюда сразу в тюрьму? – спросил Янович.

– Да. Следовательно, что ведет дело, выдаст ордер на арест. И вас отвезут на Шпалерную. Вы дворянин?

– Потомственный, как все поляки! А точно я заночую уже в тюрьме?

– Конечно. Что-то случилось? Вы молчали-молчали, и вдруг...

– Он приходил сегодня ночью.

– Арабаджев? К вам? – «удивился» Лыков.

– Именно! Дверь, разумеется, была закрыта на ключ. Я плохо сплю последнее время... Потому услышал, как замок пытаются отпереть. Там еще засов и цепочка, дворник, дурак, успел поставить. А он возится в коридоре, не уходит. Пришлось разбить окно и звать на помощь!

– Его не поймали?

– Никто и не ловил. Дворник на излечении, а жильцы побоялись. Спугнули, и на том спасибо! До утра я не сомкнул глаз, и прямо сюда.

– Я же вас предупреждал! Чуть-чуть, и не сидели бы здесь сейчас. Нашли, с кем шутки шутить! Ладно, пишите. Как только закончите, я еду за ордером и арестовываю нашего абрека. Тогда вам нечего станет бояться.

Тут открылась дверь, и просунулась усатая физиономия дежурного:

– Ваше высокоблагородие! Вас на подъезде дожидаются.

– Кто?

– Не могу знать! Баба какая-то.

Что еще за баба? Богатую вдову дежурный так бы не назвал. Анютка? Нет, она не дура, чтобы ходить к нему на службу. Недоумевающий Лыков оставил арестанта под надзором и спустился в вестибюль. К своему удивлению, он увидел там подняню Серафиму.

– Что случилось?

– Вот, – девушка протянула ему клочок бумаги. – Барыня велели передать.

Алексей прочитал и изменился в лице. Рукою Вареньки там было написано всего два слова: «Срочно приходи». Что-то случилось, негаданное и дурное. Первая мысль была, что захворали дети. Или произошла какая беда, на прогулке или дома. Но тут же следом вспомнился свистящий шепот Арабаджева, обещавшего всех зарезать. Кандидат права бегал по Одессе с кинжалом. Неужели он опять? А охрана?

Лыков бросился домой, не разбирая дороги. Беда, конечно, беда... Но пусть лучше это будет корь или неугомонный Николка снова зашиб себе ножку. Только бы не нападение Арабаджева! Господи, смилуйся! Только не это!

Но как его пропустили? Запросто. Пришел вежливый господин с манерами и спросил у швейцара, где здесь живут Лыковы. Парень, что охраняет семью, и подумать не мог. Или просто отлучился с поста. Или, того хуже, они оба уже мертвые... Черт! Сыщик был без оружия, но желал порвать татарина на части голыми руками. Ах, почему он не принял настоящие меры после той угрозы? Но какие? Без показаний Яновича – никаких. Увезти семью на день-два, пока злодея не арестуют? Но кто мог предположить, что слова его сказаны всерьез? Да к тому же понадеялся на охрану.

Подбежав к дому, Алексей взял себя в руки. Может, еще и обойдется... Мало ли что случилось, из-за чего Варенька срочно вытребовала его домой. Отдышавшись, он вошел в подъезд и сразу окаменел от ужаса. Из комнаты швейцара доносился стон... В приоткрытую дверь были видны чьи-то ноги – человек лежал на полу. Так и есть, беда! Но сейчас сыщику было не до помощи этим людям. Он бегом поднялся на второй этаж. Дверь оказалась не заперта. Сыщик толкнул ее и вошел в шинельную. Там было пусто и непривычно тихо.

– Варвара! Я пришел!

Из гостиной раздался шорох и какой-то звук: то ли кашель, то ли стон. Алексей ринулся туда и замер на пороге. Всю жизнь он потом помнил ту картину...

У самой стены застыла Лидия Павловна Таубе. Лицо у нее было как маска. Не отрывая взгляда, баронесса смотрела на Вареньку и ее обидчика.

Сама Варвара Александровна сидела на стуле посреди гостиной. Белее мела, с неприбранными волосами, в глазах слезы. За ее спиной устроился Арабаджев. Этот торжествовал! Щеки покраснелись, осанка сделалась

горделивой, а лицо – самодовольным. Черные агатовые глаза, казалось, мечут искры. Коллежский асессор сжимал большой кухонный нож, каким повара режут мясо. Он держал его так, что широкое лезвие почти упиралось женщине в шею.

Увидев мужа, пленница ойкнула и начала протягивать к нему руки. Бедная, она просила защиты... Но клинок тут же оказался у нее на горле, и резкий голос скомандовал:

– Сиди!

Лыков сделал шаг вперед и остановился. До негодя оставалась еще сажень. Как ее преодолеть? Ведь между ними, словно барьер, Варенька. Пока обогнешь, тот чиркнет лезвием. Ах, если бы она догадалась упасть! Со стула вбок, уходя от удара. Сразу бы ему стало легче. Но как объяснить, как подсказать? Жена ничего не понимает от страха, у нее сейчас в ушах шум, все плывет перед глазами. А она еще беременна!

– Для чего ты впутал женщин? – в сердцах высказал Лыков Арабаджеву. – Отпусти их и объяснись со мной. Сойдемся на жизнь или смерть как мужчины!

– Это было бы для тебя слишком хорошо, – ответил бакинец. – Вдруг ты победишь? Нет. Своими поступками ты заслужил самое страшное наказание – увидеть, как умирает твоя жена. А там пусть Аллах решает. Мне жизнь червяка не нужна.

– Это я заслужил? – вскинулся сыщик, а сам незаметно подвинулся к противнику на вершок. – А ты? Ты погубил пять человек – для чего? Для химеры, чтобы ошиваться возле государя?

Арабаджев скривился:

– Это для тебя химера! А для меня смысл и цель. При моих талантах я бы вышел в первые чины Двора. Я могу! Я особенный! И так хорошо было все придумано... Ну откуда ты взялся на мою голову? Теперь отвечай за это! Повезет – так еще и детей твоих зарежу!

«Только бы он отвел клинок от горла, – думал Лыков, – ведя эту бессвязную беседу. – Только бы отвел... Тогда я допрыгну раньше, чем он ударит. Если не отведет, всему конец. Одно скользящее движение – и гортань разрезана. Быстро и просто». Сколько турецких часовых снял так вольноопределяющийся Лыков! Варенька захлебнется собственной кровью до прихода врачей.

– Вот, гляди, – Алексей стащил сюртук и бросил его на пол. – Я безоружен. А у тебя нож! Все козыри на руках. В тесной комнате мне не увернуться. И не убежать, потому что я не побегу. Ну, решайся! Так приятно вонзить клинок в тело врага... В сердце, прямо в сердце! Пока ты

будешь резать женщину, я до тебя доберусь. Ее не спасу, но тебя удавлю, не сомневайся. Казнить нас обоих ты не успеешь, только кого-то одного. Так уж лучше меня! Что это за месть, если убил не того человека?!

Арабаджев задумался, а Лыков между тем приблизился еще на вершок. Отсюда он мог уже прыгнуть и попробовать перехватить нож. Но шансов – половина на половину! Слишком опасно. Если бы кто-то хоть на миг отвлек негодяя...

Вдруг от стены заговорила баронесса Таубе:

– А при чем здесь я?

– Что? – удивился Арабаджев, поворачиваясь к ней.

– При чем здесь я? – холодно повторила Лидия Павловна. – Вот уж ни сном ни духом... Зашла на пять минут в гости, а попала вон во что! Нет, меня ваша распря не касается. Дайте мне спокойно уйти, а там делайте что хотите.

Коллежский ассессор смотрел и не понимал.

– Или вы и меня желаете зарезать? – сердито осведомилась баронесса.

– Нет, я...

– Так позвольте мне удалиться!

– Собственно, почему нет... Против вас, как лица постороннего, я ничего не имею. Можете идти.

Лицо Вареньки дрогнуло. В глазах появилось удивление и сразу же затем – отчаяние. Но Лыков воспрянул духом. Он-то понял замысел храброй женщины. Еще по Дагестану сыщик помнил, какие у нее сильные пальцы. А суровый опыт? Учеба на хирурга, арест, тюрьма, ссылка. Выживание в глухом ауле, где тебе никто не поможет. Уж чего-чего, а самообладания Лидии Павловне было не занимать. Только Варенька могла поверить, что эта женщина способна бросить ее в такую минуту. У нее совсем другая была молодость, и она сейчас напугана. Да еще поверит Арабаджев, для которого все люди – черви. И сыщик изготовился, перенес вес тела на одну ногу.

Между тем противник стоял уже вполоборота, глядя на Лидию Павловну. И самопроизвольно отвел руку с ножом чуть в сторону.

Баронесса сделала шаг к двери – и вдруг бросилась на бакинца, вытянув вперед обе руки. Раз! Ей не удалось сбить мужчину с ног, он только пошатнулся. Но Лыкову этого хватило. Он мгновенно оказался рядом. Нож выпал, словно сам собой, потом в воздухе мелькнули ноги. И татарин улетел кувырком к двери, хватившись спиной об пол. Еще через секунду Алексей уже встал ему коленом на грудь. Левую руку он подвел под затылок, правой взял негодяя за челюсть – и резко повернул... Раздался

хруст ломаемого позвоночника, и Арабаджев умер.

Сыщик в ярости плюнул в угасшее лицо бакинца, вскочил и бросился к жене. Та лежала на полу и билась в судорогах. Над ней хлопотала Лидия Павловна.

– Там все? – спросила она, не оборачиваясь.

– Все.

– Бегите немедленно за извозчиком.

– Я...

– Она сейчас выкинет плод, и может начаться сильное кровотечение.

Ее надо скорее в больницу, здесь я кровь не остановлю. Бегом!!!

И Лыков побежал.

Лидия Павловна Таубе дважды спасла Вареньку. Первый раз, когда прыгнула голыми руками на нож, а второй – когда довезла ее после выкидыша до Повивального института. Там больную принял сам директор профессор Баландин. Лучшие акушеры столицы выходили ее. Но пережившая страшные минуты женщина впала в нервную горячку и надолго лишилась рассудка. Ее перевели в больницу Святого Николая Чудотворца. Алексей три недели провел у кровати жены, возвращаясь домой только ночевать. Он обещал психиатрам любые деньги, лишь бы лечили как следует. Но те денег не брали. Они объясняли, что делают все возможное, но гарантий нет. Дома Лыков целовал детей и уходил в спальню

молиться, а утром снова ехал на Пряжку.

То ли доктора помогли, то ли Бог услышал молитвы сыщика, но Варенька выкарабкалась. Сначала она стала узнавать мужа, только плакала не переставая. Потом попросила привести детей и при них уже держалась. Первое, что она сказала Алексею, когда вернулась в разум, была просьба выйти в отставку.

– Дорогой, милый, любимый! Единственный мой! – умоляла она. – Средства у нас есть, а дети еще слишком малы, чтобы потерять родителей. Довольно испытывать судьбу! Твоя адская служба привела уже к несчастью. В конце концов она погубит нас всех. Общась с отбросами, ты принимаешь на себя их злую энергию. А осколки бьют по нам, твоим близким. Уйди, пока не поздно! Умоляю тебя!

И Лыков не посмел возразить. Его отказ убил бы Вареньку, так она была еще слаба. Он написал прошение об отставке и отнес его директору. Дурново долго молчал, теребил ус, потом сказал:

– Жаль, ей-богу жаль! Возьмите отпуск на шесть месяцев! А когда уляжется, вернетесь. Место, обещаю, останется за вами.

– Не уляжется, Петр Николаевич, – хмуро ответил Алексей. – Подпишите.

Дурново вздохнул и нехотя наложил резолюцию.

Через час Лыков снова появился в приемной. Он протянул секретарю какую-то бумагу и попросил поставить внизу печать департамента. Зыбин без размышлений отказал: не положено. Печать ставится лишь на подпись директора или вице-директора, а не абы куда по указке отставных надворных советников. Алексей спорить не стал и сразу прошел к Дурново.

– Подпишите еще здесь, пожалуйста.

– Что это? – заинтересовался тайный советник.

– Статейные списки^[56] Вафусия Студнева.

– Какого еще Вафусия?

– Это гайменник, Гусиная Лапа. Помните? Он подсказал нам про костеобжигательный завод.

– А, тот... И о чем тут речь?

– Ходатайство начальнику острова Сахалин о помещении Студнева в Корсаковскую тюрьму.

Дурново прочитал перечень уголовных подвигов гайменника и пожал плечами.

– Почему я должен хлопотать ему о смягчении? С таким-то реестром.

– Он помог нам выследить Снулого.

– Ну и ладно! Эдакой дряни самое место в Воеводской кандалной

тюрьме. Пусть и подохнет там! Охота, Алексей Николаевич, за него просить? До него ли вам сейчас?

– Петр Николаевич, я ему обещал.

Дурново взгляделся в бывшего подчиненного. Из того словно выпустили всю кровь, он стоял безразличный ко всему. Но не уходил! Данное раз слово обязывало Лыкова, даже находившегося в таком состоянии. Тайный советник расписался, протянул бумагу.

– Что-нибудь еще?

– Да. Можно как-то смягчить участь Шустова?

– Это почему же?

– Он продан не за деньги.

– А за что? – рассердился Дурново. – Вы решили перед отставкой всех облагодетельствовать?

– У сестры Сергея Фирсовича нашли базедову болезнь. Ему потребовались средства на лечение.

– А прошение о пособии он не догадался написать?

– А вы дали бы ему полтысячи? – усомнился Лыков. – Я бы вот дал, но только он у меня не попросил...

И Дурново, которого трудно было чем-то смутить, отвел взгляд. А отставник продолжил:

– Пятьсот рублей! Я Шайтан-оглы отвалил две сотни за то лишь, чтобы выяснить невиновность Дуткина. Чужого, постороннего человека. Нешто пожалел бы Сергею Фирсовичу? Но он ничего не сказал. Почему? Неужели я был таким плохим начальником, что ко мне нельзя с просьбой подойти? И сломал себе жизнь... Не понимаю!

Дурново сказал, все так же глядя в сторону:

– Ему уже все равно, Алексей Николаевич. Час назад сообщили: Шустов найден в камере мертвым. Разрыв сердца.

– Это он со стыда, – пояснил Лыков. – Эх! На что мне деньги, если ими человека спасти нельзя?

Они посидели какое-то время молча. Дурново не хотел отпускать Лыкова, словно надеялся еще уговорить его остаться... Наконец директор поднялся.

– Куда вы теперь?

– В Швейцарию, в горную клинику.

– Надолго?

– Кто знает... Может, до Рождества, а может, и до Пасхи. Что доктора скажут.

Дурново протянул Лыкову маленькую крепкую ладонь:

– Когда все уляжется, жду вас обратно. Помните: двери Департамента полиции для вас всегда открыты.

Отставной надворный советник ответил:

– Прощайте!

---

notes

Примечания

Гайменник – налетчик (*жарг.*). (*Здесь и далее – примеч. автора.*)

Горчишники – хулиганы.

Фраер – общее название жертвы (*жарг.*).

Штифты – глаза (*жарг.*).

П. С. Вошинин – в 1892 году начальник Петербургской сыскной полиции.

См. книгу «Мертвый остров».

«Пчельник» – трактир-притон, куда ходят только уголовные (*жарг.*).

«Красные» – воры (*жарг.*).

То есть при И. Д. Путилине, начальнике сыскной полиции.

Петух – пять рублей (*жарг.*).

То есть к врачу Казанской части.

Полковник Г. А. Власенко – в 1892 году начальник Петербургской речной полиции.

«Большой» Дурново – Иван Николаевич, министр внутренних дел.
«Маленький» – его однофамилец, Петр Николаевич, директор
Департамента полиции.

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

И. А. Вышнеградский происходил из духовного звания.

16

6,5 мм.

И. И. Воронцов-Дашков – министр Двора и уделов.

См. книгу «Мертвый остров».

СЕИВ – Собственной Его Императорского Величества.

См. книгу «Между Амуром и Невой».

Бить плесом – доносить, капорник – доносчик (*жарг.*).

Маз – главарь шайки (*жарг.*).

Д. А. Толстой – в 1887 году министр внутренних дел.

Н. К. Гирс – министр иностранных дел.

Карне да баль – бальная книжечка: в нее вписывали тех, кому обещан тот или иной танец.

Складка – убийство (*жарг.*).

В. А. Жуковский родился в Белёвском уезде Тульской губернии.

Имеется в виду Н. К. Гирс, министр иностранных дел.

Профессорский стипендиат – в настоящее время это аспирант при кафедре.

Отпущенный – заточенный.

31

188,7 см.

Комиссаровское училище – среднее техническое учебное заведение в Москве, названное в честь спасителя царя Осипа Комиссарова.

«Черная шапка» – так называли курьеров в Петербурге.

Анизет – анисовая водка.

С зайчиком – с тараканами в голове (*устар.*).

Явочное прошение – заявление в полицию о пропаже (в данном случае человека).

37

161 cm.

Насквозька – блуза из прозрачной материи.

См. книгу «Выстрел на Большой Морской».

См. книги «Между Амуром и Невой» и «Мертвый остров».

«Чертова рота» – сыскная полиция (*жарг.*).

Сорга – деньги (*жарг.*).

Цинтовка – предварительная тюрьма (*жарг.*).

Люди мешка и веревки – так французы называли разбойников.

То есть купе.

Обдергайка – короткая рабочая куртка.

Чуть больше 11 см.

Комбинат – здесь: смесь.

Первый разряд каторжных – осужденные на срок от 12 до 15 лет.

Погонянка – каторга (*жарг.*).

Алёшка – лакей (*жарг.*).

Семибашенный – Литовский замок, городская исправительная тюрьма Санкт-Петербурга.

Интимидировать – запугивать (*устар.*).

Павяк – варшавская следственная тюрьма.

Вставка – ручка со вставным пером.

Статейные списки – сопроводительные документы арестанта.